

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Уральский государственный аграрный университет
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

НЕКРАСОВ С. Н.
ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ
И РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
МОНОГРАФИЯ

Екатеринбург
Издательство Уральского ГАУ
2024

УДК 101.1:316(075.8) *Утверждено на заседании*
ББК 87.6 *Научно-технического совета ФГБОУ ВО Уральский ГАУ*
Н48 *(протокол № 08/23 от 21.09.2023)*

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

В. П. Ворожцов, доктор философских наук,
генерал-майор внутренней службы, Москва
А. В. Ручкин, кандидат социологических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург

Некрасов, Станислав Николаевич

Н48 Традиционные ценности и российская государственность: моно-
графия / С. Н. Некрасов. – Екатеринбург: Издательство Уральского ГАУ,
2024. – 236 с.

ISBN 978-5-87203-574-9

В книге рассмотрены социально-философские проблемы формирования традиционных ценностей в истории российской государственности. Автор обращает внимание на роль родительского авторитета и коллектива как известных нашему народу ключей к воспитанию новых поколений. В советскую эпоху российской государственности средствами диалектической логики проводилось развитие системных ощущений, самообразования и подготовки политической элиты, при этом воспитание понималось как общегосударственная задача, формировались советы по народному образованию. В центре овладения традиционными ценностями в России стояло счастье человеческое, понимание которого при разрушении социальной системы подвергалось деформации в первую очередь.

Рекомендуется в качестве учебно-методического пособия, дополнительного источника научных сведений преподавателям и студентам высших учебных заведений, а также широкому кругу читателей, самостоятельно изучающих курс «Основы российской государственности».

УДК 101.1:316(075.8)

ББК 87.6

ISBN 978-5-87203-574-9

© Некрасов С. Н., 2024

© Уральский государственный
аграрный университет, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. РУССКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ	21
1.1. Воспитание целомудрия и традиционные ценности в культуре любовного переживания	21
1.2. Тайна деторождения и половое воспитание	28
1.3. Богемный дух уходящего общества: социализм и проблема нравственной нормы в воспитании	34
1.4. Разрушительная мощь матерного слова: формирование психики поколения	39
1.5. Воспитание бережливости и способности ориентировки: концепция А. С. Макаренко	43
1.6. Воспитание честности и заботливости в семье: концепция А. С. Макаренко и буржуазная жадность	51
Глава 2. РОДИТЕЛЬСКИЙ АВТОРИТЕТ	59
2.1. Родительский авторитет на основе гражданской деятельности и ответственности за воспитание	59
2.2. Вопрос о структуре новой семьи и решение задачи успешного воспитания: концепция А. С. Макаренко	67
2.3. Нарушения воспитательного процесса как неантагонистические противоречия социализма	72
2.4. Неправильный и правильный пути воспитания коллективизма в семье: советы А. С. Макаренко	76
2.5. Недостатки системы образования в России и проблемы наследия педагогики А. С. Макаренко	81
ГЛАВА 3. КОЛЛЕКТИВИЗМ КАК КЛЮЧ К ВОСПИТАНИЮ	89
3.1. Системные ощущения и коллективизм как ключ к воспитанию: происхождение энтузиазма	89
3.2. Преодоление воспитательного наследия частной собственности в педагогике А. С. Макаренко	95
3.3. Чувственные восприятия, коллективный опыт и проектирование личности по социальному заказу	100
3.4. Философское оздоровление в коллективе	105

3.5. Личность и общество: происхождение свободы в буржуазном и социалистическом контекстах	111
Глава 4. ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА И ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ КАДРОВ	117
4.1. Необходимость диалектической логики для формирования новых кадров: педагогика А. С. Макаренко и наше время	117
4.2. Законы природы и законы формирования личности	122
4.3. Счастье в зеркале культуры и проблемы практики	128
4.4. Законы советского счастья: философское измерение	135
4.5. Счастье и чувство обладания: позиция практики	143
4.6. Диалектическая логика и законы воспитания	149
Глава 5. ПЛАН И СТИХИЯ	155
5.1. План и стихийные факторы при социализме	155
5.2. Законы природы и законы общества: критика М. Н. Руткевичем концепции И. В. Сталина	163
5.3. Самообразование и технологии подготовки политической элиты: Н. К. Крупская и наше время	169
5.4. Советская власть и перестройка образования	174
5.5. Советы по народному образованию и история советской перестройки	179
5.6. Советы народных депутатов и советы народного образования	185
5.7. Образование и кризис педагогики сотрудничества	192
5.8. Основные принципы единой школы и современность	197
5.9. Воспитание как государственная задача	203
5.10. Генезис первобытной общины как коммунистической: традиционные ценности в свете материалистического понимания истории	210
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	219

ВВЕДЕНИЕ

В перестройку геополитическими противниками России активно распространялись либеральные мифы о презрении В. И. Ленина к интеллигенции, которые способствовали переходу советской интеллигенции на позиции евроцентризма как метаидеологии Запада. Н. К. Крупская в 1930 г. показывала актуальность ленинского понимания интеллигенции в дореволюционный период, когда классовые антагонизмы буржуазного общества были не развиты, что порождало солидарный протест всей интеллигенции, создавая иллюзию об особом демократизме нашей интеллигенции.

Но когда экономическое развитие в России ушло в сторону капитализма интеллигенция раскололась на буржуазную – либеральную и народническую, или мелкобуржуазную. Однако возникла социалистическая интеллигенция, которая может вести плодотворную работу, если она примкнет к борьбе рабочего класса и станет рабочей интеллигенцией.

С. Г. Кара-Мурза в книге «Евроцентризм – эдипов комплекс интеллигенции» определяет перестройку как часть общего кризиса индустриализма, а евроцентризм как метаидеологию Запада, с помощью которой были разрушены советские ценности и традиционные ценности русского народа. Он рассматривает основные мифы евроцентризма – Запад как христианская цивилизация, Запад – продолжение античной цивилизации, технологический миф, миф о человеке экономическом, миф развития через имитацию Запада. В целом, евроцентризм понимается как культурная предпосылка расизма, оправдание двойной морали, внеисторичность мышления, в результате евроцентристские мифы о России выступили в истории как оружие перестройки и разрушения России.

Интересно, что в конце книги автор упоминает ее место в истории и происхождение: «Книгу „Евроцентризм – скрытая идеология перестройки“ я написал в 1993 г. Ход событий в Российской Федерации за последние годы показал, что общий вектор господствующей

идеологии у нас не изменился. Прочитав ту книгу, изданную очень малым тиражом в 1996 г., мы с товарищами решили, что она не потеряла своего смысла и сегодня. Она и издается в данном, сокращенном виде» [1, с. 250].

Что же на самом деле еще до Октябрьской революции писал В. И. Ленин об интеллигенции? Обращаясь к ранним работам вождя, Н. К. Крупская в 1930 г. показывает актуальность ленинского понимания интеллигенции: «Особый интерес представляет то, что Ленин писал в эти годы об „интеллигенции“. Сейчас (декабрь 1930 г.) перед нами прошел процесс „Промпартии“, который чрезвычайно ярко вскрыл нутро буржуазной интеллигенции, примкнувшей к буржуазии и продолжающей ей служить в стране, где уже более десятка лет власть вырвана из рук буржуазии» [2, с. 509].

В книге «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов» В. И. Ленин писал: «когда классовые антагонизмы буржуазного общества были совершенно еще не развиты, подавленные крепостничеством, когда это последнее порождало солидарный протест и борьбу всей интеллигенции, создавая иллюзию об особом демократизме нашей интеллигенции, об отсутствии глубокой розни между идеями либералов и социалистов. Теперь, – когда экономическое развитие настолько ушло вперед, что даже люди, отрицавшие прежде почву для капитализма в России, признают, что мы вступили именно на капиталистический путь развития, – теперь никакие иллюзии на этот счет уже невозможны» [3, с. 305].

Социолог-материалист дает без обиняков сноску на состав этой интеллигенции как отражение структуры общества: «Состав „интеллигенции“ обрисовывается так же ясно, как и состав общества, занятого производством материальных ценностей: если в последнем царит и правит капиталист, то в первой задает тон все быстрее и быстрее растущая орава карьеристов и наемников буржуазии, – „интеллигенция“ довольная и спокойная, чуждая каких бы то ни было бредней и хорошо знающая, чего она хочет. Наши радикалы и либералы не только не отрицают этого факта, а, напротив, усиленно подчеркивают его, надсаживаясь над доказательствами безнравственности этого, над осуждением, усилиями разгромить, пристыдить... и уничтожить. Эти наивные претензии устыдить буржуазную интеллигенцию за ее буржуазность так же смешны, как стремления мещанских экономистов

напугать нашу буржуазию (ссылаясь на опыт „старших братьев“) тем, что она идет к разорению народа, к нищете, безработице и голоданию масс; этот суд над буржуазией и ее идеологами напоминает тот суд над шукой, который порешил бросить ее в реку. За этими пределами начинается либеральная и радикальная „интеллигенция“, которая изливает бесчисленное количество фраз о прогрессе, науке, правде, народе и т. п., которая любит плакать о 60-х годах, когда не было раздоров, упадка, уныния и апатии, и все сердца горели демократизмом» [3, с. 305].

Завершение солидарности классов традиционного общества нуждается в переосмыслении классовых антагонизмов в капиталистическом общественном состоянии: «Со свойственной им наивностью, эти господа никак не хотят понять, что тогдашняя солидарность вызывалась тогдашними материальными условиями, которые не могут вернуться: крепостное право стесняло одинаково всех – и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария-дворового и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу; от него страдали и купец-фабрикант и рабочий, и кустарь и мастерок. Между всеми этими людьми только та связь и была, что все они были враждебны крепостничеству: за пределами этой солидарности начинался самый резкий хозяйственный антагонизм. До какой же степени надо убаюкивать себя сладкими мечтами, чтобы и по сию пору не видеть этого антагонизма, который получил такое громадное развитие; чтобы плакаться о возвращении времен солидарности, когда действительность требует борьбы, требует, чтобы всякий, кто не хочет быть ВОЛЬНЫМ или НЕВОЛЬНЫМ приспешником буржуазии, становился на сторону пролетариата» [3, с. 305–306].

Н. К. Крупская пишет в качестве вывода утверждение о новом единстве классов: «Таким образом, в „Друзьях народа“ Владимир Ильич указывал на то, что социалистическая интеллигенция может стать силой, может вести только тогда плодотворную работу, если она примкнет к борьбе рабочего класса – класса, за которым будущее. Как-то раз, разговаривая с Лениным на эту тему в Сибири, мы говорили о Некрасове, о том, что интеллигент тогда только сила, когда он

„утлый свой челнок привяжет к корме большого корабля“, т. е. когда он свяжет свою судьбу с судьбой рабочего класса» [2, с. 510].

Известно, что вопрос о бессословной интеллигенции В. И. Ленин также затронул в статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Н. К. Крупская оценивает место этой работы так: «Когда сословности был нанесен удар в 1861 г., интеллигенция стала на точку зрения либеральной буржуазии. Борьба за демократические реформы не есть что-то несовместимое с буржуазной точкой зрения. Когда под влиянием развития капитализма в крестьянстве началось расслоение, точку зрения мелкой крестьянской буржуазии стала отражать в своих высказываниях народническая интеллигенция» [2, с. 510]. То есть началось расщепление интеллигенции на либеральную (буржуазную) и народническую (мелкобуржуазную). Но сразу же началось формирование рабочей интеллигенции как интеллигенции социалистической – интеллигенции будущего общества.

И сразу в тот момент встал вопрос о воспитании масс. В. И. Ленин в работе «О национальной гордости великороссов» в 1914 г. пишет о задачах воспитания и в качестве идеала видит жизнь и взгляды К. Маркса: «А для революции пролетариата необходимо длительное воспитание рабочих в духе полнейшего национального равенства и братства. Следовательно, с точки зрения интересов именно великорусского пролетариата, необходимо длительное воспитание масс в смысле самого решительного, последовательного, смелого, революционного отстаивания полного равноправия и права самоопределения всех угнетенных великороссами наций. Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с социалистическим интересом великорусских (и всех иных) пролетариев. Нашим образцом останется Маркс, который, прожив десятилетия в Англии, стал наполовину англичанином и требовал свободы и национальной независимости Ирландии в интересах социалистического движения английских рабочих».

Статья завершается определением места «наших социалистов-шовинистов, которых надо бы назвать царско-пуришкевичевскими социалистами (как Маркс назвал лассальянцев королевско-прусскими социалистами)»: «Наши же доморощенные социалистические шовинисты, Плеханов и проч. и проч., в том последнем и предположительном случае, который мы рассматривали, окажутся изменниками

не только своей родине, свободной и демократической Великороссии, но и изменниками пролетарскому братству всех народов России, т. е. делу социализма» [4, с. 110].

Теоретики третьего пути как идеала мелкой буржуазии отделяют пролетарский интернационализм от патриотизма и формируют свою модель русского патриотизма, идущего от народа. Это не «казенный патриотизм», к которому обратились после 1993 г. разрушители нашего советского социалистического Отечества Б. Н. Ельцин, А. В. Козырев. В. В. Жириновский как инициатор поисков Россией третьего пути и основатель партии третьего пути в поисках подлинного патриотизма писал в уникальной брошюре о партийной идеологии, которая неизвестна широкой научной общественности и которая скрыта за массой популистских широко разрекламированных книг вождя ЛДПР: «Им нужен „казенный патриотизм“ не для спасения России и русских людей, а для затуманивания мозгов избирателей, для завоевания голосов на выборах. Именно таких „патриотов“ имеют в виду, когда патриотизм называют „последним прибежищем негодяев“. Мы к такому „патриотизму“, к „казенному патриотизму“ не имеем никакого отношения.

Далеки мы и от так называемого «квасного патриотизма». Его назначение состоит в том, чтобы отвлечь людей от подлинного патриотизма, увести их от любви и заботы о Родине к преклонению перед частными старинными традициями и обычаями – песнями, плясками, может быть даже, кулачными боями, старинными ремеслами, ограничить понимание патриотизма своим домом, свинарником и курятником. А за пределами этого хоть трын-трава расти» [5, с. 18–19].

Это удар вправо – по правым радикал-демократом. Их позиция описана так: «Как-то я едва не вступил в полемику с А. Яковлевым – „идеологом“ или „архитектором“ перестройки, а в общем-то одним из главных разрушителей нашей Родины. В статье, которую он опубликовал в „Известиях“ в годовщину моего дня рождения (25 апреля 1995 г.), он наряду с дешевыми нападками на меня высказал свое отношение к патриотизму. Так вот, любовь к Родине, по Яковлеву, это любовь к своей деревне, к своей школе, к своему городу, и даже к своему „пупу“. А что касается защиты, например, территории России, то старец-демократ вообще предложил „перво-наперво“ „уйти отовсюду, где наше присутствие более, чем сомнительно“. Одним

словом, А. Яковлев предлагает отказаться от защиты и сохранения российских земель, на которые сейчас зарятся многие зарубежные страны, и сидеть возле калитки своего деревенского дома и любоваться своим пупком. Вот вам еще одна теория, – теория „пупкового патриотизма“» [5, с. 19].

Далее центристы и третьепутисты наносят удар влево: «Сейчас многие партии, организации и движения провозглашают патриотические лозунги. Одни это делают искренне, другие – из демагогических, популистских соображений. С кем-то наши патриотические позиции совпадают, с кем-то не совпадают. Хотел бы остановиться, прежде всего, на отношении к патриотизму со стороны коммунистов, прежде всего со стороны партии Зюганова. В своей программе КПРФ назвала среди главных целей патриотизм, равноправие наций, дружбу народов, единство патриотических и интернациональных задач. Здесь выражена суть коммунистического патриотизма, который со времен Ленина проявил себя на практике и в конечном счете обусловил распад СССР. Мы не приемлем „коммунистический интернационализм“ вообще, тем более в соединении с патриотизмом» [5, с. 19].

Аргументы тут следующие: «В действительности этот „интернационализм“ был направлен против русского народа, против России. Под знаменем „интернационализма“ шло перекачивание средств с территорий с русским населением на национальные окраины (республики). А русские люди выступали к тому же и основной рабочей силой, и основной военной силой по защите страны. Русский народ нищал, а многие другие народы, особенно в Прибалтике, на Кавказе и в Средней Азии, строили в значительной мере за его счет свое благополучие. А сейчас эти „интернационалисты“ – националисты изгоняют русских людей из своих суверенитетов. Нам такой интернационалистский патриотизм не нужен. Вместе с тем, мы поддерживаем те идеи других организаций, в которых выражено стремление восстановить единое государство на всем пространстве бывшего СССР» [5, с. 19–20].

Далее мы видим погружение сторонников третьего пути в проблематику традиционных ценностей нашего народа: «Наш патриотизм не имеет ничего общего ни с агрессивным шовинизмом, ни с оголтелым национализмом. В недалеком прошлом у нас было принято делить национализм на хороший и плохой. Плохой национализм

в традиционном понимании состоит в проповеди превосходства одной нации над другими. В этом смысле он смыкается с расизмом. Мы такой национализм, а тем более фашизм также категорически не приемлем. Мы вовсе не проповедуем какую-то исключительность или превосходство русского народа. Более того, говоря о русских, о спасении русской нации, мы одновременно думаем о защите интересов всех россиян. У нас нет никаких помыслов о геноциде других национальностей. Чем лучше будет русскому народу, тем лучше будет и другим национальностям, проживающим в России.

Мы, скорее, националисты в хорошем смысле слова, понимая под этим заботу о возрождении русской нации, которая на наших глазах гибнет. Как и другие нации, русский народ имеет право на защиту своих национальных интересов, своей Родины, своей территории, своих богатств, своих семей, их благополучия, русской культуры, всего того, что является достоянием нации. Наш национализм – во спасение и возрождение русской нации» [5, с. 20].

Тем не менее партии третьего пути уходят от вопроса о том, какой народ и какая государственная организация нужны. Они отбиваются от обвинений в шовинизме: «Что же касается обвинений в шовинизме, то они совершенно беспочвенны. Шовинизм обычно ассоциируется с призывами к войне, к захвату чужих территорий, к порабощению других народов. К обвинениям русских в шовинизме обыкновенно прибегают те, кто разжигает злобный национализм, добивается расчленения Российского государства на множество удельных „княжеств“. Обвинения в шовинизме предъявляются, когда Россия препятствует выходу из своего состава очередного националистического суверенитета. Обвинение в шовинизме и в имперских замыслах раздаются и из уст новоявленных президентов типа Назарбаева в странах СНГ, когда народы бывшего СССР требуют воссоединения в едином государстве, а ЛДПР поддерживает эти требования. В шовинизме нас обвиняют и тогда, когда мы выступаем за восстановление геополитического положения России, какое было у СССР. Но все это не имеет ничего общего с шовинизмом. Это защита национальных интересов русских, россиян, России. Если вы хотите знать, что такое шовинизм, то посмотрите на современную политику США и НАТО. Они уже накладывают свои имперские руки на Восточную Европу и бывшие советские республики. Вот откуда исходит опасность

шовинизма и войны» [5, с. 20]. Уточним, что эти слова опубликованы в 1995 г. – то есть почти 30 лет назад. А в это время острота обсуждения была не в образе будущего, но в определении настоящего. Приведем яркий пример такой остроты: «Наши политические противники не гнушаются приклеивать нам самые грязные ярлыки. Нас называли и красно-коричневыми, и фашистами, и расистами. При этом ссылаются именно на наш патриотизм. Патриотизм и в прошлом, и сейчас вызывает жгучую ненависть у всех космополитов. Ведь космополитизм – это антагонист патриотизму. В старой, дореволюционной России космополиты всех мастей, от Бунда до большевиков, называли всех патриотов „черносотенцами“. Это слово стало нарицательным и ругательным. Оно вошло в психологию людей и его назначение отпугивать от тех, кого обзовут черносотенцем.

Широко распространилось обвинение патриотов в фашизме. Е. Гайдар выступил в тех же «Известиях» с гнусной статьей, обвиняя меня в фашизме. Суд, куда я направил иск против Гайдара, вынес решение в мою пользу и оштрафовал этого представителя космополитов, сторонника и проводника «шоковой терапии», разорившего нашу страну и наш народ.

ЛДПР не имеет ничего общего с идеологией и политикой фашизма. Фашизм – это война и агрессия. Фашизм – это насильственное порабощение народов. Это полная ликвидация демократии. Это – тотальный контроль над всей экономической, политической и идеологической жизнью общества и каждого человека. «Патриотизм» фашизма направлен на порабощение других народов. Он не имеет ничего общего с подлинно патриотическими чувствами простых людей. Русский патриотизм всегда был направлен на защиту своей земли, но не на захват чужой. Именно такой патриотизм исповедует ЛДПР. В принципе в России сейчас вообще нет опасности фашизма. А если это слово и употреблять, то оно больше подходит к «демороссам», агентам Запада в нашей стране. Я думаю, что никакие ярлыки не смогут вытравить из русского народа, его глубокие патриотические чувства» [5, с. 20–21].

Сделаем выводы: идеология патриотизма, которая глубоко заложена в душе каждого русского человека, служит могучей движущей силой в развитии и сохранении российской государственности. Очевидно, в спокойные времена патриотические чувства в русском

человеке дремлют внутри него. И простой русский человек предстает перед людьми других национальностей как открытая душа, как интернационалист, как друг всех народов, готовый всех принять под свое крыло, обогреть, ободрить, защитить, снять последнюю рубашку. Это тоже его традиционные национальные черты, и этим пользуются представители некоторых других народов, в национальном характере живет корыстолюбие, стремление кого-то обмануть и нажиться за чей-то счет. В культовом российском фильме А. Балабанова «Брат 2» задается вопрос вначале брату, а потом американцу: «Вот скажи мне, американец, в чём сила! Разве в деньгах? Вот и брат говорит, что в деньгах. У тебя много денег, и чего? Я вот думаю, что сила в правде: у кого правда, тот и сильнее! Вот ты обманул кого-то, денег нажил, и чего – ты сильнее стал? Нет, не стал, потому что правды за тобой нету! А тот, кого обманул, за ним правда! Значит, он сильнее!» [6].

До поры русский народ терпит несправедливость, но это не бесконечно. Наступает момент, когда он взрывается и дает отпор как внутренним, так и зарубежным стяжателям. Последнее три десятилетия в либеральной новой России демократического выбора можно понять как новую «великую смуту». Русский народ оказался на грани вымирания. Перед лицом этой трагедии его пассивность и безразличие поражают воображение. Пассивность русских и активность французов требуют объяснения. Объяснение надо видеть во всех бедах, обрушившихся на Россию в XX столетии. Пережить две мировые, гражданскую и несколько небольших войн, потерять золотой генофонд не только в результате этих войн, отдать все силы на построение лучшей жизни в советских республиках и в десятках зарубежных стран народной демократии и развивающихся государств, а самому остаться по жизненному уровню на краю бедности, да к тому же еще и окончательно ограбленному радикал-демократами – этой «пятой колонной» Запада. Можно ли это выдержать в полном сознании?

В 1995 г. на митингах вождь ЛДПР еще говорил и писал честные слова: «А если к этому добавить манипуляцию русским общественным сознанием: вот построим социализм – будем жить хорошо; вот разобьем врага – и заживем; вот восстановим народное хозяйство и наступит счастливая жизнь; вот построим коммунизм; вот создадим общество развитого социализма; вот осуществим перестройку; наконец, вот построим рыночный капитализм – и все будет хорошо.

А три поколения уже на кладбище. Так и не дождались „рая на земле“. Вот откуда эта пассивность у русского человека, вот источник его нынешнего безразличия ко всем политическим играшкам.

Но этому приходит конец. Русский народ пробуждается. Он все более осознает, что не только его личное выживание поставлено под угрозу. Опасность давно нависла над его Родиной. Его социальные потребности соединяются с патриотическими чувствами» [5, с. 20–22]. Специальная Военная операция, начавшаяся в феврале 2022 г., привела к пробуждению русского народа, изменениям в надстройке России и активным поискам аутентичной идеологии. Выяснилось, что эта идеология должна состоять из традиционных цивилизационных ценностей народа и новейших модернизационных социальных учений нового социализма.

Все классические антиутопии показывают гибель традиционных ценностей. В 2023 г. исполняется 70 лет издания книги Р. Брэдбери и В. Катасонов в связи с этим пишет о новизне и точности попадания в реальность именно Р. Брэдбери: «Роман „451 градус по Фаренгейту“ – классическая антиутопия. Литературоведы ведут отсчёт этого жанра от романа Евгения Замятина „Мы“ (1920 г.). Роман Брэдбери входит в четвёрку самых сильных антиутопий. Кроме „Мы“ в нее также включаются романы Олдоса Хаксли „О дивный новый мир“ (1932 г.) и Джорджа Оруэлла „1984“ (1948 г.). По времени написания роман Брэдбери последний в этой четвёрке. Кое в чем Брэдбери почти буквально повторяет другие антиутопии, а в чем-то он уникален и неповторим.

Всю четвёрку романов объединяет то, что они рисуют будущее как тоталитарную систему, в которой небольшая кучка «избранных» господствует над остальным миром. И господство зиждется не только и даже не столько на физической (военной) силе или на обладании капиталом, который позволяет эксплуатировать неимущих. Господство осуществляется с помощью превращения человека в скотоподобное существо, или биоробота. Романы-антиутопии различаются в первую очередь тем, что в них описываются различные методы уничтожения всего человеческого в человеке. Рэй Брэдбери достаточно подробно описывает те методы, которых мы не найдём в романах его предшественников» [7].

Видный экономист В. Катасонов отмечает: «В романе Брэдбери показал тоталитарное общество, в котором человек уничтожается

через уничтожение (сожжение) старых, т. е. напечатанных на бумаге книг. ...В романе „451 градус по Фаренгейту“ показано общество, в котором чтение и даже хранение большей части книг, созданных в предыдущие века гениями разных стран, является преступлением. Под подозрение попадают люди, способные критически мыслить. Такая их способность наводит на подозрение, что они читали и продолжают читать „вредные“ книги. Сжигаются порой не только книги, но и жилища, в которых они были найдены, а их владельцы оказываются за решеткой или в сумасшедшем доме» [7].

Самое интересное заключается в том, что разрушение традиционных ценностей приводит благополучное, на первый взгляд, государство в романе Брэдбери к тотальной разрушительной войне, которая начинается в конце книги. под занавес произведения. Однако группа диссидентов, читающих книги, избежала уничтожения и осталась оптимистическая надежда на возрождение традиционного общества. Для Западного общества это оптимистический исход, для России дело обстоит по-иному. Еще в 2018 г. официально был опубликован фильм-интервью с В. В. Путиным под названием «Миропорядок 2018». Сообщалось, что «в его рамках, Владимир Соловьев и команда телеканала „Россия-1“, более года занималась сбором сведений для данного сюжета» [8].

Вот какой смысл вкладывался крупнейшим государственным деятелем современности во фразу: «Зачем нам Мир, если там нет России?» и она была произнесена в следующем контексте – в соответствии со стенограммой: «Иными словами, если кем-то будет принято решение уничтожить Россию, у нас немедленно возникнет законное право осуществить ответ. Конечно, для человечества это будет глобальная катастрофа. Для планеты это будет глобальная катастрофа тоже. Но я, как гражданин нашей страны и как глава российского государства, в этом случае хочу задать один вопрос: „А зачем нам нужен такой мир, если в нем не будет России?“» [8].

Что касается самих ценностей, то их список утвержден в «Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 „Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей“». Автор «Комсомольской правды» О. Адамович в ноябре 2022 г., то есть на второй день после обнародования указа, мгновенно уточняет: «Но тради-

ционные ценности в последнее время упоминают слишком часто, чтобы за ними не стояло ничего определенного. И вот президент закрыл этот пробел».

Однако автор утверждает: «Для определения традиционных ценностей взята довольно расплывчатая формулировка: «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение, передаваемые от поколения к поколению, нашедшие свои уникальные проявления в развитии многонационального народа России».

И вот, что теперь официально считается традиционными ценностями: 1. Жизнь. 2. Достоинство. 3. Права и свободы человека. 4. Патриотизм. 5. Гражданственность. 6. Служение отечеству и ответственность за его судьбу. 7. Высокие нравственные идеалы. 8. Крепкая семья. 9. Созидательный труд. 10. Приоритет духовного над материальным. 11. Гуманизм. 12. Милосердие. 13. Справедливость. 14. Коллективизм. 15. Взаимопомощь и взаимоуважение. 16. Историческая память и преемственность поколений. 17. Единство народов России».

Какие практические шаги вытекают из этого указа? Автор пишет: «в конце указа перечисляются конкретные меры, что надо делать для защиты ценностей. Вот основные шаги:

- Все реформы образования, науки или СМИ должны проводиться с учетом «сохранения и укрепления ценностей».

- Документы стратегического планирования надо подправить, чтобы они (если это не было сделано раньше) больше внимания уделяли защите традиционных ценностей.

- В первую очередь государство будет поддерживать те образовательные и культурные проекты, которые пропагандируют традиционные ценности.

- Улучшение научных институтов для борьбы с переписыванием истории.

- Правоохранители должны активнее пресекать «деструктивную идеологию» [9]. Получается, что такие традиционные ценности выступают как нравственные ориентиры, которые передаются от поколения к поколению и лежат в основе общероссийской гражданской идентичности, а значит, и в основе российской государственности.

Тем не менее, на фоне официального утверждения списка традиционных ценностей и ровно через полтора года после начала Специальной Военной операции России, в дискурсе высшего политического

и государственного руководства страны всплыла терминология советской перестройки – казалось бы, прочно забытые за 30 лет «общечеловеческие ценности». Контекст этого был неожиданным: видеоигры. Незадолго до этого президент Франции Э. Макрон обвинил социальные сети и компьютерные игры в волне насилия и социальных протестов, захлестнувших страну. Правительственная «Российская газета» сообщает: «По словам Макрона, участники беспорядков „живут на улице, опьяненные видеоиграми«». Это сравнение, часто используемое политиками, не имеет под собой какой-либо научной основы, подчеркнула в комментарии изданию *Huffington Post* психолог Ванесса Лало.

«Причинно-следственной связи нет. Это политический пируэт и способ не указывать на другие социальные и политические проблемы», – емко констатировала психолог, фактически подведя черту над бессилием нынешнего президента Франции в реакции на кризисы в стране» [10]. Тамошний президент стал психотерапевтом для населения, что пророчески предсказал Э. В. Лимонов в трактате «Дисциплинарный санаторий» [11].

В России, однако, ситуация иная и президент нашей страны – это главнокомандующий, который в косвенной полемике с французом сказал: «Видеоигры должны воспитывать „общечеловеческие ценности“, а также основательный, а „не квасной“ патриотизм, заявил в ходе заседания наблюдательного совета АНО „Россия – страна возможностей“ президент Владимир Путин». Далее РБК сообщает: «Игра должна помогать человеку развиваться, помогать найти себя, должна помогать воспитывать человека и в рамках общечеловеческих ценностей, и в рамках патриотизма – тоже в хорошем смысле слова, не квасного, а такого широкого с гуманитарной точки зрения, основательного», – сказал он. Путин также поддержал мнение о том, что игры должны быть на «стыке искусства и воспитания» [12]. Из этого терминологического и смыслового поворота можно сделать два вывода: общечеловеческие ценности маркируют демократическое западное происхождение руководства страны и свидетельствует, что «мы свои» – «буржуинские». Однако само обращение к общечеловеческим ценностям в условиях распада этих ценностей в основе западной культуры открывает возможность для перехвата российским руководством утраченное Западом знамя демократии и человеческих ценностей.

В итоге ситуация по форме воспроизводит обстановку в западной цивилизации конца 40-х гг. прошлого столетия. Тогда И. В. Сталин в самом начале своей последней речи на XIX Съезде КПСС 14 октября 1952 г. сказал: «Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой „свободы личности“, – права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Растоптан принцип равноправия людей и наций, он заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт. Я думаю, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше некому его поднять.

Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их «превыше всего». Теперь не осталось и следа от «национального принципа». Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять» [13]. Ирония истории заключается в том, что первое обращение было сделано коммунистом коммунистам, а второе предстоит сделать антикоммунистам, представителям бывшего советского народа, которые будут вновь становиться советскими и левыми помимо своей воли.

Список использованной литературы

1. Кара-Мурза С. Г. Евроцентризм – эдипов комплекс интеллигенции. М.: Алгоритм, 2002. – 256 с.
2. Крупская Н. К. Педагогические сочинения в десяти томах. М.: Изд. Академии пед. наук, 1958. т. 2. – 748 с.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ, 1967. т. 1. – 662 с.

ВВЕДЕНИЕ

4. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ, 1969. т. 26. – 590 с.
5. Жириновский В. В. Идеологические основы либерально-демократической партии России. М.: ЛДПР, 1995. – 24 с.
6. Брат 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://citaty.info/quote/7451>
7. Катоанов В. Портрет современного мира. 70 лет назад родилась книга «451 градус по Фаренгейту» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/portret_sovremennogo_mira
8. Иностранцы о жестком высказывании Путина: «Если на нас нападут, мы ответим. Зачем нам Мир, если там нет России?» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inforuss.info/inostrantsy-o-zhestkom/>
9. Адамович О. Владимир Путин впервые утвердил в России 17 традиционных ценностей. Что в них входит. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27469/4675139/>
10. Макарычев М. Макрон нашел причину беспорядков во Франции в видеоиграх подростков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/07/01/makron-nashel-prichinu-besporiadkov-vo-francii-v-videoigrah-podrostkov.html>
11. Лимонов Э. В. Дисциплинарный санаторий: [Роман-эссе]. – СПб.: Амфора, 2002. – 245 с.
12. Путин призвал воспитывать «не квасной» патриотизм через видеоигры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/19/07/2023/64b7e0d09a7947797a852fd4>
13. Сталин И. В. Речь на XIX Съезде КПСС 14 октября 1952 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://petroleks.ru/stalin/16-59.php>

Глава 1. РУССКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ

1.1. ВОСПИТАНИЕ ЦЕЛОМУДРИЯ И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В КУЛЬТУРЕ ЛЮБОВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ

Выдающийся советский педагог А. С. Макаренко сумел на научной основе с помощью диалектического метода разрешить вопрос о половом воспитании: он поставил проблему любовного переживания в историческом контексте. Он обнаружил, что культура и художественная литература формируют тормоза и тем самым культуру любовного переживания именно в детстве. В нашем столетии Указ президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определяет социальное значение этих ценностей. Отмеченные Указом «высокие нравственные идеалы, крепкая семья» имеют прямое отношение к их источнику — целомудрию. А. С. Макаренко сумел выявить источник глубинных интимных и социальных ценностей и предчувствовал опасность полового воспитания, которое обрушилось на Россию в период реформ по вхождению в мировую цивилизацию. В российской культуре любовь к женщине может в полном смысле развернуться на основе любви к Отечеству и народу, а половое воспитание в здоровой семье проходит в атмосфере сдержанности и чистоты. Противоположную позицию занимают сторонники секс-просвета в России.

Первый педагог-новатор СССР А. С. Макаренко сумел на научной основе с помощью диалектического метода разрешить вопрос о так называемом половом воспитании. Он решил его с помощью исторического материализма, материалистического понимания семейной жизни, сумев поставить проблему любовного переживания в историческом контексте. Он обнаружил, что культура и художественная литература формируют тормоза и тем самым культуру любовного переживания именно в детстве. А. С. Макаренко писал о душевспасительных беседах педагогов и родителей с детьми о половом вопросе:

«Никакие разговоры о „половом“ вопросе с детьми не могут что-либо прибавить к тем знаниям, которые и без того придут в свое время. Но они опошлят проблему любви, они лишат ее той сдержанности, без которой любовь называется развратом. Раскрытие тайны, даже самое мудрое, усиливает физиологическую сторону любви, воспитывает не половое чувство, а половое любопытство, делая его простым и доступным. Культура любовного переживания невозможна без тормозов, организованных в детстве» [1, с. 244].

Ставится вопрос, который сегодня в западной культуре объявлен странным. Да и в нашей культуре и даже в документах о сохранении культурных ценностей этот вопрос обходится. Указ президента РФ от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определяет социальное значение этих ценностей: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России».

В пятом пункте Указа перечислены ценности: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [2].

Отмеченные Указом «высокие нравственные идеалы, крепкая семья» имеют прямое отношение к их источнику – целомудрию. Получается, что А. С. Макаренко в 30 годы прошлого столетия сумел выявить источник глубинных интимных и социальных ценностей. Недаром при открытии в марте 2023 г. «Года педагога и наставника» В. В. Путин назвал имя А. С. Макаренко первым в ряду видных советских педагогов. Начало действия указа совпадает со 135-летием со дня рождения А. С. Макаренко (13 марта) и В. В. Путин 2 марта 2023 г. дал

старт Году педагога и наставника. Президент страны акцентировал смысл государственной акции: «привлечь внимание общества» к труду людей «отечественной системы образования», поскольку «историческая миссия отечественной системы образования всегда состояла в воспитании гражданственности и патриотизма, ответственности за судьбу страны». Воспитание гражданственности осуществляется через формирование у людей ценностей гражданственности: «Эти ценности воплощены в трудах наших великих педагогов, которых знает весь мир, – это Макаренко, Сухомлинский и другие, в каждодневном подвиге учителей поколения Великой Отечественной войны, в подвижничестве мастеров производственного обучения, которые вместе со своими воспитанниками поднимали заводы, предприятия в послевоенное время» [3].

Сам А. С. Макаренко писал: «Половое воспитание и должно заключаться в воспитании того интимного уважения к вопросам пола, которое называется целомудрием. Умение владеть своим чувством, воображением, возникающими желаниями – это важнейшее умение, общественное значение которого недостаточно оценено. Многие люди, говоря о половом воспитании, представляют себе половую сферу как нечто совершенно изолированное, отдельное, как что-то такое, с чем можно вести дело с глазу на глаз. Другие, напротив, делают из полового чувства какой-то универсальный фундамент для всего личного и социального развития человека; человек в их представлении есть всегда и прежде всего самец или самка. Естественно, и они приходят к мысли, что воспитание человека должно быть прежде всего воспитанием пола. И те и другие, несмотря на свою противоположность, считают полезным и необходимым прямое и целеустремленное половое воспитание» [1, с. 245].

А. С. Макаренко предчувствовал опасность полового воспитания. Это воспитание обрушилось на наши школы сразу после перестройки в период западнических реформ по вхождению в так называемую мировую цивилизацию. В Указе президента РФ эта угроза была определена так: «Угрозу традиционным ценностям представляют деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия Соединенных Штатов Америки и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций

и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории России» [2].

Здесь точно определен источник угрозы, а само разрушительное воздействие описано так: «Идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей (далее – деструктивная идеология), включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» [2].

А. С. Макаренко писал: «Мой опыт говорит, что специальное, целенаправленное, так называемое половое воспитание может привести только к печальным результатам. Оно будет „воспитывать“ половое влечение в такой обстановке, как будто человек не пережил длинной культурной истории, как будто высокие формы половой любви уже не достигнуты во времена Данте, Петрарки и Шекспира, как будто идея целомудренности не реализовалась людьми еще в древней Греции. Половое влечение не может быть социально правильно воспитано, если мыслить его существующим обособленно от всего развития личности» [1, с. 244–245].

И далее мы видим своевременную критику фрейдизма и фрейдомарксизма тех давних лет: «Но и в то же время нельзя половую сферу рассматривать как основу всей человеческой психики и направлять на нее главное внимание воспитателя. Культура половой жизни есть не начало, а завершение. Отдельно воспитывая половое чувство, мы еще не воспитываем гражданина, воспитывая же гражданина, мы тем самым воспитываем и половое чувство, но уже облагороженное основным направлением нашего педагогического внимания. И поэтому любовь не может быть выращена просто из недр простого зоологического полового влечения. Силы „любобной“ любви могут быть найдены только в опыте неполковой человеческой симпатии» [1, с. 245].

Мы знаем из русской литературы и культуры в целом, что любовь к женщине может в полном смысле развернуться на основе любви к Отечеству и своему народу. У А. С. Пушкина это представлено в сти-

хотворении «Два чувства дивно близки нам...»: «Два чувства дивно близки нам – В них обретае сердце пищу: Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам» [4].

И это же подтверждает А. С. Макаренко: «Молодой человек никогда не будет любить свою невесту и жену, если он не любил своих родителей, товарищей, друзей. И чем шире область этой неполковой любви, тем благороднее будет и любовь половая. Человек, который любит свою родину, народ, свое дело, не станет развратником, его взгляд не увидит в женщине только самку. И совершенно точным представляется обратное заключение: тот, кто способен относиться к женщине с упрощенным и бесстыдным цинизмом, не заслуживает доверия как гражданин; его отношение к общему делу будет так же цинично, ему нельзя верить до конца. Половой инстинкт, инстинкт огромной действенной силы, оставленный в первоначальном, „диком“ состоянии или усиленный „диким“ воспитанием, может сделаться только антиобщественным явлением. Но связанный и облагороженный социальным опытом, опытом единства с людьми, дисциплины и торможения, – он становится одним из оснований самой высокой эстетики и самого красивого человеческого счастья» [1, с. 245].

Эти взгляды перекликаются с положениями президентского Указа нового столетия: «сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей (в том числе защита института брака как союза мужчины и женщины), обеспечение преемственности поколений, забота о достойной жизни старшего поколения, формирование представления о сбережении народа России как об основном стратегическом национальном приоритете» [2].

А. С. Макаренко уточнял важность семьи для социального воспитания: «Семья – важнейшая область, где человек проходит свой первый общественный путь! И если этот путь организован правильно, правильно пойдет и половое воспитание. В семье, где родители деятельны, где их авторитет естественно вытекает из их жизни и работы, где жизнь детей, их первые общественные движения, их учеба, игра, настроения, радости, огорчения вызывают постоянное внимание родителей, где есть дисциплина, распоряжения и контроль, в такой семье всегда правильно организуется и развитие полового инстинкта у детей. В такой семье никогда не возникнет надобности в каких-либо надуманных и припадных фокусах, не возникнет, во-первых,

потому, что между родителями и детьми существует совершенно необходимая черта деликатности и молчаливого доверия. На этой черте взаимное понимание возможно без применения натуралистического анализа и откровенных слов. И, во-вторых, на той же черте значительным и мудрым будет каждое слово, сказанное вовремя, экономное и серьезное слово о мужественности и целомудрии, о красоте жизни и ее достоинстве, то слово, которое поможет родиться будущей большой любви, творческой силе жизни. В такой атмосфере сдержанности и чистоты проходит половое воспитание в каждой здоровой семье. Будущая любовь наших детей будет тем прекраснее, чем мудрее и немногословнее мы будем о ней говорить с нашими детьми, но эта сдержанность должна существовать рядом с постоянным и регулярным вниманием нашим к поведению ребенка» [1, с. 245–246].

Прямо противоположную позицию занимают сторонники секс-просвета – иностранные агенты в современной России. Так В. Захарова пишет: «Тем не менее, в России введение обязательного сексуального просвещения в учебных заведениях на государственном уровне в ближайшее время кажется практически невозможным – слишком многие боятся развращения молодежи, увеличения числа людей с венерическими заболеваниями среди подростков из-за открытого разговора о половых связях и существовании сексуальных меньшинств. Но любой запрет порождает желание его нарушить, поэтому психологи уверены: говорить со школьниками о половых отношениях все же нужно – это помогает прививать детям и подросткам принципы взаимного уважения и ненасилия в отношениях» [5]. Борьба столетия продолжается, но теперь на стороне культуры и российских ценностей находится российская государственность, которая освобождается от морока и иллюзии вхожденчества в западную цивилизацию.

Классическая оппозиция перестройки идеалов и интересов может быть разрешена при помощи обращения к традиционным ценностям. В них сплавлены интересы и идеалы, только они позволяют уйти от глупостей чиновников социалистического общества и менеджеров либерального общества. Глупости двух видов строятся на лозунге «Так было, так будет!»: ни коммунисты, ни капиталисты не желали поступиться принципами. Правый перестройщик А. А. Нуйкин в разгар перестройки в книжке обращается к лозунгу «Так было, так будет!»

Он вспоминает: «во всей классической чистоте знаменитую фразу предал гласности человек без ученых степеней. Комментируя факт, когда в облздравотдел долгое время не пускали плачущую женщину, привезшую из далекого далека по трескучему морозу больного ребенка, по той причине, что она была в брюках, заведующий общим отделом Днепропетровского облисполкома отчеканил: „В брюках женщинам вход в облисполком запрещен! Так было и так будет!“ (Сов. культура. 1987, 7 апр.). Я понимаю, не в униформе тут дело, штаны – это пустяк, не в штанах счастье! Но очень уж хочется, чтобы восторжествовал сладостный лозунг: „Так было, так будет!“» [6, с. 18–19]. Воспоминание о Днепропетровске, городе которого у нас нет и который переименован в чужой стране, звучит особенно сладостно.

Автор в 1990 г. задает ряд вопросов, перед которыми он встает в тупик: «Что же все-таки стоит за подобными фактами, за многочисленными загадками и парадоксами, сопровождающими ход перестройки? Неужель работать? Приверженность „старым методам“? Рвение не по разумению? Простая „бытовая“ глупость?..» [6, с. 19]. Мы ответим на эти вопросы, поскольку история уже дала свои ответы.

Список использованной литературы

1. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1951. т. 4. – 538 с.
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001202211090019>
3. Открытие Года педагога и наставника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/70627>
4. А. С. Пушкин «Два чувства дивно близки нам...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/5690/dva-chuvstva-divno-blizki-nam?ysclid=lgxwukhhpv424664558>
5. Захарова В. «Не будем об этом говорить»: уроки полового воспитания в российских школах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pedsovet.org/article/ne-budem-ob-etom-govorit-uroki-polovogo-vospitania-v-rossijskih-skolah?ysclid=lgxxe75q3g574515676>
6. Нуйкин А. А. Идеалы или интересы? – М.: Книга, 1990. – 144 с.

1.2. ТАЙНА ДЕТОРОЖДЕНИЯ И ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ

А. С. Макаренко в начале прошлого столетия поставил вопрос не о половом воспитании, но о «научении любви» и тем осуществил поворот от физиологического понимания любви. Половое воспитание — это прежде всего воспитание культуры социальной личности и если в буржуазном обществе такое воспитание встречает препятствие в классовом разделении и в нищете, то в советском государстве для такого воспитания открыты широкие пути. Сексуальная революция, объявленная на Западе, отталкивается от вопроса, насколько открыто и как объяснять детям сакральную тайну деторождения. А. С. Макаренко за десятилетия до прихода секс-просвета в российское школьное образование пришел к выводу о том, что любые разговоры о половом вопросе с детьми опасны и не могут что-либо прибавить к тем знаниям, которые они получают естественным образом. Убеждение в необходимости объяснять детям тайну деторождения и вести обязательные разговоры на эту тему лишь опошлят проблему любви, лишат ее той сдержанности, без которой любовь называется циничным развратом.

Советский новатор в педагогике А. С. Макаренко в 30 гг. прошлого столетия ставил вопрос не о половом воспитании, но о «научении любви». В СССР эпохи застоя над любовью иронизировали и подшучивали, а также откровенно издевались не только в быту, в анекдотах, но и в телевизионных передачах. Вспомним анекдот о лекции на тему любви, где рассматриваются три вида любви – любовь к Родине, к женщине и к партии. Лектор разъяснял собравшимся важность второго вида любви. Это так называемый анекдот № 840355 [1].

В конце перестройки массовыми тиражами печатались сборники анекдотов «про это», открылись магазины интимных товаров и секс-шопы с названием «Про это», музеи «Об этом» и сайты с товарами сети «Нестыдно.ру». Сайты секс шопов называются «Секс шоп Нестыдно – интернет-магазин секс игрушек и других товаров для взрослых» [2].

Однако в 30 гг. А. С. Макаренко осуществил поворот от чисто физиологического понимания любви и полового воспитания в духе рефлексологии и психоанализа. Он писал: «Научить любить, научить узнавать любовь, научить быть счастливым – это значит научить уважать самого себя, научить человеческому достоинству. Никакие образовательные экскурсии в автономную область Венеры не по-

могут этому делу. В человеческом обществе, а тем более в обществе социалистическом, половое воспитание не может быть воспитанием физиологии. Половой акт не может быть уединен от всех достижений человеческой культуры, от условий жизни социального человека, от гуманитарного пути истории, от побед эстетики. Если мужчина или женщина не ощущает себя членом общества, если у них нет чувства ответственности за его жизнь, за его красоту и разум, как они могут полюбить? Откуда у них возьмется уважение к себе, уверенность в какой-то своей ценности, превышающей ценность самца или самки?» [3, с. 219]. Эти рассуждения напоминают нам значительно более позднее описание любви в высших образцах советской фантастики – у И. А. Ефремова в романе «Час быка» [4].

А. С. Макаренко заключает: «Половое воспитание – это прежде всего воспитание культуры социальной личности. И если в буржуазном обществе такое воспитание на каждом шагу встречает препятствие в классовом разделении общества, в нищете, в насилии, в эксплуатации, то в нашем государстве для такого воспитания проложены широкие дороги. В самой скромной советской семье, как только она до конца поймет, какое важное и определяющее участие ей предоставлено в государственной жизни, как только она научится ощущать это свое единство с обществом не только в великих вопросах истории, но и в каждой подробности своего быта, тем самым разрешается проблема полового воспитания, ибо такая семья уже находится в фаворате культурной революции» [3, с. 219].

Поскольку социальная революция вызывает обычно изменения в массовой морали, то эти изменения недалековидные люди склонны называть по аналогии сексуальной революцией. Эта революция отталкивается от вопроса, насколько открыто и как можно объяснять детям сакральную тайну деторождения. А. С. Макаренко писал о возможностях открытия этой тайны: «Не так еще давно проблема полового воспитания занимала много свободных людей в такой форме: как объяснить детям тайну деторождения? Проблема выступала в либеральных одеждах, и либеральность эту видели в том, что уже не сомневались: тайну деторождения детям нужно обязательно объяснять. С высокомерием посмеивались над старыми возмутительными подходами, ненавидели аистов и презирали капусту. Были убеждены в том, что от аистов и от капусты должны

происходить разные бедствия и что своевременное объяснение эти бедствия предупредит.

Самые отчаянные и либеральные требовали полного срыва-ния „покровов“ и полной свободы в половых разговорах с детьми. На разные лады и различными голосами толковали о том, какими ужасными, извилистыми путями современные дети узнают тайну деторождения. Впечатлительным людям в самом деле могло показаться, что положение ребенка перед тайной деторождения подобно трагической коллизии какого-нибудь царя Эдипа! Оставалось только удивляться, почему эти несчастные дети не занимаются массовым самоубийством» [3, с. 219–220].

В Советском Союзе в революционный период возникла иллюзия возможности любых форм объяснения и воспитания: «В наше время нет такого стремления объяснить детям тайну деторождения, но в некоторых семьях добросовестные родители и теперь страдают над вопросом: как быть с этой тайной и что отвечать детям, если они спрашивают. Надо, впрочем, отметить, что в области этой панической проблемы, такой важной и неотложной, было больше разговоров, чем практических мероприятий. Я знаю только один случай, когда отец усадил своего пятилетнего сына наблюдать, как его мать разрешается от бремени. Как и всякий другой случай идиотизма, этот случай заслуживает только внимания психиатров. Гораздо чаще бывало, что честные родители в самом деле приступали к различным „правдивым“ процедурам объяснения. И вот в первые же моменты этой полезной правдивости оказывалось, что положение их почти безвыходное» [3, с. 220].

Родительские любительские объяснения вызывали целый ряд моральных и интеллектуальных противоречий: «Во-первых, выступало наружу пронзительное противоречие между родительским либерализмом и родительским идеализмом. Вдруг, кто его знает откуда, с полной очевидностью выяснялось, что половая проблема, несмотря ни на какие объяснения, несмотря на их героическую правдивость, желает оставаться все-таки половой проблемой, а не проблемой клюквенного киселя или абрикосового варенья. В силу этого она никак не могла обходиться без такой детализации, которая даже по самой либеральной мерке была невыносима и требовала засекречивания. Истина в своем стремлении к свету вылезала в таком виде,

что и самые смелые родители ощущали нечто, похожее на обморок. И это чаще всего случалось с теми родителями, которые выдвигались из обыкновенных рядов, которые ближе стояли к „идеалам“, которые активно стремились к лучшему и совершенному. В сущности говоря, им хотелось так „объяснить“ половую проблему, чтобы она сделалась как бы уже и не половой, а какой-то другой, более чистой, более высокой.

Во-вторых, выяснилось, что при самом добросовестном старании, при самой научной мимике, все-таки родители рассказывали детям то самое, что рассказали бы им и „ужасные мальчишки и девчонки“, предупредить которых и должно было родительское объяснение. Выяснилось, что тайна деторождения не имеет двух вариантов. В конце концов, вспоминали, что с самого сотворения мира не было зарегистрировано ни одного случая, когда вступившие в брак молодые люди не имели бы достаточного представления о тайне деторождения и, как известно... все в том же самом единственном варианте, без каких-нибудь заметных отклонений. Тайна деторождения, кажется, единственная область, где не наблюдалось ни споров, ни ересей, ни темных мест» [3, с. 220–221].

В сущности, А. С. Макаренко пришел к выводу о том, что любые разговоры о «половом вопросе» с детьми не могут что-либо прибавить к тем знаниям, которые и без того получают в свое время. Но эти разговоры опошляют проблему любви, лишат ее той сдержанности, без которой любовь называется циничным развратом.

Результатом непонимания источников любви в отношениях полов, важности традиционных ценностей в цементировании социальных связей явилась демографическая катастрофа в России. Демографическая проблема стояла остро еще в СССР, но она конвертировалась в демографическую катастрофу в ходе перестройки и разрушительных либеральных реформ.

На учредительном съезде политической партии «Евразия» в 2002 г. в докладе А. Г. Дугина отмечалось: «проблема падения рождаемости, вырождения нашего народа, проблема социальной деградации, появления миллионов беспризорников и распада семей. И ее, с нашей точки зрения, нельзя свести только к экономической платформе. В ее решении в высшей степени важен нематериальный, нравственный фактор. Общеизвестен характер катастрофических демографи-

ческих процессов в богатых странах с развитой „либеральной культурой“. Плоды этой „культуры“ можно видеть по телевизору, по MTV, наблюдая все формы извращения, патологии, самые низменные пороки, которые себе только возможно представить. Именно богатые и благополучные страны страдают максимальным падением рождаемости. Западные „ценности“, полное снятие этических, нравственных и религиозных рамок, вместе с материальным процветанием, способствуют чему угодно, только не деторождению и не укреплению семейных уз...» [5, с. 22]. Обнаруживается единственно возможное противоядие управляемой и наводимой Западом демографической катастрофы – традиционные ценности.

Эти ценности противостоят контрценностям западного постмодерна: «Циничные представители „золотого миллиарда“ говорят так: „Вот если бы вы не верили в Бога и не следовали своим традициям, то вы бы тоже рожали меньше, как мы, и занимались бы другими делами“. Эта логика представляется нам чудовищной, кощунственной, несовместимой с человеческим достоинством.

Необходимо переломить демографический процесс в России. Единственный способ – возврат к нравственной, религиозной, традиционной евразийской системе ценностей. Никакого иного способа возрождения демографии не существует. Проблема детства также не лежит исключительно и всецело в материальной плоскости, а решается принципиальным изменением морального и информационного климата» [5, с. 22]. А поскольку женщины кричат во время родов на родном языке, и радистка Кэт кричала на диалекте той местности, где сама родилась, то есть по-рязански, то традиционные ценности детей и матерей изначально строятся на родном языке и родной культуре. Приведем знаменитую фразу разведчика М. Исаева из лучшего советского фильма-сериала «Семнадцать мгновений весны»: «Этот старый доктор сказал мне, что во время родов он может определить национальность любой женщины... <...> Понимаешь, женщины-то кричат во время родов...

– Я думала, что они поют песни.

– Понимаешь, малыш, они ведь кричат на родном языке, на диалекте той местности, где родились. Значит, ты будешь кричать „мачочка“ по-рязански» [6].

Список использованной литературы

1. Анекдот № 840355 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.anekdot.ru/id/840355/?ysclid=lgxtgtrayd453285070>
2. Нестыдно. Забота о любви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nestidno.ru/>
3. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1951. т. 4. – 538 с.
4. Ефремов И. А. Собрание сочинений в шести томах. М.: Современный писатель. 1993. т. 5. – 445 с.
5. Материалы учредительного съезда политической партии «Евразия» 30 мая 2002 г., Екатеринбург: Свердловское региональное отделение движения «Евразия», изд. УрГУ. – 195 с.
6. Семнадцать мгновений весны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://citaty.info/quote/338132>

1.3. БОГЕМНЫЙ ДУХ УХОДЯЩЕГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОЙ НОРМЫ В ВОСПИТАНИИ

Советская культура исходила из высоких идеалов нравственности, когда на первое место выходил вопрос о воспитании старшеклассниц как образца поведения и осознания жизни для советской молодежи. А. С. Макаренко дал свои точные практические советы, он полагал, что бытовая неряшливость не может быть в стиле советской жизни и этот богемный дух поэтического беспорядка следует вытравливать. Порядок и расписание дня являются условием всего успешного воспитания семьи и школы. Э. В. Лимонов предлагал вывести молодежь из-под мертвящего влияния буржуазной семьи и поставить под воздействие радикальной национал-большевистской партии. Сегодня основной силой притяжения для молодежи становятся не партии и авангардистские группировки, но трансформирующееся российское государство. Это еще не социалистическое государство, но уже социальное и такое государство возвращается в собственную историю, становится суверенным.

Советская культура исходила из высоких идеалов нравственности, которые были поняты как условия формирования всесторонне развитой личности. По традиции в СССР на первое место выходил вопрос о воспитании старшеклассниц как образца поведения и осознания жизни для всей советской молодежи. Л. Н. Тимошенко во втором издании книги «Воспитание старшеклассниц» в предисловии задает вопрос о смысле именно такой постановки вопроса: «Воспитание старшеклассниц... А почему только девушек? Разве у нас вновь ввели раздельное обучение, как когда-то? Интересно, как автор будет „отсекать“ юношей, ведь они-то сидят в одном классе? А что, для девочек одни приемы и методы воспитания, а для мальчиков – другие? Интересно какие же? Все эти вопросы могут возникнуть». Увы, автор не отвечает на эти вопросы и сводит свое повествование к сумме статей из «Мини-энциклопедии для девушек», начиная от статьи «Аккуратность» до статьи «Этикет для девушки» [1, с. 3, 190].

Между тем лучший педагог советской эпохи А. С. Макаренко основываясь на диалектико-материалистическом мировоззрении за полвека до издания этой книги дал свои точные, политически выверенные и философски обоснованные практические советы. Он писал: «Бытовая неряшливость не может быть в стиле советской жиз-

ни. Всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении, мы должны вытравливать этот задержавшийся богемный дух, который только по крайнему недоразумению считается некоторыми товарищами признаком поэтического вкуса. В точности, собранности, в строгой и даже суровой последовательности, в обстоятельности и обдуманности человеческого поступка больше красоты и поэзии, чем в любом „поэтическом беспорядке» [2, с. 247].

Он прекрасно понимал, что воспитание начинается в семье и продолжается в школе как идеологическом аппарате советского государства: «О каком можно говорить воспитании, если сын или дочь встают и ложатся, когда вздумается или когда придется, если по вечерам они „гуляют“ неизвестно где, или ночуют „у подружки“ или „у товарища“, адрес которых и семейная обстановка просто неизвестны. В этом случае налицо такая бытовая неряшливость (а может быть, и не только бытовая, а и политическая), что говорить о каком-либо воспитании просто невозможно, – здесь все случайно и бестолково, все безответственно. С самого раннего возраста дети должны быть приучены к точному времени и к точным границам поведения. Ни при каких условиях семья не должна допускать каких бы то ни было „ночехов“ в чужой семье, за исключением случаев совершенно ясных и надежных. Больше того, все места, где ребенок может задержаться на несколько часов даже днем, должны быть родителям хорошо известны. Если это семья товарища, только родительская лень может помешать отцу или матери с ней познакомиться ближе» [2, с. 250].

Порядок и расписание дня являются условием всего успешного воспитания семьи и школы: «Точный режим детского дня – совершенно необходимое условие воспитания. Если нет у вас такого режима и вы не собираетесь его установить, для вас абсолютно лишняя работа чтение этой книги, как и всех книг о воспитании. Привычка к точному часу – это привычка к точному требованию к себе. Точный час оставления постели – это важнейшая тренировка для воли, это спасение от изнеженности, от пустой игры воображения под одеялом. Точный приход к обеду – это уважение к матери, к семье, к другим людям, это уважение к самому себе. А всякая точность – это нахождение в кругу дисциплины и родительского авторитета, это, значит, и половое воспитание. И в порядке той же бытовой культуры в каждой семье должно быть предоставлено большое место врачу, его совету, его

санитарному и профилактическому руководству. Девочки в некоторые периоды особенно требуют этого внимания врача, которому всегда должна помогать и забота матери. Врачебная линия, конечно, главным образом должна лежать на обязанности школы. Здесь уместна организация серьезных бесед по вопросам пола, по ознакомлению мальчиков с вопросами гигиены, воздержания, а в старшем возрасте с опасностью венерических заболеваний» [2, с. 250].

В результате успешного общего воспитания на первый план легко выходят и решаются вопросы пола и гигиены: «Необходимо отметить, что правильное половое воспитание в границах одной семьи было бы значительно облегчено, если бы и общество в целом этому вопросу уделяло большое активное внимание. В самом обществе должны все сильнее и требовательнее звучать настойчивые суждения общественного мнения и моральный контроль над соблюдением нравственной нормы. С этой точки зрения нужно в особенности коснуться такой „мелочи“, как матерная ругань. Очень культурные люди, ответственные работники, прекрасно владеющие русским языком, находят иной раз в матерном слове какой-то героический стиль и прибегают к нему по всякому поводу, ухитряясь сохранить на физиономии выражение острого ума и высокой культурности. Трудно понять, откуда идет эта глупая и дикая традиция. В старое время матерное слово, может быть, служило своеобразным коррективом к нищенскому словарю, к темному косноязычию. При помощи матерной стандартной формулы можно было выразить любую примитивную эмоцию, гнев, восторг, удивление, осуждение, ревность» [2, с. 251].

Мы видим здесь прекрасное описание дегенеративной роли матерных выражений в обществе, которые в период перестройки стали изучаться учеными, а издатели выпускали целые словари мата и блатного жаргона. Многотомные словари матерщины в демократической новой России выходили из печати под видом научных исследований и разрушали советского наследие сохранения культурных традиционных ценностей чистоты и целомудрия русского народа. Только один яркий пример – работы А. Плущер-Сарно [3].

А. С. Макаренко пишет: «По большей частью, она даже не выражала никаких эмоций, а служила технической связкой, заменяющей паузы, остановки, переходы, – универсальное вводное предложение. В этой роли формула произносилась без какого бы то ни было чувства, она

показывала только уверенность говорящего, его речевую развязность. За двадцать лет наши люди научились говорить. Это бросается в глаза, это можно видеть на любом собрании. Нищенское косноязычие ни в какой мере не характерно для наших людей. Это произошло не только благодаря широкому распространению грамотности, книги, газеты, но и, главным образом, благодаря тому что советскому человеку было о чем говорить, существовали мысли и чувства, которые и нужно было выразить и можно было выразить. Наши люди научились без матерного слова высказывать мысли по любому вопросу. Раньше они не умели этого делать и пробавлялись общепринятым и взаимно заменяемым стандартом: – Да ну их к...! – Что же ты...! – Здорово...! – Я тебя...!» [2, с. 251].

Автор блестяще описывает даже не дух эпохи, а устойчивость оборотов, которые не изменились за столетия. Нечто подобное зафиксировал Э. В. Лимонов в «Другой России», говоря о речи которой обмениваются в семье и о самой российской семье. В этой книге, выступившей в качестве манифеста запрещенной в России Национал-большевистской партии, российская семья сравнивается с американской и сравнение не в пользу нашей семьи: «С российской семьей все еще более неладно, чем с американской. Как правило детям не за что уважать своих родителей („черепа“ – красочно и точно называют их панки), – в подавляющем большинстве своем жертв жизни и жертв произошедших в стране катастрофических „реформ“. Жилплощадь в РФ сейчас еще более недоступна, чем при Советской власти, в результате дети переселяются в семье, вынужденно живут с родителями дольше, чем это здорово. Создается неприятная обстановка, когда взрослые дети живут со стареющими родителями, дыша друг другу в затылок, употребляя один и тот же туалет, вынужденно разделяя интимную жизнь друг друга. Мать по природе своей считает сына своей собственностью и потому подсознательно хочет продлить свою власть над ним. А отец над дочерью. А в одной квартире это возможно сделать.

Результат такого общежития отлично виден в Чечне (особенно был виден в 1-ю войну). Это не боевые качества чеченского бойца преобладали над качествами русского солдата, но чеченское воспитание мужчины значительно преобладает над воспитанием парня в русской семье. Отсюда и возник феномен „наших мальчиков“,

которых хватают в плен жестокие чеченские бородачи. Русские пацаны пересидживают в теплых гнездах добрых пять-десять лет дольше, чем нужно, и влияние дебели, доброй, стокилограммовой российской славянской мамы превращает их к призывному возрасту в тесто. Чеченский пацан с сопливого возраста крутится среди мужчин. Наш проводит слишком много времени среди женщин. Российская семья душит мужчину. (Разумеется, существуют исключения, из деревень и маленьких городков приходят более мужественные пацаны.) Для правильного становления мужчины пацана надо как можно раньше изымать из семьи. Это вредное место, как Чернобыльская АЭС» [4].

Ситуация, однако, изменилась за два десятилетия и у нас появились мужественные парни и девушки. Если бы Россия не стала менять курс развития с 2022 г. все могло быть в соответствии с прогнозом Э. В. Лимонова: «Женщина не может быть основным занятием мужчины в жизни, – это следует знать. Женщины должны сменять друг друга. От любви к ним не следует отказываться, но только партия – основное занятие мужчины, все остальное – побочно» [4]. Вместо партии (что в переводе означает – часть) основной силой притяжения для молодежи начинает владеть трансформирующееся российское государство. Это еще не социалистическое государство, но уже социальное и такое государство возвращается в собственную историю, становится суверенным.

Список использованной литературы

1. Тимошенко Л. Н. Воспитание старшеклассниц. Книга для учителя. М.: Просвещение, 1990. – 191 с.
2. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1951. т. 4. – 538 с.
3. Плутсер-Сарно А. Словарь русского мата в 12-ти томах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://plutser.ru/mat/>
4. Лимонов Э. В. Полное собрание сочинений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.limonow.de/download/download.html>

1.4. РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ МОЩЬ МАТЕРНОГО СЛОВА: ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХИКИ ПОКОЛЕНИЯ

Советский педагог А. С. Макаренко в прошлом столетии ставил точный диагноз мещанства в семье и в обществе по речи и по системе коммуникации. Аналитика педагога идет по тем высказываниям, которыми обмениваются люди в семейной жизни, в воспитании детей, в производстве всей материальной жизни. Самым ярким сигналом опасности для воспитания оказывается матерное слово, матерная речь и особо недопустим мат в сфере производственных официальных отношений. Мат и социализм несовместимы и потому А. С. Макаренко требовал выжечь каленым железом это «наследие Рюриковичей». Поскольку матерное слово это признак самой дикой первобытной культуры и его изучение не может быть оправдано никакими высоконаучными соображениями, следует обратить внимание на разрушительную силу воздействия мата на психику детей. Если для взрослого человека матерное слово просто грубое слово, то в детской психике оно разрушает любовь и человеческие отношения — в результате уничтожается самое продуктивное и ценное для нации поколение в возрасте от 14 до 35 лет.

Лучший советский педагог А. С. Макаренко ставил диагноз мещанства в семье и в обществе по речи. Аналитика идет по тем высказываниям, которыми обмениваются люди в семейной жизни, в воспитании детей, в производстве всей материальной жизни. Самым ярким сигналом опасности для воспитания оказывается матерное слово, матерная речь: «Даже и связная речь, в сущности, была связана из таких же элементов: – Подхожу... к нему, а он... говорит: пошел ты к... Ах, ты, думаю...! На... ты мне нужен...! Да я таких..., как ты..., видел... тысячи. Матерное слово потеряло у нас свое „техническое“ значение, но все же сохраняется в языке, и можно даже утверждать, что оно получило большое распространение и участвует в речи даже культурных людей. Теперь оно выражает молодечество, „железную натуру“, решительность, простоту и презрение к изыщному. Теперь это своего рода кокетство, цель которого понравиться слушателю, показать ему свой мужественный размах и отсутствие предрассудков» [1, с. 251].

Л. Н. Тимошенко во втором издании книги для учителя «Воспитание старшекласниц» в статье «общение семейное» из «Мини-энциклопедии для девушек» приводит совершенно тощее изложение кодекса семейного общения. В пункте двадцатом этого кодекса автор

советует: „Нет – грубости и пошлости!“ Ничто так не мешает счастью мужчины и женщины, как грубость, пошлость или ханжество. Страстная любовь, нежность, сексуальная грамотность, душевная деликатность – все это просто необходимо в семейных отношениях» [2, с. 162].

А. С. Макаренко, несомненно, в одной своей фразе богаче всей книги Л. Н. Тимошенко как продукта педагогики социалистического общества эпохи застоя. Он обращает внимание на мат в сфере производственных официальных отношений: «В особенности любят его употреблять некоторые начальники, разговаривая с подчиненными. Получается такой, непередаваемой прелести, шик: сидит ответственнойший могущественный деятель за огромным письменным столом, окружен кабинетной тишиной, мягкостью, монументальностью, обставлен телефонами и диаграммами. Как ему разговаривать? Если ему разговаривать точным языком, деловито, вежливо, – что получится? Могут сказать: бюрократ сидит. А вот, если при всем своем могуществе и блеске рассыпает он гремящее, или шутовское, или сквозь зубы матерное слово, тогда подчиненные, с одной стороны, и трепещут больше, а с другой стороны, и уважают. Прибегут в свою комнату и восторгаются. – Ох, и крыл же! Ох, и крыл...! И получается не бюрократ, а свой парень, а отсюда уже близко и до „нашего любимого начальника“. И женщины привлекаются к этим любовным утехам. При них, конечно, не выражаются открыто, а больше символически. – Жаль, что здесь Анна Ивановна, а то я иначе бы с вами говорил! И Анна Ивановна улыбается с любовью, потому что и ей начальник оказал доверие. Любимый начальник!» [1, с. 252].

А. С. Макаренко отмечает, что матерное слово это признак самой дикой первобытной культуры и не может быть оправдано никакими высоконаучными соображениями: «Но не только начальники украшают свою речь такими истинно-русскими орнаментами. Очень многие люди, в особенности в возрасте 20–22 лет, любят щегольнуть матерным словом. Казалось бы, что немного нужно истратить интеллектуальной энергии, чтобы понять, что русский революционный размах нечто диаметрально противоположное русскому пьяному размаху, а вот не все понимают же! Не все понимают такую простую, абсолютно очевидную вещь, что матерное слово есть неприкрашенная мелкая, бедная и дешевая гадость, признак самой дикой, самой первобытной культуры, – циничное, наглое, хулиганское отрицание

и нашего уважения к женщине, и нашего пути к глубокой и действительно человеческой красоте. Но если для женщин это свободно гуляющее похабное слово только, оскорбительно, то для детей оно чрезвычайно вредно. С удивительным легкомыслием мы терпим это явление, терпим его существование рядом с нашей большой и активной педагогической мечтой» [1, с. 253].

Мат и социализм несовместимы и потому А. С. Макаренко требует выжечь каленым железом это «наследие Рюриковичей»: «Необходимо поднять решительную, настойчивую и постоянную борьбу против площадного слова, если не из соображений эстетических, то из соображений педагогических. Трудно подсчитать, а еще труднее изобразить тот страшный вред, который приносит нашему детству, нашему обществу это наследие Рюриковичей» [1, с. 253].

А. С. Макаренко показывает разрушительную мощь воздействия мата на психику детей: «Для взрослого человека матерное слово просто неудержимо оскорбительное грубое слово. Произнося его или выслушивая, взрослый испытывает только механическое потрясение. Матерное слово не вызывает у него никаких половых представлений или переживаний. Но когда это слово слышит или произносит мальчик, слово не приходит к нему, как условный ругательный термин, оно приносит с собой и присущее ему половое содержание. Сущность этого несчастья не в том, что обнажается перед мальчиком половая тайна, а в том, что она обнажается в самой безобразной, циничной и безнравственной форме. Частое произношение таких слов приучает его к усиленному вниманию к половой сфере, к односторонней игре воображения, а это приводит к нездоровому интересу к женщине, к ограниченной и слепой впечатляемости глаза, к мелкому, надоедливому садизму словечек, анекдотов, каламбуров. Женщина приближается к нему не в полном наряде своей человеческой прелести и красоты, не в полном звучании своей духовной и физической нежности, таинственности и силы, а только как возможный объект насилия и пользования, только как оскорбленная самка» [1, с. 253–254].

Результат мата – разрушение любви и человеческих отношений: «И любовь такой юноша видит с заднего двора, с той стороны, где человеческая история давно свалила свои первобытные физиологические нормы. Этими отбросами культурной истории и питается первое неясное половое воображение мальчика. Не нужно,

конечно, преувеличивать печальные последствия этого явления. Детство, жизнь, семья, школа, общество, книга дают мальчику и юноше множество противоположных толчков и импульсов, вся наша жизнь, деловое и товарищеское общение с девушкой и женщиной приносят новую пищу для более высоких чувств, для более ценного воображения. Но не нужно и преуменьшать. Каждый мужчина, отказавшийся за себя от матерного слова, побудивший к этому товарища, потребовавший сдержанности от каждого встречного, разошедшегося „героя“, принесет огромную пользу и нашим детям, и всему нашему обществу» [1, с. 254].

Осталось только уточнить возраст тех, кто находится под ударом культурной агрессии и тех, кто представляет поэтому наибольшую ценность для общества. Крупнейший писатель-патриот Э. В. Лимонов в книге-прогнозе «Другая Россия» задал этот вопрос и ответил совершенно справедливо: «Какой же возраст следует считать самым ценным для нации, самым предпочтительным? Возраст от 14 до 35 лет является, без сомнения, самым продуктивным, самым ценным для нации возрастом. Это возраст призывников, воинов, мужчин, расцвет физической силы личности, обыкновенно пик здоровья, красоты, радости. Возраст наибольшего созидания, сеяния, производства детей. Современная сексология утверждает, что мужчина в лучшей своей сексуальной форме в возрасте 28 лет. Недаром после 35 индивидуум обыкновенно уходит из спорта. Физические силы уже не нарастают, но лишь сохраняются. Обратите внимание на объявления о трудоустройстве: работа предлагается, на работу зазывают, как правило требуются „здоровые мужчины до 35 лет“. Хитрые работодатели, следовательно, считают, что после 35 лет и силы не те, что до 35 лет, и усвоение рабочих навыков дается человеку труднее» [3]. Именно это поколение подлежит усиленному сбережению и вниманию со стороны государства.

Список использованной литературы

1. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1951. т. 4. – 538 с.
2. Тимошенко Л. Н. Воспитание старшекласниц. Книга для учителя. М.: Просвещение, 1990. – 191 с.
3. Лимонов Э. В. Полное собрание сочинений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.limonow.de/download/download.html>

1.5. ВОСПИТАНИЕ БЕРЕЖЛИВОСТИ И СПОСОБНОСТИ ОРИЕНТИРОВКИ: КОНЦЕПЦИЯ А. С. МАКАРЕНКО

Лучший педагог советской эпохи А. С. Макаренко обнаружил важность бережливости и заботливости в процессе воспитания социальных качеств личности для социалистического общества. Педагог обращает внимание на механизм формирования привычки благодаря многократному упражнению при учете ответственности личности. Необходимость формирования способности ориентировки вызвана тем, что она заключается в умении видеть и понимать все подробности. На почве поручений воспитанникам развивается оперативная способность формирующейся личности и на этой основе следует заключить, что вся хозяйственная деятельность является прекрасной основой и материалом для воспитания. Это давно знали традиционные конфессии – хозяйственная деятельность воспитывает и формирует различные этические и эстетические нормы. Именно в семейном хозяйстве воспитываются коллективизм, честность, заботливость, бережливость, ответственность, способность ориентировки, оперативная способность.

Новатор-педагог советской эпохи А. С. Макаренко обнаружил важность бережливости и заботливости в процессе воспитания социальных качеств личности для социалистического общества. Он писал: «Бережливость есть особая сторона заботливости, только заботливость проявляется больше в мыслях, в соображениях человека, а бережливость проявляется в привычках. Можно быть очень заботливым хозяином и в то же время совершенно не иметь привычек бережливости. Эти привычки должны воспитываться как можно раньше. С самого малого возраста ребенок должен уметь есть, не пачкая скатерти или костюма, он должен уметь пользоваться вещами, не пачкая их и не ломая. Эти привычки даются с некоторым трудом, и все же нужно стараться во что бы то ни стало, чтобы эти привычки образовались. Никакие поучения не помогут в этом деле, если нет привычки» [1, с. 390].

Педагог обращает внимание на механизм формирования привычки: «Привычка образуется благодаря многократному упражнению. Поэтому нужно заботиться о правильном упражнении. Если мальчик, пробегая по комнате, повалил стул, не нужно говорить ему целую речь о бережливом отношении к стулу, а нужно ему сказать: – Может

быть, ты сможешь так пройти, чтобы стул не упал? А ну, попробуй. Прекрасно! Ты это хорошо умеешь делать. Если, допустим, семилетний ребенок испачкал или изорвал костюм, нужно дать ему целый костюм и сказать: – Вот тебе костюм. Он чистый. Даю тебе неделю срока и посмотрю, какой он будет. Нужно возбуждать у ребенка постоянное желание упражняться в бережливости, нужно, чтобы он так привык к чистым ботинкам, чтобы грязные ботинки он уже не мог надеть. Бережливость должна распространяться не только на вещи своей семьи, но и на вещи других людей и в особенности на предметы общественного пользования» [1, с. 390]. В художественной литературе даже отрицательные характеристики людей описаны как продукт упражнения. Вспомним фразы из советского фильма «Дни Турбиных»: «Лариосик. (о водке) – Как это вы ловко ее опрокидываете, Виктор Викторович. Мышлаевский. – Достигается упражнением» [2].

Как можно обеспечить верный вектор формирования привычки? А. С. Макаренко советует: «Поэтому никогда не позволяйте ребенку небрежно относиться к вещам на улице, в парке, в театре» [1, с. 390–391].

Выход тут заключается в формировании ответственности: «Ответственность заключается не только в том, что человек боится наказания, а в том еще, что человек и без наказания чувствует себя неловко, если по его вине испортилась или уничтожена вещь. Именно такую ответственность нужно воспитывать у советского гражданина, и именно поэтому не нужно наказывать за порчу вещей или грозить наказанием, а нужно, чтобы ребенок сам увидел тот вред, который он привнес небрежным обращением с вещью, и пожалел о своей небрежности. Об этом ребенку нужно, конечно, сказать, нужно объяснить ему все результаты небрежности, но еще полезнее будет, если ребенок на собственном опыте почувствует эти результаты» [1, с. 391].

Приводится тривиальный пример с игрушкой. Сегодня игрушки выбрасываются мешками на помойку и совсем не ценятся в буржуазном среднем классе. В советское время поломка игрушки была ЧП: «Если ребенок, к примеру, поломал игрушку, не нужно спешить покупать новую, не нужно и выбрасывать ее, а необходимо, чтобы некоторое время эта игрушка была на глазах у ребенка и требовала ремонта. Нужно, чтобы отец или мать говорили и совещались о ремонте этой игрушки, чтобы ребенок видел, что он причинил лишнюю заботу родителям, что они относятся к игрушке более внимательно и заботливо, чем он.

А когда игрушка будет отремонтирована, полезно будет, если отец или мать шутя скажут: – Она теперь хороша, только, что-ж, давать ли ее тебе или не давать? Ведь ты небрежно будешь с ней обращаться и снова поломаешь? В таких случаях ребенок начинает понимать, что его поступки приводят к некоторым неприятным последствиям, у него появится ощущение естественной ответственности.

Но чем ребенок старше, тем эта естественная ответственность должна быть для него обязательнее и привычнее. Если и теперь он проявляет недопустимую небрежность, уже не нужно шутить с ним и вызывать чувство ответственности, а нужно самым серьезным тоном потребовать большего порядка, допуская даже и такое выражение: – Это безобразие. Постарайся, чтобы таких случаев больше не было. В особенности важно воспитывать ответственность в тех случаях, когда затрагиваются интересы других членов семьи или даже интересы общественные. Если в семье есть правильный коллективный тон, это воспитание проводить очень нетрудно» [1, с. 391].

А. С. Макаренко обращает внимание на необходимость формирования способности ориентировки. Он полагает, что «Это та важнейшая способность, без которой не может быть хорошего хозяйственника. В чем она заключается? Она заключается в умении видеть и понимать все подробности, окружающие данный случай. Если человек что-то делает, он не должен забывать и о том, что сзади него и сбоку тоже находятся люди и тоже чем-то заняты. Ориентировка невозможна, если человек привык видеть только то, что перед глазами, а что совершается вокруг, не видит и не чувствует. В хозяйственной деятельности способность ориентировки имеет громадное значение. Делая одно дело, ребенок не должен забывать и все другие свои дела и дела окружающих людей. Играя в какую-нибудь игру, ребенок не должен забывать, что он окружен вещами, о которых тоже должен заботиться. Исполняя поручение родителей по покупке чего-нибудь в магазине, ребенок должен помнить, что он должен возвратиться домой вовремя, что должен после этого поручения сделать что-либо для себя или для семьи. Для выработки такой способности полезно давать ребенку не одно поручение, а два или три, давать условное поручение или комбинированное» [1, с. 392].

Разговор идет о системе поручений от зрелой личности к личности формирующейся: «Вот самые простые примеры таких поруче-

ний. – Убери в книжном шкафу, а кстати и подбери книги по авторам. Купи сельдей, но если будет в магазине хорошая вобла, то не покупай сельдей, а купи воблу. Способность ориентировки воспитывается постоянными упражнениями в хозяйственной заботе, в знании всех подробностей и частностей хозяйства» [1, с. 392].

На почве поручений развивается оперативная способность: «Такая способность необходима для выполнения более длительных хозяйственных работ, выходящих за пределы одного короткого поручения. Уже с семи-восьми лет, а часто и раньше, нужно давать ребенку такие более длительные задачи, например: поливать цветы, держать в порядке книги, кормить кошку, следить за младшим братом. В особенности важной является область денежных расходов. Здесь мы настойчиво рекомендуем каждой семье предоставить ребенку некоторую самостоятельность в расходовании денег для удовлетворения его личных, а в некоторых случаях и общих семейных потребностей. Для этого нужно один раз или несколько раз в месяц выдавать ему определенную сумму денег с точным обозначением, на что эти деньги должны расходоваться» [1, с. 392–393].

При отправке в летние пионерские лагеря дети прежде собирали вещи сами, составляли их список и приклеивали листок на внутреннюю поверхность крышки чемодана. Советский педагог предлагает еще более радикальные решения: «Список таких расходов может быть различным в зависимости от возраста ребенка, от достатков семьи. Например, для мальчика 14 лет можно составить такой список: покупка тетрадей, расходы на трамвай, покупка мыла и зубного порошка для всей семьи, расходы на кино для него и младшего брата. Чем старше ребенок, тем ответственнее и сложнее должен быть такой список. Необходимо при этом следить за тем, как выполняет мальчик или девочка порученные ему задачи, не злоупотребляет ли он свободой расходования, не преобладают ли в его тратах расходы на удовольствия, а не на дело. Иногда такие ошибки происходят от неправильно назначенной суммы, но бывает и так, что мальчик просто недостаточно серьезно относится к своему праву и своим возможностям. В таком случае достаточно просто поговорить с ним, обратить внимание на его ошибки и посоветовать исправить их. Во всяком случае, не нужно надоедать ребенку постоянными проверками, а тем более постоянным недоверием. Нужно просто уметь видеть его поведение в порученной ему области» [1, с. 393].

В заключение рассуждений он пишет, что вся хозяйственная деятельности является прекрасной основой и материалом для воспитания: «Сами родители найдут в своем опыте много разнообразных упражнений для правильного хозяйственного воспитания детей. Они при этом должны помнить, что, воспитывая хорошего и честного хозяина, они тем самым воспитывают и хорошего гражданина. Важно, чтобы семейное хозяйство было организовано в коллективном, спокойном и в то же время в дисциплинированном порядке, чтобы в нем не было излишней нервности, нытья, а чтобы больше было бодрости и дружного стремления улучшить жизнь семьи» [1, с. 393].

Обнаруживается то, что давно знали традиционные конфессии – хозяйственная деятельность воспитывает и формирует различные этические и эстетические нормы и потому А. С. Макаренко писал: «Хозяйственная деятельность семьи представляет собой важнейшую арену для воспитательной работы. Именно в семейном хозяйстве воспитываются: Коллективизм, т. е. реальная солидарность человека с работой и интересами других людей, с интересами всего общества. Коллективизм воспитывается методом приближения ребенка к условиям деятельности родителей, методом участия ребенка в семейном бюджете, скромностью во время избытка и достоинством во время недостатка в семье. Честность, т. е. открытое, искреннее отношение к людям и вещам. Заботливость, т. е. постоянное внимание к семейным нуждам и плану их удовлетворения. Бережливость, т. е. привычка сохранять вещи. Ответственность, т. е. чувство вины и неловкости в случае порчи или уничтожения вещи. Способность ориентировки, иначе говоря, умение охватить вниманием целую группу вещей и вопросов. Оперативная способность, т. е. умение распорядиться временем и работой. Все семейное хозяйство должно быть хозяйством коллектива и вестись в спокойных тонах, без нервности» [1, с. 393–394]. Действительно, А. С. Макаренко лучший педагог всей советской эпохи, лучшей эпохи в истории России.

Только в разрушительную перестройку удалось сломать главную причину устойчивости СССР – первенства идеалов над интересами, слова над делом повседневности. В 60 гг. эту устойчивость удалось расшатать и радиоведущие с антисоветского Радио «Свобода» П. Вайль и А. Геннис писали в перестройку в 1988 г. в книге «Мир советского человека»: «Еще один важный вопрос: кто герой нашей книги?

О ком, собственно говоря, мы пишем? Мы ориентировались на достаточно широкий круг людей, в среде которых рождались, жили и умирали идеологические течения или хотя бы идеологические моды. Наверное, этот круг средней интеллигенции, активно заинтересованной в проблемах общественной жизни, условно можно определить как подписчиков „толстых“ журналов.

В те дни, когда мы пишем эти строчки, в Советском Союзе происходит испытание главного тезиса нашей книги, тезиса о примате слова над делом. Сумеет ли реальность наконец трансформировать утопический характер страны? Только если это произойдет, 60-е по-настоящему станут предметом истории, потеряв живую связь с современностью» [3, с. 6]. В последующих изданиях книги авторы отмечают, что их книга еще не стала историей. А в июне 2013 г. А. Генис утверждал: «За этот срок разительно изменился объект нашего исследования: из агрессивного застоя страна перешла к радикальным реформам. Мы писали о прошлом с легкой ностальгией, оно оказалось актуальным – перестройка решала те же проблемы, которые ставили 60-е. Хуже, что они остались нерешенными и сейчас, когда четверть века спустя выходит новое издание книги, по-прежнему отказывающейся быть исторической. Говорят, что когда история не развивается, она длится» [3].

Загнивание и остановка развития связаны с упрощением управляющей системы. Эта закономерность прослеживается во всей истории человечества. Историк А. И. Фурсов пишет: «есть такой закон Эшби-Шеннона-Винера. Он звучит так: „Управляющая система должна быть разнообразней, сложнее и мощней, чем управляемая“. Смотрите, что происходило в последние 50 лет на Западе. Общество становилось сложнее, чем элита. Почему общество? Не потому, что сложное само по себе. Умирал старый слой, и возникает что-то новое. И это новое и старое переплетается, и создают очень сложную ситуацию. А в это же время элита деградирует. У Платона в одном из диалогов есть такой образ: Бог крутит круг, и в этом круге люди бегут, колесницы. Потом Бог решает: „А крутану-ка я в другую сторону“. Начинает крутить в другую. А люди-то ещё движутся туда, и это создаёт коллизию.

Вот в конце XIX – начале XX веков управляющая подсистема мировой верхушки явно оказалась менее разнообразной. И менее сложной,

чем мировое общество. И поэтому разрушение образования, науки имеет под собой не только те корни, что это становится новыми решающими факторами производства. А мировая верхушка, не будучи способной стать сложнее, пошла по пути максимального упрощения и убиения разнообразия» [5]. Продолжим эту мысль и уточним, что такая ситуация сохраняется на протяжении всего двадцатого века.

Мировая буржуазная верхушка использует систему упрощений и в этом же упрощении обвиняет коммунистический проект. Гуру капитализма в управлении психикой З. Фрейд писал в «Недовольстве культурой»: «Коммунисты веруют в то, что ими найден путь к освобождению от зла. Человек однозначно добр и желает блага ближнему, но его природу испортила частная собственность. Частное владение благами дает одному власть и тем самым искушает его к жестокости с ближним; лишенный имущества, в свою очередь, исполнен враждебности и должен восставать против угнетателя. С отменой частной собственности все блага земные сделаются общими, все люди станут наслаждаться ими, а потому исчезнут зло и вражда меж людьми. С удовлетворением всех нужд не будет причин видеть в другом врага, и все охотно возьмутся за выполнение необходимой работы. В мои задачи не входит экономическая критика коммунистической системы, я не в состоянии исследовать здесь вопрос: послужит ли отмена частной собственности достижению этой цели и какая от этого польза. Но ее психологические предпосылки я не могу не признать безудержной иллюзией. С уничтожением частной собственности человеческая агрессивность лишается одного из своих орудий, безусловно сильного, но наверняка не сильнейшего. Ничего не меняется в различиях во власти и влиянии; которые предполагают использование агрессивности в своих целях. Не меняется и сущность агрессивности. Она не была создана собственностью, она царила почти безраздельно в древнейшие времена, когда собственность была еще жалкой. Она заявляет о себе уже в детском возрасте, едва собственность утрачивает свои первоначальные анальные формы. Собственность – это осадок всех отношений нежности и любви между людьми, быть может, за единственным исключением любви матери к своему ребенку мужского пола. Даже с устранением личных прав на материальные блага остаются еще привилегии в области сексуальных отношений, способные сделаться источником сильнейшего недовольства и са-

мой резкой вражды среди в остальном уравненных людей. Если устранить даже это, путем полного освобождения сексуальной жизни, т. е. посредством уничтожения семьи, зародыша культуры, тогда, конечно, становятся непредвидимыми новые пути развития культуры; но одного следует ожидать наверняка – агрессивность, эта неискоренимая черта человеческой натуры, последует за ней и по этим путям» [6, с. 228–229]. В этом лучшем, на наш взгляд, переводе нашего однокурсника московского профессора ВШЭ А. М. Руткевича ухватывается сущность фрейдизма – буржуазная сущность по отношению к учению пролетариата.

Список использованной литературы

1. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1951. т. 4. – 538 с.
2. Дни Турбиных (1976) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://цитаты-из-фильмов.рф/best/382/?id=493720>
3. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. Изд. 2. М.: Новое литературное обозрение. 1998. – 368 с.
4. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. Александр Генис. Долгое поколение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://knizhnik.org/petr-vajl/shestidesjatye-mir-sovetskogo-cheloveka/1>
5. Фурсов А. И. Что нам готовят новые хозяева мира. Предсмертный рёв уходящего класса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/predsmertnij_ryov_uhodyashego_klassa_chnam_gotovyat_novie_hozyaeva_mira
6. Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления. 1996. с. 191–255.

1.6. ВОСПИТАНИЕ ЧЕСТНОСТИ И ЗАБОТЛИВОСТИ В СЕМЬЕ: КОНЦЕПЦИЯ А. С. МАКАРЕНКО И БУРЖУАЗНАЯ ЖАДНОСТЬ

Классический капитализм превозносил честность и бережливость в духе пуританской этики, но при социализме эти ценности меняют свой жизненный смысл и вектор развития. Социальные качества имеют свою логику развития, и она должна контролировать как обществом, так и родителями с раннего возраста в контексте хозяйственной жизни повседневности. Советский педагог А. С. Макаренко показывает, что воспитывает обыденная повседневная жизнь, а не душещепательные беседы. В отличие от буржуазной жадности, которая разрушает все человеческие качества, советская заботливость проявляется не только в отношении к вещам, но и проецируется на отношения к людям и к их общему будущему. Непомерная накопительская жадность буржуазной семьи в принципе невозможна при социализме. В современном буржуазном обществе мы видим открытое провозглашение лозунга «Жадность — это хорошо».

Классический капитализм превозносил честность в духе пуританской этики. Также высоко ценилась бережливость. Польский историк и социолог М. Оссовская в выдающемся исследовании «Рыцарь и буржуа» в главе первой второй книги писала в разделе «как понимать название нашей работы», что общепризнанные нормы буржуазной морали должны в первую очередь подвергнуться научному анализу: «Известно, что те, кто говорит о буржуазной природе каких-либо этических норм, могут иметь в виду совсем не одно и то же. В одном случае это будет лишь „генетическое“ определение, означающее, что данная система моральных норм возникла в буржуазной среде, В другом случае подразумевается, что эти нормы получили всеобщее признание среди буржуазии, хотя возникнуть они могли в иной социальной среде. В обоих случаях буржуазная природа этических норм устанавливается без анализа их содержания. Если же провести такой анализ, то можно использовать два новых подхода. В рамках первого буржуазными считаются нормы, которые служат интересам буржуазии. В рамках второго буржуазными признаются нормы или доктрины, которые выражают взгляды или настроения буржуазии. Действительно, возникновение и распространение какой-либо доктрины в данной социальной среде позволяет предположить, что эта доктрина служит ее интересам; однако обратная зависимость наблю-

дается не всегда. Бывают, как известно, доктрины, которые служат так называемым объективным интересам данного класса, но не созданы им и до поры до времени не пользуются в нем популярностью из-за отсутствия того, что называется классовым самосознанием» [1, с. 100].

При всем различии подходов к нормам буржуазной морали при социализме все эти ценности меняют свой жизненный смысл и вектор развития. А. С. Макаренко при описании новых качеств человека в новом обществе писал: «Честность не падает с неба, она воспитывается в семье. В семье можно воспитать и бесчестность: все зависит от правильного воспитательного метода родителей. Что такое честность? Честность есть открытое, искреннее отношение. Нечестность есть тайное, скрытое отношение. Если ребенок хочет яблока и открыто это заявляет, это будет честно. Если он это желание оставляет втайне, но не отказывается от яблока, а старается взять его, чтобы никто не видел, это уже будет нечестно. Если мать дает ребенку это яблоко тайно от других детей, допустим, даже чужих, она уже воспитывает в нем тайное отношение к вещи, следовательно, воспитывает нечестность. Тайное отношение к вещам в пределах семейного обихода, хозяйственный личный секрет, кормление по углам, прятание отдельных сладких кусков – все это вызывает зарождение нечестности» [2, с. 388].

Формирование нужных для общества социальных качеств основывается на личном переживании их: «Только в более старшем возрасте ребенок должен научиться различать полезный секрет, т. е. то, что нужно скрывать от врагов и недругов, или то, что вообще должно составлять личное переживание каждого человека. В младшем же возрасте чем откровеннее ребенок и чем меньше у него каких бы то ни было секретов, тем лучше для его воспитания» [2, с. 388].

Социальные качества имеют свою логику развития, и она должна контролировать как обществом, так и родителями: «Родители должны внимательно следить за развитием честности у ребенка. Они ничего не должны нарочито прятать от ребенка, но и должны приучать ребенка ничего не брать без спросу, даже если это лежит на виду, не заперто, не закрыто. Можно специально оставлять на виду всякие соблазнительные вещи и приучать ребенка относиться к ним спокойно, без жадного желания. Эту черту спокойного отношения к тому, что плохо лежит, нужно воспитать в самом младшем возрасте.

В то же время в семье не должно быть такого порядка, когда все лежит плохо, нет никакого учета, никто не помнит, где что положено. В таком беспорядке, конечно, и развивается своевольное отношение ребенка к вещам, и он делает с ними, что хочет, никому об этом не говорит и таким образом приучается к неоткрытому хозяйничанью. Если ребенку вы дали поручение что-нибудь купить, обязательно проверяйте покупки и сдачу, делайте это до тех пор, пока у ребенка не выработаются твердые правила честности. Такую проверку нужно делать очень деликатно, чтобы ребенок не подумал, что вы его в чем-либо подозреваете» [2, с. 388–389].

Воспитание должно быть ранним: «Еще раз обращаем внимание родителей на то, что честность нужно воспитывать с самого раннего возраста. Если вы к пяти годам это дело запустили, будет очень трудно исправлять запущенное» [2, с. 389].

Воспитывает обыденная повседневная жизнь, а не душеспасительные беседы в стиле сеньора Петрушки: «Вещи, составляющие хозяйство семьи, приходят постепенно в ветхость и должны заменяться новыми вещами. Новые вещи нужно купить, следовательно, истратить некоторое количество заработанных родителями или другими членами семьи денег. Ребенок видит, как постоянно одни вещи ветшают, а другие приобретаются. Нужно, чтобы ребенок с малых лет приучался разумно пользоваться вещами, не допускать, чтобы вещи руководили им. Хороший хозяин должен всегда видеть заранее, что у него начинает стареть, не допускать слишком быстрого обветшания вещей, вовремя их отремонтировать, а покупать только те вещи, которые действительно нужны, а не те, которые случайно он увидел на рынке или у другого человека. Все это составляет тот отдел человеческой деятельности, который называется заботливостью» [2, с. 389].

Это значит, что заботливость, честность и организованность жизни воспитывает: «Не всякая заботливость хороша. Бывают люди, которые до краев наполнены заботой, которые за этой заботой забывают все остальное. Такая забота имеет характер страдания. Она не должна быть у советского хозяина. Заботливость нашего гражданина должна отличаться спокойствием, разумным расчетом надолго вперед, умением спокойно выбрать то, что нужно, и отвергнуть то, что не нужно. И самая главная черта советской заботливости: она не похожа на жадность» [2, с. 389].

В отличие от буржуазной жадности, которая разрушает все человеческие качества, советская заботливость проявляется не только в отношении к вещам, но и проецируется на отношения к людям и к общему будущему: «Надо, чтобы ребенок проявлял эту заботливость скорее по отношению к другим членам семьи, чем по отношению к себе, а в особенности, чтобы он проявлял заботливость по отношению к общим вещам семьи. В заботливости лежит важнейшее начало планирования, предвидения. Этим советская заботливость отличается от накопительской жадности буржуазной семьи» [2, с. 389].

Непомерная накопительская жадность буржуазной семьи в принципе невозможна при социализме: «Родители с раннего возраста должны приучать ребенка к такой плановости. Они должны время от времени обсуждать в семье различные назревшие потребности и намечать пути их удовлетворения. Если ребенок будет знать, что, допустим, такая вещь, как диван, приходит в ветхость, что требуется его ремонт или замена, если эта потребность для всех очевидна, ребенок уже и свои личные потребности будет заранее соотносить с этой общей потребностью и даже сам напоминать о ней родителям. Важно при этом воспитать у ребенка внимание к важным мелочам, к их взаимной зависимости. Бывает, что какая-нибудь ценная вещь только потому портится, что не хватает какого-нибудь пустяка для ее сохранения, на этот пустяк и должно быть обращено внимание хозяина» [2, с. 389–390].

Между тем в буржуазном обществе мы видим открытое провозглашение лозунга «Жадность – это хорошо». Российский олигарх владелец «Северстали» в публичном выступлении акцентировал внимание российского общества на жадности: «Алексей Мордашов: „Жадность – это очень хорошо, потому что это двигатель прогресса. Осмелюсь утверждать, что все сидящие в этом зале в той или иной степени жадные...“» [3]. Об этом он заявил в ходе делового завтрака Сбербанка на Петербургском международном экономическом форуме. Известно, что о жадности отечественного бизнеса заявил председатель правительства России М. Мишустин: выступая в Госдуме с отчетом о работе правительства, он заявил, что одной из причин роста цен на продукты стала «жадность отдельных производителей и торговых сетей» [4]. В нашем советском детстве позорнее клички «жадина» не было. Недаром отрицательный герой «мальчиш Плохиш» из сказки А. Гайдара «Сказка о Военной тайне, о Мальчише-

Кибальчише и его твёрдом слове» был жаден до целой бочки варенья и целой корзины печения.

Жадность возникает от того, что основным экономическим законом капитализма является получение прибыли. Один американский миллиардер заявил, что люди ошибаются, считая, что «Дженерал моторс» производит автомобили – на самом деле она производит прибыль [5]. Социалистическая экономика нацелена на удовлетворение растущих потребностей людей на основе снижения себестоимости производства и использования высокой техники. И технология возникновения нового способа производства такова: «Условием утверждения производственных отношений нового способа общественного производства является: применение меры труда в обменных процессах, распространение критерия оценок производительной деятельности на основе производительности труда на все звенья и уровни системы организации общественного хозяйства, независимо от вида и формы выпускаемой продукции» [6, с. 27].

При первом штурме старого общества ситуация была иная и потому возникали представления о достаточности экономики и человека начала прошлого столетия для победы социализма. Эта ситуация описывается представителями левых сил России следующим образом: «В оценках К. Маркса и Ф. Энгельса уровень развития производительных сил достигнутый в середине XIX века в Западной Европе представлялся достаточным для строительства нового общественного строя. Следовательно, с установлением политической власти в обществе рабочим классом появляется возможность непосредственного строительства социализма, устранение всех классов и ликвидации товарного характера производства. Что касается отечественных условий строительства нового общественного строя, то здесь необходимо иметь в виду сравнительно низкий уровень развития производительных сил, сложившийся к октябрю 1917 года. Кроме этого, необходимо учитывать состояние народного хозяйства, разрушенное империалистической, гражданской войнами и интервенцией. Понятно, что без восстановления экономики и обеспечения населения по крайней мере минимальными жизненными средствами, приступить к строительству нового общественного строя невозможно. Однако с выполнением первоочередных задач социалистической революции – установление политической

и экономической власти рабочим классом – и решением отдельных экономических проблем, в политэкономической основе общества происходят изменения принципиального характера. С ликвидацией частной собственности на средства производства возникают возможности для установления производственных отношений нового общественного строя» [6, с. 29].

Однако эта форма нового общества быстро и даже ускоренно исчерпала себя к концу столетия: «По мере выполнения и перевыполнения планов социалистического строительства в действительности воспроизводились отжившие производственные отношения и, вместе с этим, на старой политэкономической основе происходил рост производительных сил, которые по существу представляли собой рост производительных сил капиталистического способа производства. Миллионы советских людей оказались дезориентированными ложными целями производственной деятельности и лишёнными естественной цели труда. Общественное производство, сложившееся во второй половине XX века, можно представить как гигантскую машину с преобладающим выпуском бесполезных и ненужных вещей. И этот способ общественного производства к 90 годам исчерпал свои внутренние возможности развития и разрушился вследствие гипертрофии материальной основы, избыточной массы производительных мощностей и производственных ресурсов» [6, с. 30–31]. Такова была социальная трагедия нового общества, которое моментально устарело, но не в сравнении с капитализмом, а в сравнении с будущим коммунистическим состоянием всемирного общества. Это была общая трагедия сотен миллионов советских людей и граждан стран СЭВ.

Список использованной литературы

1. Осовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 525 с.
2. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1951. т. 4. – 538 с.
3. Батыров Т. «Это хорошо – хотеть большего»: миллиардер Мордашов выступил в защиту «жадности» бизнеса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/431359-eto-horosho-hotet-bolshego-milliarder-mordashov-vystupil-v-zashchitu>

ГЛАВА 1. РУССКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ

4. «Жадность отдельных производителей и торговых сетей»: Мишустин назвал причину роста цен на продукты в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.rt.com/igi7>

5. Целлюлоза вместо масла? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dairynews.today/news/tsellyuloza-vmesto-masla.ht>

6. К вопросу о партийном строительстве и тактике левого движения в современных условиях. Рекомендации межпартийного научного семинара при Московской областной организации КПРФ с участием аналитического центра Этического движения «„Родная Земля“». М.: ООО Сфера, 2005. – 169 с.

Глава 2. РОДИТЕЛЬСКИЙ АВТОРИТЕТ

2.1. РОДИТЕЛЬСКИЙ АВТОРИТЕТ НА ОСНОВЕ ГРАЖДАНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОСПИТАНИЕ

Новая педагогика А. С. Макаренко строилась на принципе общественно-исторической практики, когда воспитание вплетено в процесс практической жизни. При социализме жизнь человека становится единой — государственная и частная и в этой жизни происходит единый воспитательный процесс. Но в новом обществе иные родители надеются на хитрые рецепты воспитания и педагогические фокусы. Поскольку фокусы невозможны, следует обратиться к опыту реальной жизни, когда ключом к воспитанию выступает гражданский авторитет родителей. Возникает вопрос о родительском контроле за детьми — этот контроль должен носить не только личный, но и гражданский характер. А. С. Макаренко в результате разработки концепции семейного воспитания преодолевает педагогическую робинзонаду буржуазной педагогики.

Позиция советского педагога-новатора А. С. Макаренко была практически успешной и перспективной для социалистического общества прежде всего благодаря тому, что новая педагогика строилась на материалистическом понимании истории и принципе общественно-исторической практики. Воспитание здесь вплетено в процесс практической жизни.

В истории так уже было, и К. Маркс в своей ранней книге «Немецкая идеология» описывает эту ситуацию: «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь ещё непосредственным порождением материального отношения людей. То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого на-

рода. Люди являются производителями своих представлений, идей и т. д., – но речь идёт о действительных, действующих людях, обусловленных определённым развитием их производительных сил и – соответствующим этому развитию – общением, вплоть до его отдалёнейших форм. Сознание [das Bewusstsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewusste Sein], а бытие людей есть реальный процесс их жизни. Если во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обскуре, то и это явление точно так же проистекает из исторического процесса их жизни, – подобно тому как обратное изображение предметов на сетчатке глаза проистекает из непосредственно физического процесса их жизни» [1, с. 24–25].

В новом обществе, где сплетаются и сливаются прежде разделённые сферы деятельности, жизнь человека становится единой – государственная и частная, гражданская и личная. В этой жизни происходит единый воспитательный процесс и недаром говорили прежде, что жизнь научит и жизнь накажет: «Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома. Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеетесь, читаете газету, – все это имеет для ребенка большое значение. Малейшие изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями, вы их не замечаете. А если дома вы грубы или хвастливы, или пьянствуете, а еще хуже, если вы оскорбляете мать, вам уже не нужно думать о воспитании: вы уже воспитываете ваших детей и воспитываете плохо, и никакие самые лучшие советы и методы вам не помогут.

Родительское требование к себе, родительское уважение к своей семье, родительский контроль над каждым своим шагом – вот первый и самый главный метод воспитания!» [2, с. 347].

Но и в новом ранее небывалом обществе некоторые родители надеются исключительно на школу, педагогов и некие хитрые рецепты воспитания. И зря: «А между тем приходится иногда встречать таких родителей, которые считают, что нужно найти какой-то хитрейший рецепт воспитания детей, и дело будет сделано. По их мнению, если

этот рецепт дать в руки самому заядлому лежебоке, он при помощи рецепта воспитает трудолюбивого человека; если его дать мошеннику, рецепт поможет воспитать честного гражданина, в руках вряля он тоже сделает чудо, и ребенок вырастет правдивым. Таких чудес не бывает. Никакие рецепты не помогут, если в самой личности воспитателя есть большие недостатки. На эти недостатки и нужно обратить первое внимание» [2, с. 347–348].

Возникает общее настроение, что поскольку фокусы невозможны, следует обратиться к опыту реальной жизни: «А что касается фокусов, то нужно раз навсегда помнить, что педагогических фокусов просто не существует. К сожалению, иногда можно видеть таких людей, верящих в фокусы. Тот придумает особое наказание, другой вводит какие-нибудь премии, третий всеми силами старается паясничать дома и развлекать детей, четвертый подкупает обещаниями. Воспитание детей требует самого серьезного тона, самого простого и искреннего. В этих трех качествах должна заключаться предельная правда вашей жизни. Самое незначительное прибавление лживости, искусственности, зубоскальства, легкомыслия делает воспитательную работу обреченной на неудачу. Это вовсе не значит, что вы должны быть всегда надуты, напыщены, – будьте просто искренни, пусть ваше настроение соответствует моменту и сущности происходящего в вашей семье. Фокусы мешают людям видеть настоящие задачи, стоящие перед ними, фокусы в первую очередь забавляют самих родителей, фокусы отнимают время. А многие родители так любят жаловаться на недостаток времени! Конечно, лучше, если родители чаще бывают с детьми, очень нехорошо, если родители никогда их не видят. Но все же необходимо сказать, что правильное воспитание вовсе не требует, чтобы родители не спускали с детей глаз. Такое воспитание может принести только вред. Оно развивает пассивность характера, такие дети слишком привыкают к обществу взрослых, и духовный рост их идет слишком быстро. Родители любят этим похвастаться, но потом убеждаются, что допустили ошибку» [2, с. 348].

Но что возможно вместо фокуса и обыденной жизни? Какова основная форма воспитательной работы? Это авторитет, родительский авторитет: «В чем же должен состоять настоящий родительский авторитет в советской семье? Главным основанием родительского авторитета только и может быть жизнь и работа родителей, их гражданское лицо,

их поведение. Семья есть большое и ответственное дело, родители руководят этим делом и отвечают за него перед обществом, перед своим счастьем и перед жизнью детей. Если родители это дело делают честно, разумно, если перед ними поставлены значительные и прекрасные цели, если они сами всегда дают себе полный отчет в своих действиях и поступках, это значит, что у них есть и родительский авторитет и не нужно искать никаких иных оснований и тем более не нужно придумывать ничего искусственного. Как только дети начинают подрастать, они всегда интересуются, где работает отец или мать, каково их общественное положение. Как можно раньше они должны узнать, чем живут, чем интересуются, с кем рядом стоят их родители.

Дело отца или матери должно выступать перед ребенком как серьезное, заслуживающее уважения дело. Заслуги родителей в глазах детей должны быть прежде всего заслугами перед обществом, действительной ценностью, а не только внешностью. Очень важно, если эти заслуги дети видят не изолированно, а на фоне достижений нашей страны. Не чванство, а хорошая советская гордость должна быть у детей, но в то же время необходимо, чтобы дети гордились не только своим отцом или матерью, чтобы они знали имена великих и знатных людей нашего отечества, чтобы отец или мать в их представлении выступали как участники этого большого ряда деятелей. При этом нужно всегда помнить, что в каждой человеческой деятельности есть свои напряжения и свое достоинство» [2, с. 358].

Поскольку ключом к воспитанию выступает гражданский авторитет родителей, но этот авторитет следует поддерживать в социалистических производственных трудовых коллективах: «Ни в коем случае родители не должны представляться детям как рекордсмены в своей области, как ни с чем не сравнимые гении. Дети должны видеть и заслуги других людей, и обязательно заслуги ближайших товарищей отца и матери. Гражданский авторитет родителей только тогда станет на настоящую высоту, если это – не авторитет выскочки или хвастуна, а авторитет члена коллектива. Если вам удастся воспитать своего сына так, что он будет гордиться целым заводом, на котором отец работает, если его будут радовать успехи этого завода, – значит, вы воспитали его правильно. Но родители должны выступать не только как деятели ограниченного фронта своего коллектива. Наша жизнь есть жизнь социалистического общества.

Перед своими детьми отец и мать должны выступать как участники этой жизни. События международной жизни, достижения литературы – все должно отражаться в мыслях отца, в его чувствах, в его стремлениях. Только такие родители, живущие полной жизнью, – граждане нашей страны, будут иметь у детей настоящий авторитет. При этом не думайте, пожалуйста, что такой жизнью вы должны жить «нарочно», чтобы дети видели, чтобы поразить их вашими качествами. Это – порочная установка. Вы должны искренне, на самом деле жить такой жизнью, вы не должны стараться особо демонстрировать ее перед детьми. Будьте покойны, они сами все увидят, что нужно» [2, с. 358].

Возникает вопрос о родительском контроле за детьми. Этот контроль может и должен носить не только личный, но и гражданский характер: «Но вы – не только гражданин. Вы – еще и отец. И родительское ваше дело вы должны выполнять как можно лучше, и в этом заключаются корни вашего авторитета. И прежде всего вы должны знать, чем живет, интересуется, что любит, чего не любит, чего хочет и чего не хочет ваш ребенок. Вы должны знать, с кем он дружит, с кем играет и во что играет, что читает, как воспринимает прочитанное. Когда он учится в школе, вам должно быть известно, как он относится к школе и к учителям, какие у него затруднения, как он ведет себя в классе. Это все вы должны знать всегда, с самых малых лет вашего ребенка. Вы не должны неожиданно узнавать о разных неприятностях и конфликтах, вы должны их предугадывать и предупреждать. Все это нужно знать, но это вовсе не значит, что вы можете преследовать вашего сына постоянными и надоедливymi расспросами, дешевым и назойливым шпионством. С самого начала вы должны так поставить дело, чтобы дети сами вам рассказывали о своих делах, чтобы им хотелось вам рассказать, чтобы они были заинтересованы в вашем знании» [2, с. 358].

Советская семья не является изолированной парцеллой – при социализме семья входит в содружество семейных общин села и города: «Иногда вы должны пригласить к себе товарищей сына, даже угостить их чем-нибудь, иногда вы сами должны побывать в той семье, где есть эти товарищи, вы должны при первой возможности познакомиться с этой семьей. Для всего этого не требуется много времени, для этого нужно только внимание к детям и к их жизни. И если у вас будет такое

знание и такое внимание, это не пройдет незамеченным для ваших детей. Дети любят такое знание и уважают родителей за это. Авторитет знания необходимо приведет и к авторитету помощи. В жизни каждого ребенка бывает много случаев, когда он не знает, как нужно поступить, когда он нуждается в совете и в помощи. Может быть, он не попросит вас о помощи, потому что не умеет этого сделать, вы сами должны прийти с помощью. Часто эта помощь может быть оказана в прямом совете, иногда в шутке, иногда в распоряжении, иногда даже в приказе. Если вы знаете жизнь вашего ребенка, вы сами увидите, как поступить наилучшим образом. Часто бывает, что эту помощь нужно оказать особым способом» [2, с. 358–359].

Далее ставится вопрос о родительской помощи, которая не может быть сведена к назойливому патронажу: «Нужно бывает либо принять участие в детской игре, либо познакомиться с товарищами детей, либо побывать, в школе и поговорить с учителем. Если в вашей семье несколько детей, а это – самый счастливый случай, к делу такой помощи могут быть привлечены старшие братья и сестры. Родительская помощь не должна быть навязчива, надоедлива, утомительна. В некоторых случаях совершенно необходимо предоставить ребенку самому выбраться из затруднения, нужно, чтобы он привыкал преодолевать препятствия и разрешать более сложные вопросы. Но нужно всегда видеть, как ребенок совершает эту операцию, нельзя допускать, чтобы он запутался и пришел в отчаяние. Иногда даже нужно, чтобы ребенок видел вашу настороженность, внимание и доверие к его силам. Авторитет помощи, осторожного и внимательного руководства счастливо дополнится авторитетом знания. Ребенок будет чувствовать ваше присутствие рядом с ним, вашу разумную заботу о нем, вашу страховку, но в то же время он будет знать, что вы от него кое-что требуете, что вы и не собираетесь все делать за него, снять с него ответственность. Вот именно линия ответственности является следующей важной линией родительского авторитета» [2, с. 359].

А. С. Макаренко в результате разработки концепции семейного воспитания преодолевает педагогическую робинзонаду буржуазной педагогики: «Ни в каком случае ребенок не должен думать, что ваше руководство семьей и им самим есть ваше удовольствие или развлечение. Он должен знать, что вы отвечаете не только за себя, но и за него перед советским обществом. Не нужно бояться открыто

и твердо сказать сыну или дочери, что они воспитываются, что им нужно еще многому учиться, что они должны вырасти хорошими гражданами и хорошими людьми, что родители отвечают за достижение этой цели, что они не боятся этой ответственности. В этой линии ответственности лежат начала не только помощи, но и требования. В некоторых случаях это требование должно быть выражено в самой суровой форме, не допускающей возражений. Между прочим, нужно сказать, что такое требование только и может быть сделано с пользой, если авторитет ответственности уже создан в представлении ребенка. Даже в самом малом возрасте он должен чувствовать, что его родители не живут вместе с ним на необитаемом острове» [2, с. 359–360].

Автор заключает: «Авторитет необходим в семье. Надо отличать настоящий авторитет от авторитета ложного, основанного на искусственных принципах и стремящегося создать послушание любыми средствами. Действительный авторитет основывается на вашей гражданской деятельности, на вашем гражданском чувстве, на вашем знании жизни ребенка, на вашей помощи ему и на вашей ответственности за его воспитание» [2, с. 360].

Современный российский исследователь Д. В. Димке через столетие обращается к опыту и позициям А. С. Макаренко: «Несмотря на то что романтическая концепция детства решительно отвергалась как революционной, так и советской культурой 1930–1940-х годов, дети занимали в проекте нового общества совершенно особое место. Это было связано с тем, что дети, в отличие от взрослых, не были „испорчены“ социализацией в старом мире. Ценность ребенка была связана с тем, что он представлял собой наиболее подходящий материал для создания нового человека. Так, А. Макаренко в „Педагогической поэме“ гневно полемизировал с романтической концепцией детства, вернее, со свойственным ей представлением об изначальном совершенстве природы ребенка и вытекающей из нее концепцией воспитания, сущность которой состояла в невмешательстве в естественный процесс взросления...» [3, с. 49–50]. Автор не сторонник А. С. Макаренко и в первой главе «Ребенок-ангел vs ребенок-герой: некоторые замечания к антропологии педагогики» демонстрирует идеологические позиции магистра антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, научного сотрудника центра «Res Publica» Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Список использованной литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., М.: ГИПЛ. 1955. т. 2. – 651 с.
2. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1951. т. 4. – 538 с.
3. Димке Д. В. Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов. М.: Common place, 2018. – 264 с.

2.2. ВОПРОС О СТРУКТУРЕ НОВОЙ СЕМЬИ И РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ УСПЕШНОГО ВОСПИТАНИЯ: КОНЦЕПЦИЯ А. С. МАКАРЕНКО

Семья и воспитание в старом обществе были спонтанными процессами, основанными на неравенстве мужчин и женщин, на зависимости детей от отца. Классики марксизма писали о кризисе всей старой семьи перед лицом будущей революции и обращали внимание на разрушение не только семей буржуа, но в первую очередь семей трудящихся. А. С. Макаренко писал о положении и правах женщины в новом социалистическом общества — речь шла о нашей семье, нашей женщине и наших детях. При революционном разрешении социальных противоречий на первый план выходят противоречия субъективные, связанные с проблемами психологии людей и методики воспитания. Речь идет об изменении структуры семьи и внесении в нее целей воспитания. Только в социалистической семье, где есть несколько детей, родительская забота может иметь нормальный характер, поскольку она равномерно распределяется между всеми.

Создание социалистического общества впервые в истории носило сознательный и целенаправленный характер. Старое капиталистическое общество складывалось спонтанно – в хаосе буржуазной революции, приводившей сформировавшуюся рыночную экономику в соответствие с новой буржуазной надстройкой. Семья и воспитание в старом обществе были спонтанными процессами, основанными на неравенстве мужчин и женщин, на зависимости детей от отца и его воли и капитала. В «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс в 1848 г. писали в полемике с буржуа и иными противниками коммунистической идеи: «На чем основана современная, буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии; но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в публичной проституции. Буржуазная семья естественно отпадает вместе с отпадением этого ее дополнения, и обе вместе исчезнут с исчезновением капитала.

Или вы упрекаете нас в том, что мы хотим прекратить эксплуатацию детей их родителями? Мы сознаемся в этом преступлении. Но вы утверждаете, что, заменяя домашнее воспитание общественным, мы хотим уничтожить самые дорогие для человека отношения.

А разве ваше воспитание не определяется обществом? Разве оно не определяется общественными отношениями, в которых вы воспитываете, не определяется прямым или косвенным вмешательством общества через школу и т. д.? Коммунисты не выдумывают влияния общества на воспитание; они лишь изменяют характер воспитания, вырывают его из-под влияния господствующего класса.

Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата благодаря развитию крупной промышленности, чем более дети превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты» [1, с. 443–444].

Классики марксизма писали о кризисе всей старой семьи перед лицом будущей пролетарской революции: «Буржуа смотрит на свою жену как на простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства предполагается предоставить в общее пользование, и, конечно, не может отрешиться от мысли, что и женщин постигнет та же участь.

Он даже и не подозревает, что речь идет как раз об устранении такого положения женщины, когда она является простым орудием производства. Впрочем, нет ничего смешнее высокоморального ужаса наших буржуа по поводу мнимой официальной общности жен у коммунистов. Коммунистам нет надобности вводить общность жен, она существовала почти всегда.

Наши буржуа, не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери их рабочих, не говоря уже об официальной проституции, видят особое наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга. Буржуазный брак является в действительности общностью жен» [1, с. 444]. Авторы Манифеста делают вывод, что «с уничтожением нынешних производственных отношений исчезнет и вытекающая из них общность жен, т. е. официальная и неофициальная проституция» [1, с. 444].

Классики марксизма обращают внимание на разрушение не только семей буржуа, но в первую очередь семей трудящихся. Именно описал Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии». Еще до знакомства с К. Марксом он писал в этой книге-исследовании: «социальный порядок делает семейную жизнь рабочего почти невоз-

мужской. В неопрятном, грязном жилище, едва пригодном даже для ночлега, плохо обставленном, часто не защищённом от дождя и не отапливаемом, плохо проветриваемом и перенаселённом, нет места домашнему уюту. Муж работает целый день, жена и старшие дети нередко тоже, все в различных местах, они встречаются только утром и вечером, и к тому же это постоянное искушение выпить, – какая может быть при таких условиях семейная жизнь? Тем не менее, рабочему некуда уйти от семьи, он должен с ней оставаться, отсюда постоянные семейные раздоры и споры, действующие самым деморализующим образом не только на самих супругов, но в особенности на их детей. Пренебрежение всеми семейными обязанностями – в первую очередь обязанностями по отношению к детям – слишком частое явление среди английских рабочих и обусловливается главным образом современным строем общества. И ещё хотят, чтобы дети, вырастающие без присмотра в деморализующей среде, к которой часто принадлежат сами родители, были впоследствии высоконравственными людьми! Поистине слишком наивные требования ставит рабочим самодовольный буржуа!» [2, с. 361].

Советский педагог А. С. Макаренко почти через столетие после классиков марксизма описывал различие между старой семьей капитализма и новой социалистической семьей: «В старом обществе каждая семья принадлежала к какому-нибудь классу, и дети этой семьи обыкновенно оставались в том же классе. Сын крестьянина и сам обыкновенно крестьянствовал, сын рабочего тоже становился рабочим. Для наших детей предоставлены очень широкие просторы выбора. В этом выборе решающую роль играют не материальные возможности семьи, а исключительно способности и подготовка ребенка. Наши дети, стало быть, пользуются совершенно несравненным простором. Об этом знают и отцы, об этом знают и дети. При таких условиях становится просто невозможным никакое отцовское усмотрение. Для родителей теперь нужно рекомендовать гораздо более тонкое, осторожное и умелое руководство. Семья перестала быть отцовской семьей» [3, с. 344].

Речь идет о нашей семье, нашей женщине и наших детях! А. С. Макаренко с восторгом пишет о положении и правах нашей женщины: «Наша женщина пользуется такими же правами, как и мужчина, наша мать имеет права, равные правам отца. Наша семья подчиняется

не отцовскому единовластию, а представляет собою советский коллектив. В этом коллективе родители обладают известными правами. Откуда берутся эти права? В старое время считалось, что отцовская власть имеет небесное происхождение: так угодно богу, о почитании родителей существовала особая заповедь. В школах батюшки толковали об этом, рассказывали детям, как бог жестоко наказывал детей за неуважение к родителям. В советском государстве мы детей не обманываем. Наши родители, однако, тоже отвечают за свою семью перед всем советским обществом и советским законом. Поэтому и наши родители имеют большую власть и должны иметь авторитет в своей семье. Хотя каждая семья составляет коллектив равноправных членов общества, все же родители и дети отличаются тем, что первые руководят семьей, а вторые воспитываются в семье. Обо всем этом каждый родитель должен иметь совершенно ясное представление. Каждый должен понимать, что в семье он – не полный, бесконтрольный хозяин, а только старший ответственный член коллектива. Если эта мысль хорошо будет понята, то правильно пойдет и вся воспитательная работа. Мы знаем, что эта работа не у всех одинаково успешно протекает. Это зависит от многих причин и прежде всего зависит от применения правильных методов воспитания» [3, с. 344–345].

Это значит, что при революционном разрешении объективных социальных противоречий на первый план выходят противоречия субъективные, связанные с проблемами психологии людей и методики воспитания. Речь идет о изменении структуры семьи и внесении в нее целей воспитания: «Но очень важной причиной является и самое устройство семьи, ее структура. В известной мере эта структура находится в нашей власти. Можно, например, решительно утверждать, что воспитание единственного сына или единственной дочери гораздо более трудное дело, чем воспитание нескольких детей. Даже в том случае, если семья испытывает некоторые материальные затруднения, нельзя ограничиваться одним ребенком. Единственный ребенок очень скоро становится центром семьи.

Заботы отца и матери, сосредоточенные на этом ребенке, обыкновенно превышают полезную норму. Любовь родительская в таком случае отличается известной нервозностью. Болезнь этого ребенка или его смерть переносится такой семьей очень тяжело, и страх такого несчастья всегда стоит перед родителями и лишает их необходимого

спокойствия. Очень часто единственный ребенок привыкает к своему исключительному положению и становится настоящим деспотом в семье. Для родителей очень трудно бывает затормозить свою любовь к нему и свои заботы, и волей-неволей они воспитывают эгоиста. Только в семье, где есть несколько детей, родительская забота может иметь нормальный характер. Она равномерно распределяется между всеми» [3, с. 345].

Список использованной литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., М.: ГИПЛ, 1955. т. 4. – 615 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., М.: ГИПЛ, 1955. т. 2. – 651 с.
3. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1951. т. 4. – 538 с.

2.3. НАРУШЕНИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА КАК НЕАНТАГОНИСТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ СОЦИАЛИЗМА

В семье социалистического общества начинают разрешаться извечные проблемы семейной жизни, в частности воспитание в многодетной и однодетной семье. Советский педагог А. С. Макаренко легко ставит эти вопросы, однако предупреждает о субъективных сложностях, которые возникают у общества и родителей при их решении. Эти сложности возможны как неантагонистические противоречия социалистического общества, они не разрушают общество нового типа, но тормозят его развитие. Основной проблемой, которая может затормозить прогрессивное развитие общества — это отсутствие идеологии воспитания, то есть непонимание цели воспитания или отказ от ее постановки. Возможны двоемыслие и двойной стандарт воспитателей и родителей, который оказался опасен для социализма, когда на работе они чувствуют себя гражданами, а дома превращаются в обывателей. А. С. Макаренко пришел к выводу, что собственное поведение воспитателей и родителей — самая решающая вещь. Это означает, что он педагог-материалист, а не идеалист и сторонник воспитательных бесед.

При установлении справедливых социальных отношений в новой семье нового социалистического общества достаточно легко начинают разрешаться извечные проблемы семейной жизни, в частности воспитание в многодетной и однодетной семье.

Советский педагог А. С. Макаренко ставит эти вопросы, однако предупреждает о субъективных сложностях, которые возникают у общества и родителей при их решении: «В большой семье ребенок привыкает с самых малых лет к коллективу, приобретает опыт взаимной связи. Если в семье есть старшие и младшие дети, между ними устанавливается опыт любви и дружбы в самых разнообразных формах. Жизнь такой семьи предоставляет ребенку возможность упражняться в различных видах человеческих отношений. Перед ними проходят такие жизненные задачи, которые единственному ребенку недоступны: любовь к старшему брату и любовь к младшему брату — это совершенно различные чувства, умение поделиться с братом или сестрой, привычка посочувствовать им. Мы уже не говорим, что в большой семье на каждом шагу, даже в игре, ребенок привыкает быть в коллективе. Все это очень важно именно для советского воспи-

тания. В буржуазной семье этот вопрос не имеет такого значения, так как там все общество построено на эгоистическом принципе. Бывают и другие случаи неполной семьи» [1, с. 344–345].

Примеры такого рода возникают и в социалистическом обществе, где родители могут разводиться, а мужчины могут содержать вторую тайную семью или любовницу. И. Ильф и Е. Петров в «Золотом теленке» между делом описывают вскрытие такого феномена у Берлага: «Я могу быть спокойным? У меня жена, дети и ещё женщина в Ростове-на-Дону. Я ничего не утаил. Я сказал всю правду. Я могу быть спокоен?» [2]. А уже в «Бриллиантовой руке» в период зрелого социализма мы встречаем фразу: «И Вы знаете, я не удивлюсь, если завтра выяснится, что Ваш муж тайно посещает любовницу!» [3].

А. С. Макаренко описывает именно эти случаи, которые возможны как неантагонистические противоречия социалистического общества. Эти противоречия еще не разрушают общество нового типа, но тормозят его развитие: «Очень болезненно отражается на воспитании ребенка, если родители не живут вместе, если они разошлись. Часто дети становятся предметом распри между родителями, которые открыто ненавидят друг друга и не скрывают этого от детей. Необходимо рекомендовать тем родителям, которые почему-либо оставляют один другого, чтобы в своей ссоре, в своем расхождении они больше думали о детях. Какие угодно несогласия можно разрешить более деликатно. Можно скрыть от детей и свою неприязнь и свою ненависть к бывшему супругу. Трудно, разумеется, мужу, оставившему семью, как-нибудь продолжать воспитание детей. И если он уже не может благотворно влиять на свою старую семью, то уж лучше постараться, чтобы она совсем его забыла, это будет более честно. Хотя, разумеется, свои материальные обязательства по отношению к покинутым детям он должен нести по-прежнему.

Вопрос о структуре семьи – вопрос очень важный, и к нему нужно относиться вполне сознательно. Если родители по-настоящему любят своих детей и хотят их воспитать как можно лучше, они будут стараться и свои взаимные несогласия не доводить до разрыва и тем не ставить детей в самое трудное положение» [1, с. 345].

Другой проблемой, которая может затормозить прогрессивное развитие общества – это отсутствие идеологии воспитания, то есть непонимание цели воспитания или отказ от ее постановки: «Следующий вопрос, на который можно обратить самое серьезное вни-

вание, – это вопрос о цели воспитания. В некоторых семьях можно наблюдать полное бездумье в этом вопросе: просто живут рядом родители и дети, и родители надеются на то, что все само собой получится. У родителей нет ни ясной цели, ни определенной программы. Конечно, в таком случае и результаты будут всегда случайны, и часто такие родители потом удивляются, почему это у них выросли плохие дети. Никакое дело нельзя хорошо сделать, если не известно, чего хотят достигнуть» [1, с. 345–346].

Закономерна постановка вопроса об отчетливости понимания отцом и матерью стоящих перед ними социальных задач. Больших глобальных задач. Автором отмечается: «Каждый отец и каждая мать должны хорошо знать, что они хотят воспитать в своем ребенке. Надо отдавать себе ясный отчет относительно своих собственных родительских желаний. Хотите ли вы воспитать настоящего гражданина советской страны, человека знающего, энергичного, честного, преданного своему народу, делу революции, трудолюбивого, бодрого и вежливого? Или вы хотите, чтобы из вашего ребенка вышел мещанин, жадный, трусливый, какой-нибудь хитренький и мелкий делец?» [1, с. 346].

Автор поднимается до уровня и высоты гражданского обличения мещанства: «Дайте себе труд, подумайте хорошо над этим, вопросом, подумайте хотя бы втайне, и вы сразу увидите и много сделанных вами ошибок и много правильных путей впереди. И при этом всегда вы должны помнить: вы родили и воспитываете сына или дочь не только для вашей родительской радости. В вашей семье и под вашим руководством растет будущий гражданин, будущий деятель и будущий борец. Если вы напутаете, воспитаете плохого человека, горе от этого будет не только вам, но и многим людям и всей стране. Не отмахивайтесь от этого вопроса, не считайте его надоедливym резонерством. Ведь на вашем заводе, в вашем учреждении вы стыдитесь выпускать брак вместо хорошей продукции. Еще более стыдно должно быть для вас давать обществу плохих или вредных людей. Этот вопрос имеет очень важное значение. Стоит только вам серьезно над ним задуматься, и многие беседы о воспитании станут для вас лишними – вы и сами увидите, что вам нужно делать.

А как раз многие родители не думают над таким вопросом. Они любят своих детей, они наслаждаются их обществом, они даже хвастаются ими, наряжают их и совершенно забывают о том, что на их моральной ответственности лежит рост будущего гражданина. Может ли задуматься над всем этим такой отец, который сам является

плохим гражданином, который совершенно не интересуется ни жизнью страны, ни ее борьбой, ни ее успехами, которого не тревожат вражеские вылазки? Конечно, не может. Но о таких людях и говорить не стоит, их немного в нашей стране» [1, с. 346].

Однако, возможны двоемыслие и двурушничество. Возможен двойной стандарт, который оказался опасен для социализма. Он породил инспирированное извне диссидентское движение, в конечном счете, погубившее социализма в СССР. Люди на работе граждане, а дома становятся обывателями, филистерами, мещанами: «Но есть иные люди. Они на работе и среди людей чувствуют себя гражданами, а домашние дела проходят независимо от этого: дома они или просто помалкивают, или, напротив, ведут себя так, как не должен вести себя советский гражданин. Раньше, чем вы начнете воспитывать своих детей, проверьте ваше собственное поведение. Нельзя отделить семейные дела от дел общественных. Ваша активность в обществе или на работе должна иметь отражение и в семье, семья ваша должна видеть ваше политическое и гражданское лицо и не отделять его от лица родителя.

Все, что совершается в стране, через вашу душу и вашу мысль должно приходиться к детям. То, что совершается на вашем заводе, что радует или печалит вас, должно интересоваться и ваших детей. Они должны знать, что вы – общественный деятель, и гордиться вами, вашими успехами, вашими заслугами перед обществом. И только в том случае эта гордость будет здоровой гордостью, если ее общественная сущность детям понятна, если они не гордятся просто вашим хорошим костюмом, вашим автомобилем или охотничьим ружьем. Ваше собственное поведение – самая решающая вещь» [1, с. 346–347].

Последняя фраза означает, что советский педагог стоит на позициях общественной практики и что он исторический материалист, а не идеалист и сторонник пустых воспитательных душеспасительных бесед.

Список использованной литературы

1. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1951. т. 4. – 538 с.
2. Тексты фильмов: Золотой телёнок (1968) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://цитаты-из-фильмов.рф/phrases/316/9/>
3. Бриллиантовая рука. Тексты фильмов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cinematext.ru/movie/brilliantovaja-ruka-1968/?page=9>

2.4. НЕПРАВИЛЬНЫЙ И ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТИ ВОСПИТАНИЯ КОЛЛЕКТИВИЗМА В СЕМЬЕ: СОВЕТЫ А. С. МАКАРЕНКО

Воспитание коллективизма для советской педагогики имело приоритет, поскольку педагогика обслуживала общество подлинного коллективизма, который предполагает личные доверительные отношения людей друг с другом. Мнимый коллективизм К. Маркс называл «вынужденным». А. С. Макаренко предупреждает от неправильного пути в воспитании как вредного и опасного для общества и человека — только воспитание коллективиста может быть правильным воспитанием в советском обществе. Для этого рекомендуется, чтобы как можно раньше ребенок узнал, где работают отец и мать, и в чем состоит эта работа. Важно, чтобы ребенок должен познакомился с семейным бюджетом и знал заработок отца или матери. Если семья находится в хороших материальных условиях, нельзя допускать, чтобы ребенок гордился этими условиями и хвастал ими. Он должен понять, что в семейном богатстве нет никаких оснований для чванства. Итоговая рекомендация требует больше оптимизма от родителей, что возможно и естественно только в социалистическом обществе.

Воспитание коллективизма для советской педагогики всегда имело приоритет во всей образовательной и воспитательной работе. Это связано с тем, что эта педагогика была призвана обслуживать общество нового типа, которое обладало признаками подлинного коллективизма. Мнимый коллективизм К. Маркс называл «вынужденным». Это коллективизм первобытной общины, коллективизм рабов даже в армии Спартака, феодальных крестьян, наемных рабочих. Даже солидарность рабочих как солидарность их интересов, провозглашенных в знаменитом лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», еще не полностью подлинная, поскольку рабочие конкурируют между собой на рынке труда подобно солидарности капиталистов, которые сплочены против рабочих, и конкурируют между собой.

Подлинный коллективизм — в отличие от мнимого «коллективизма интересов» — предполагает личные доверительные отношения людей друг с другом. В «Экономико-философских рукописях 1844 года» в главе «Потребности, производство и разделение труда» К. Маркс пишет: «Когда между собой объединяются коммунистические рабочие, то целью для них является прежде всего учение, пропаганда и т. д.

Но в то же время у них возникает благодаря этому новая потребность, потребность в общении, и то, что выступает как средство, становится целью. К каким блестящим результатам приводит это практическое движение, можно видеть, наблюдая собрания французских социалистических рабочих. Курение, питье, еда и т. д. не служат уже там средствами соединения людей, не служат уже связующими средствами. Для них достаточно общения, объединения в союз, беседы, имеющей своей целью опять-таки общение; человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с их загорелых от труда лиц на нас сияет человеческое благородство» [1, с. 325].

Получается, что в высшей форме коллективизма людей соединяет не прагматический интерес, а братство и потребность в общении становятся самодостаточными ценностями, и из средства достижения целей становятся целью сами по себе. Заметим, что братство предполагает общность имущества и в этом смысле оно выше равенства и свободы.

Именно такой поворот в марксистской педагогике развил А. С. Макаренко: «Многие родители думают, что воспитательная работа происходит только во время бесед и разговоров с детьми, во время руководства их игрой или их отношением, детей к людям. Во всех этих областях действительно много можно сделать педагогически полезного, но эта польза будет незначительна, если ребенок не воспитывается и в хозяйственной области. Ведь из вашего ребенка должен вырасти не только хороший, честный человек, но и хороший, честный советский хозяин. Семейное хозяйство представляет собой очень удобное поле для воспитания многих очень важных особенностей характера будущего гражданина хозяина... При помощи правильного руководства в области семейного хозяйства воспитываются: коллективизм, честность, заботливость, бережливость, ответственность, способность ориентировки, оперативная способность» [2, с. 385].

Главное для социализма и прогресса общества – это коллективизм. Коллективизм и есть коммунизм, а при социализме коллективизм прорастает в семейных отношениях, в бригадах коммунистического труда, в ленинских коммунистических субботниках: «В простейшем определении коллективизм означает солидарность человека с обществом. Противоположностью коллективизма является индивидуализм. В некоторых семьях по причине плохого внимания родителей

к этим вопросам воспитываются такие индивидуалисты. Если ребенок до самого юношества не знает, откуда берутся средства семьи, если он привыкает только удовлетворять свои потребности, а не замечает потребностей других членов семьи, если он не связывает свою семью со всем советским обществом, если он растет жадным потребителем, – это и есть воспитание индивидуалиста, который потом может принести много вреда и всему обществу и самому себе. Некоторые матери и отцы незаметно для себя воспитывают таких индивидуалистов. Часто они заботятся только о том, чтобы у ребенка все было, чтобы он был хорошо накормлен, хорошо одет, снабжен игрушками и удовольствиями. Все это они делают по безграничной своей доброте и любви, отказывают себе во многом, даже в самом необходимом, а ребенок даже не знает об этом и постепенно привыкает думать, что он лучше всех, что его желание для родителей закон. В такой семье дети часто ничего не знают о работе отца или матери, не знают, насколько она трудна и насколько она важна и полезна для общества. Тем более они ничего не знают о работе других людей. Они знают только свои желания и их удовлетворение» [2, с. 385–386].

А. С. Макаренко предупреждает от неправильного пути в воспитании как вредного и опасного для общества и человека: «Это очень неправильный и вредный путь воспитания, и больше всего и скорее всего от этой неправильности будут страдать родители. Только воспитание коллективиста может быть правильным воспитанием в нашей стране, и родители должны регулярно проводить это воспитание» [2, с. 386].

Педагог-новатор дает три архиважные рекомендации современникам: «Для этого мы рекомендуем следующее: 1. Как можно раньше ребенок должен узнать, где работает отец и мать, в чем состоит эта работа, насколько она трудна, какие в ней напряжения, какие достижения. Он должен знать, что производит его отец или мать, какое значение это производство имеет для всего общества. При первом случае родители должны познакомить ребенка с некоторыми коллегами и сотрудниками по работе, рассказать о значении их работы. Если даже отец или мать неодобрительно думают о каком-либо человеке, не нужно надоедать ребенку младшего возраста такими неодобрительными отзывами. Вообще как можно раньше ребенок должен хорошо понять, что те деньги, которые родители приносят домой, со-

ставляют не только удобную вещь, которую можно истратить, но и составляют заработок на основе большого и полезного общественного труда. Родители всегда должны найти время и простые слова, чтобы рассказать ребенку обо всем этом. Когда ребенок подрастет, нужно в таких же простых словах рассказать ему побольше о других подобных же предприятиях по всему Союзу, об их работе и достижениях. Если есть возможность, нужно ребятам показать самый завод, объяснить производственный процесс. Если мать не работает в учреждении, на производстве, а работает дома по хозяйству, ребенок должен и эту работу знать, относиться к ней с уважением и понимать, что эта работа требует усилий и напряжения» [2, с. 386–387].

Актуальны и последующие два совета педагога: «2. Как можно раньше ребенок должен познакомиться с семейным бюджетом. Он должен знать заработок отца или матери. От него не нужно скрывать финансовый семейный план, а, напротив, постепенно привлекать его к обсуждению семейных финансовых наметок. Он должен знать, в чем нуждается отец или мать, насколько эта нужда велика и неотложна, и должен научиться отказываться от удовлетворения некоторых своих потребностей, чтобы лучше удовлетворить потребности других членов семьи. В особенности он должен привлекаться к обсуждению таких вопросов, которые касаются общих семейных потребностей: приобретения посуды, мебели, радио, книг, газет и т. п.

3. Если семья находится в очень хороших материальных условиях, нельзя допускать, чтобы ребенок гордился этими условиями перед другими семьями, чтобы он привыкал хвастать своим костюмом, своей квартирой. Он должен понять, что в семейном богатстве нет никаких оснований для чванства. В такой семье, где есть несколько избыточный достаток, меньше всего нужно удовлетворять дополнительные потребности самого ребенка, а лучше расходовать деньги на удовлетворение общих семейных потребностей, лучше купить книги, чем лишний костюм. Но если семья по разным причинам с трудом удовлетворяет свои потребности, нужно добиваться, чтобы ребенок не завидовал другим семьям и не хотел перейти в них. Ребенок должен знать, что в настойчивой борьбе за улучшение жизни больше гордости, чем в лишней копейке. Именно в такой семье нужно воспитывать терпение, стремление к лучшему будущему, осуществлению в нашей стране, взаимную уступчивость и веселую готовность

поделиться с товарищем» [2, с. 387]. А. С. Макаренко не застал советскую золотую молодежь эпохи застоя, он не видел стилиг и тем более мажоров. Но он предвидел их появление в СССР и в современном обществе. А кого сегодня называют мажорами? «В современном обществе мажорами называют детей богатых либо высокопоставленных родителей. Этот жаргонизм носит негативный, неодобрительный, а подчас и оскорбительный характер» [3].

Заключительная рекомендация требует больше оптимизма от родителей, что возможно и естественно только в социалистическом обществе: «Родители никогда не должны ныть и жаловаться в присутствии ребенка, должны по возможности быть бодрыми и веселыми и всегда надеяться на лучшее, стремясь к нему в улучшении семейного хозяйства и повышении своего заработка. Каждое действительное улучшение в такой семье должно быть обязательно отмечено и подчеркнуто» [2, с. 387–388]. В новом столетии Западная цивилизация демонстрирует тотальный распад семейной ткани жизни.

Список использованной литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: ГИПЛ, 1956. – 689 с.
2. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1951. т. 4. – 538 с.
3. Кто такой мажор и чем он отличается от обычного человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kopirublik.ru/kto-takoj-mazhor/>

2.5. НЕДОСТАТКИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДИЯ ПЕДАГОГИКИ А. С. МАКАРЕНКО

Н. К. Крупская объясняла исключительное значение кино тем, что есть два типа мышления: отвлеченное (абстрактное) и образное (конкретное), а рабочие и крестьяне, имеющие дело с вещами, обладают конкретным мышлением. Поскольку знания берутся с бою и через заимствование передового опыта, то рассмотрение сегодняшней системы образования с точки зрения метода А. С. Макаренко приводит к выводу, что корень недостатков один: не хватает системности и значит необходимо развитие системного мышления, изучение высшей логики. Сегодня наша система воспитания как часть системы образования противоположна системе А. С. Макаренко. Теперь в год Педагога и наставника наша цель в образовании и воспитании дать новую жизнь идеям советского педагога с их помощью, опираясь на высшую логику, научить людей быть свободными и сообща трудиться для возрождения России. В основе этой работы лежит умение делать воспитанников организаторами, так чтобы коллектив лежал в основе всего метода воспитания.

Организатор советского народного просвещения Н. К. Крупская в статье «Нам нужно успеть цивилизоваться» писала: «Совершенно исключительное значение имеет кино. Есть два типа мышления: отвлеченное (абстрактное) и образное (конкретное). Абстрактное мышление свойственно, например, философам, известной части математиков, юристам; конкретное – инженерам, изобретателям, агрономам и пр. Конкретный тип мышления не ниже абстрактного, это только иной тип; человек мыслит не логическими рассуждениями, а живыми образами. Рабочие и крестьяне, постоянно имеющие дело с вещами, чаще всего обладают конкретным мышлением. Вот почему „показ“ для рабочего человека убедительнее „рассказа“, вот почему кино для него имеет совершенно особое значение, вот почему наши рабфаковцы так страдают и болеют от словесных методов обучения, вот почему они так часто обесцвечиваются» [1, с. 139].

В докладе «Новые методы и единый план культработы (доклад и заключительное слово на II Всесоюзном партийном совещании по народному образованию) Н. К. Крупская отмечала в заключении доклада: „Товарищи, мы говорили сегодня о культурной революции. Хотя культурная революция идет и пойдет несколько иным путем, чем революция политическая, но все же это – революция, и на ка-

ждом собрании, на котором приходится бывать, на вопрос, как того или другого добиться, буквально приходится отвечать: 'Товарищи, знания берутся с бою'. И это на каждом рабочем и крестьянском бедняцко-батрацком собрании. По-моему, на каждом таком собрании надо говорить: раз революция, так добиваться надо, потому что под лежащий камень и вода не течет» [2, с. 553].

В начале доклада супруга В. И. Ленина утверждала неизбежность обучения передовому опыту: «Мы сейчас мало используем опыт западноевропейский и американский. Там чрезвычайно много есть чему научиться. Это было бы, по выражению Владимира Ильича, самое настоящее „комчанство“, если бы мы думали, что у передовых стран мы ничему не можем научиться. Но мы, конечно, ничего не можем брать слепо. Мы должны брать их опыт и его пропускать через призму нашего, коммунистического мировоззрения. Тогда для нас он будет чрезвычайно ценен. В некоторых областях мы пробовали это сделать. Очень интересны высказывания некоторых американцев по этому вопросу: „Странное дело, – говорят они, – методы как будто вы от нас взяли, методы для нас знакомы, а результаты у вас получаются иные, гораздо лучшие“. Вот почему у нас иные результаты, – этого им не понять. Мы взяли их методы, а содержание мы вложили коммунистическое. Этого часто американские буржуазные педагоги не понимают – не понимают, что мы их методы с другим содержанием связываем» [2, с. 549–550].

Высшая, или системная логика с точки зрения марксизма-ленинизма учит нас смотреть на предмет в его развитии, во взаимосвязи с окружающей его средой, как элемент многих систем различного порядка, составной частью которых он является. А. В. Ханюкова, Л. А. Петрова, А. Б. Павлова в статье с симптоматическим названием «Чего не хватает сегодняшней системе образования в России?» пишут: «Поэтому и человека как субъекта воспитательного и образовательного процесса следует изучать не изолированно от его (человека) прошлого, настоящего и будущего, от его связей и отношений. „Изучать прошлое“ – это значит, что в процессе познания недопустим разрыв между воспитательной деятельностью в школе и всем предшествующим опытом ребенка. „Изучать настоящее“ – значит изучать совокупность его связей в тех системах, в которые он включен (семья, класс, школа, секция, компания во дворе и др.). „Изучать будущее“ –

это предвидеть то, к чему готовят ребенка воспитатели, какой станет его „взрослая“ жизнь. Все это нельзя ни на минуту упускать из виду.

Уже стало общим местом, что недостатков у российской системы образования, как говорится, „не счесть“. Однако рассмотрение сегодняшней системы образования с известных нам позиций и с точки зрения метода Макаренко приводит нас к выводу, что глобальный корень многих недостатков один: не хватает системности» [3, с. 51–52].

Авторы аргументируют свою мысль о недостатках российской системы образования, и они заключаются вовсе не в том, о чем принято говорить сегодня – то есть дело не в бездумном копировании западной системы. Речь об отсутствии системности в образовании: «Разве может системе неоставать системности, ее существенного признака? – спросите вы. – Где же здесь логика?» Разумеется, с точки зрения формальной логики Аристотеля, наша мысль зашла в тупик. Назвав систему образования «системой», нельзя говорить «в ней нет системности». Но дело в том, что системность бывает разная: низшая и высшая, правильная и неправильная. С позиций диалектической логики, которая учит сравнивать разные системы знаний, нетрудно заметить, что А. С. Макаренко призывал к развитию системного мышления и изучению высшей логики, а наша система образования системную логику не изучает и не ставит вопрос о ее изучении. В этом плане наша система воспитания как часть системы образования не только не похожа на систему воспитания Макаренко, но и противоположна ей [3, с. 52].

Почему противоположна? Да потому что в буржуазном обществе система образования не рассматривается как органическая часть трансляции культуры, она понимается как идеологический аппарат государства и воспроизводства кадров для капиталистического производства: «Говоря о системе образования, мы, с точки зрения высшей логики, должны рассматривать ее как органичную часть общества. Попробуем применить к ней нашу схему: прошлое – настоящее – будущее. Что мы видим? Первое: нельзя насаждать нечто совершенно чуждое традициям и истории страны, в которой все мы живем, с которой неразрывно связаны; новое, прогрессивное должно быть прочно основано на том хорошем и верном, что уже было в нашем опыте. Но из нашей системы образования сегодня опыт А. С. Макаренко полностью исключен, как будто в нем не было ничего хорошего.

Второе: система образования должна быть ориентирована на реальные потребности общества, готовя честных, энергичных, деловых людей, грамотных специалистов в различных областях, способных найти себя в современном мире» [3, с. 52].

Поскольку общественно-историческая практика – окончательный критерий истины, то опыт истории показывает: «Обнаружилось, что наша система образования подготовила и продолжает готовить множество тунеядцев, нечестных людей и преступников. Третье: нельзя ни в коем случае забывать и о будущем, точнее, о вечном, о человеческих качествах, моральных нормах и ценностях, без которых невозможно даже чисто материальное движение человечества вперед, не говоря уже о духовном прогрессе. События в Чечне, рост преступности, коррупции говорят, что многие бывшие советские люди о высоких человеческих качествах забыли или не сумели их приобрести.

Школа не имеет права забывать, что она не только образовательное, но и воспитательное учреждение. Высшая логика, логика Макаренко говорит нам, что образование без воспитания не существует. Образование не должно ограничиваться лишь передачей знаний. Можно много знать, но плохо мыслить – и какая польза от знаний, которыми не умеешь оперировать? Школа должна учить мыслить, причем мыслить системно, по-взрослому, помня, что каждый ребенок – будущий взрослый, что ни одно качество взрослого человека не возникает „из ничего“. Говорят: „Без труда не вытащить рыбку из пруда“. А достойного человека тем более не воспитать» [3, с. 52–53].

Поскольку системно мыслить нас не научили, а в новой России массам трудящихся не предлагали быть хозяевами и организаторами производства, то и об опыте А. С. Макаренко в педагогических институтах и университетах не рассказали и с его методом и системой не ознакомили. Это и есть недостаток всей системы российского образования. И когда президент России В. В. Путин на открытии года педагога и наставника 2 марта 2023 г. после имени Ушинского отметил А. С. Макаренко как первого педагога советской эпохи, это было шоком для отечественной педагогики и научных журналов. Специалистов по А. С. Макаренко не нашлось и нам пришлось опубликовать две статьи в экстренном порядке.

В России десятилетия не преподавали высшую логику. Е. С. Винкерштерн, К. Ю. Попова в статье «Связь недостатков системы обра-

зования с кризисом в России» пишут: «Высшая логика, как известно, – это наука о законах и формах правильного высшего мышления. Правильное мышление верно отображает действительность (не врет). Несколько поколений русских – советских – людей не учили правильно, системно мыслить, оценивать действительность. Если и изучали логику, то низшую, ту, которая не знает о своих ошибках, принимает их за истину и навязывает людям. Это неминуемо приводит к распространению заблуждений, развитию лжи. И вот теперь ложь стала неотъемлемой частью жизни нашего общества. Разве не в ней причина кризиса?

Перед нашими учителями стоит задача – с помощью педагогики вывести страну из кризиса. Когда люди будут получать правильное образование, они смогут распознавать свои и чужие ошибки, бороться с ложью. У нас уже давно есть учитель – Макаренко. Он нашел способ воспитания честных людей. Пользуясь ею методом, мы должны воспитывать в себе и других-тех, кому под силу будет вывести общество из кризиса. По что происходит вокруг? По телевидению мы видим бездарных руководителей, казнокрадов, обманщиков, которые наживаются за счет населения, пользуясь его доверчивостью или бессилием, а народ, как говорится, безмолвствует, безропотно всему подчиняется. Откуда же идет это подчинение обманщикам даже теперь, когда законы, казалось бы, предоставляют гражданам все необходимые права? Мы видим причину в истории» [4, с. 53].

Авторы делают общий вдохновляющий вывод. Он чрезвычайно важен для России и ее развития, но применение его возможно при изменении системы экономических отношений в стране: «Макаренко делал воспитанников организаторами, коллектив лежал в основе его метода воспитания, но ребенок в коллективе не терял своего „я“, развивался как личность, учился ответственности, уверенности в себе, трудолюбию, уважению к другим, их чувствам, делам, привычкам, к чужой точке зрения. Наверное, поэтому делу Макаренко из всех сил старались препятствовать бюрократы. Системе, частью которой они были, не нужны были настоящие люди.

Теперь, много лет спустя, наша цель (мы имеем в виду, прежде всего, учителей, педагогов) – дать новую жизнь идеям Макаренко и с их помощью, опираясь на высшую логику, научить людей быть свободными и сообща трудиться для возрождения России. Когда нас

много, мы – сила, и нам многое по плечу. Главное точно знать, как и к какой цели мы идем, не жалеть себя и уважать друг друга» [4, с. 54].

Мы начинали статью обращением к высказыванию Н. К. Крупской. Автор разъясняет мысль В. И. Ленина о важности кино для победы социализма и это используется в статье о необходимости успеть цивилизоваться. Эти слова относятся к деревне: «Деревня не согласна больше жить по-старому. Она не хочет быть оторванной так, как прежде, от всего мира. Война империалистическая, революция, гражданская война, советский строй, растущая товарность крестьянского хозяйства привели к тому, что теперь крестьянин все желает знать „до точности“: и то, как живут люди в нашем Союзе по селам и городам, и о том, как живут люди в других странах, к чему они стремятся, чего и как добиваются. Крестьянин желает знать и о чудесах подземного мира и о том, что делается на дне морском, что делается за облаками. Он хочет овладеть тайнами прошлого и заглянуть в будущее. Он хочет впитать в себя весь опыт человечества, овладеть наукой, изучить наилучшую постановку сельского хозяйства и приемы нужной ему до крайности техники. Он понимает, что знание – сила.

Раньше знание приобреталось лишь годами долгой учебы и, по сути дела, могло быть доступно сравнительно лишь небольшому слою. Теперь благодаря радио и кино знание демократизируется, делается доступным массе. Самая глухая деревушка может получить возможность слушать самых талантливых ораторов, слушать лучших светил науки. Самая глухая деревушка может воочию увидеть то, что происходит во всех концах мира. Мы плохо еще учитываем все значение возможности централизации пропаганды и агитации через кино и радио, плохо учитываем то колоссальное влияние, которое этим путем можно оказывать на широчайшие массы» [1, с. 138].

Здесь рождается мысль, что социализм может победить в одной или нескольких странах. Но коммунизм возможен только всемирный и этот коммунизм выходит в космос. Именно тут начинается бифуркация капитализма и мирового социализма. Г. Малинецкий уточняет: «По сути, нынешнюю точку бифуркации описал Иван Ефремов в романе „Час Быка“, в котором описана встреча обитателей „планеты страданий“ – Торманса с экипажем звездолёта „Великого Кольца“. После кризиса на Земле предки обитателей Торманса пошли по одной траектории, а цивилизации, объединившиеся в Великое

Кольцо, – по другой. В этом же романе определяется „порог Синед Роба“: „ни одно низкое по морально-этическому уровню общество не может выйти в межзвёздный космос... никакое другое общество, кроме коммунистического, не может объединить всю планету и сбалансировать человеческие отношения. Поэтому для меня вопрос стоит так: либо будет всепланетное коммунистическое общество, либо вообще не будет никакого, а будет пыль и песок на мёртвой планете» [5]. Следует согласиться с этим прозрением великого фантаста.

Список использованной литературы

1. Крупская Н. К. Педагогические сочинения в десяти томах. М.: изд. АПН, 1960. т. 8. – 770 с.
2. Крупская Н. К. Педагогические сочинения в десяти томах. М.: изд. АПН, 1960. т. 7. – 758 с.
3. Ханюкова А. В., Петрова Л. А., Павлова А. Б. Чего не хватает сегодняшней системе образования в России? // Макаренко и мы. Санкт-Петербург, 2000. с. 50–51.
4. Винкерштерн Е. С., Попова К. Ю. Связь недостатков системы образования с кризисом в России? // Макаренко и мы. Санкт-Петербург, 2000. с. 53–54.
5. Малинецкий Г. Размышления о демографии России. как преодолеть отставание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/razmishleniya_o_demografii_rossii

Глава 3. КОЛЛЕКТИВИЗМ КАК КЛЮЧ К ВОСПИТАНИЮ

3.1. СИСТЕМНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ И КОЛЛЕКТИВИЗМ КАК КЛЮЧ К ВОСПИТАНИЮ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭНТУЗИАЗМА

В высших социальных формах жизни человек выступает как организатор общественного процесса. К. Маркс писал, что у рабочего руки и глаза спереди и сзади, имея в виду коллективный характер труда пролетариев. Классик общественнознания обнаруживает происхождение энтузиазма и коллективно-го жизненного духа из системных ощущений, которые открывают прямой путь к системному мышлению как высшему, оперирующему целыми науками. Советский педагог А. С. Макаренко ставил вопрос об организации коллектива как ключе к воспитанию и системному миропониманию. Как диалектический материалист он говорил об ощущениях, вырастающих из совокупной ощущающей деятельности многих людей, объединенных в единый коллектив. Поэтому для своих современников, строивших социализм и для нас, важен педагогический опыт, в котором были воспитаны настоящие организаторы социалистической индустрии и победители в военном столкновении мировых систем.

Поскольку человек в истории обладает изменяющейся социальной сущностью, то в высших социальных формах жизни человек выступает как организатор общественного процесса. В «Тезисах о Фейербахе» молодой К. Маркс писал: «Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [1, с. 3]. Высший признак человека, когда люди выступают как боги (вспомним космическую оперу С. Снегова под таким названием «Люди как боги») – быть организатором людей и вещей [2]. Эта «божественная» способность есть возможность организовывать системы и коллективы, создавать и получать и системные ощущения, выходя за узкий горизонт индивидуальных ощущений. Системное ощущение – это условие и результат слаженной работы целого коллектива.

Обособленный отдельный человек не может ощущать всю систему свойств и отношений, которую ощущает совокупность людей – коллектив, отряд, партия. Лучший поэт советской эпохи В. В. Маяковский писал: «Единица! – Кому она нужна?! Голос единицы тоньше писка. Кто ее услышит? – Разве жена! И то если не на базаре, а близко... Партия – это единый ураган, из голосов спрессованный тихих и тонких, от него лопаются укрепления врага, как в канонаду от пушек перепонки» [3].

Причина невозможности ощущения индивидом того, что ощущает весь коллектив, состоит в том простом факте, что отдельный человек не может находиться сразу в нескольких местах. На это обращал внимание в «Капитале» К. Маркс, говоря, что у рабочего руки и глаза спереди и сзади, имея в виду коллективный характер труда пролетариев, а трудовой коллектив как раз состоит из людей, могущих находиться в одно и то же время в разных точках земного шара. «Всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма в отличие от движения его самостоятельных органов. Отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижере. Функции управления, надзора и согласования делаются функциями капитала, как только подчиненный ему труд становится кооперативным. Но как специфическая функция капитала, функция управления приобретает специфические характерные особенности» [4, с. 342].

Классик общественнознания обнаруживает происхождение энтузиазма и коллективного жизненного духа: «Но и помимо той новой силы, которая возникает из слияния многих сил в одну общую, при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии (*animal spirits*), увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц, так что 12 человек в течение одного совместного рабочего дня в 144 часа произведут гораздо больше продукта, чем двенадцать изолированных рабочих, работающих по 12 часов каждый, или один рабочий в течение следующих подряд двенадцати дней труда. Причина этого заключается в том, что человек

по самой своей природе есть животное, если и не политическое, как думал Аристотель, то во всяком случае общественное.

Хотя многие одновременно и совместно совершают одну и ту же или однородную работу, тем не менее индивидуальный труд каждого отдельного рабочего, как часть совокупного труда, сам может представлять различные фазы процесса труда, через которые предмет труда вследствие кооперации проходит быстрее. Так, например, если каменщики образуют последовательный ряд для того, чтобы передавать кирпичи от основания строительных лесов до их верха, то каждый из них делает одно и то же, и тем не менее их отдельные операции представляют собой непрерывные ступени одной общей операции, особые фазы, которые каждый кирпич должен пройти в процессе труда и благодаря которым 24 руки совокупного рабочего доставят кирпич на место скорее, чем две руки отдельного рабочего, то поднимающегося на леса, то спускающегося с них» [4, с. 337–338].

В статье «Как организовать системные ощущения?» Л. М. Сарган и Я. Н. Николаенко пишут: «Индивиды, из которых состоит коллектив, являются субъектами, преломляющими через свою нервную систему окружающую среду, действительность. Но без помощи коллектива отдельные индивиды в лучшем случае могут получить ощущения-цепочки (то есть отобразить органами чувств процесс, внутреннюю связь), а в основном отдельно рассмотренные люди имеют лишь отрывочные ощущения-точки. А чтобы использовать ощущения-системы, отдельный человек должен быть организатором, организовать в единую систему множество помогающих ему людей или организовать сбор информации о том, что уже ощущали многие люди. Индивид может узнать, что ощущает коллектив, через ощущения второго порядка, то есть с помощью таких средств как слово (язык), образцы и копии ощущавшихся вещей (такие как рисунок, фотография, кино, видеозапись).

Системные ощущения открывают прямой путь к системному мышлению – высшему, оперирующему не только понятиями, суждениями, умозаключениями, но целыми науками, учениями, мировоззрениями, поэтому они очень важны. Чтобы поставить человека в условия, при которых он неизбежно приобретет системный опыт, нужно сделать его организатором коллектива» [5, с. 48–49].

Выдающийся советский педагог А. С. Макаренко ставил вопрос об организации коллектива как ключе к воспитанию и системно-

му миропониманию так: «Но сама организация коллектива должна начинаться с решения вопроса о первичном коллективе. Я над этим вопросом много думал, много возникало у меня разных способов организации коллектива, и я пришел к следующим выводам. Первичный коллектив, т. е. коллектив, который уже не должен делиться дальше на более мелкие коллективы, образования, не может быть меньше 7 и больше 15 человек. Я не знаю, почему это так, я этого не учитывал. Я только знаю, что если первичный коллектив меньше 7 человек, он начинает обращаться в дружеский коллектив, в замкнутую группу друзей и приятелей. Первичный коллектив больше 15 человек всегда стремится к разделению на два коллектива, всегда есть линия разделения.

Я считаю идеальным первичным коллективом только такой коллектив, который одновременно ощущает и свое единство, спаянность, крепость и в то же время ощущает, что это не компания друзей, которые договорились, а это явление социального порядка, коллектив, организация, имеющая какие-то обязанности, какой-то долг, какую-то ответственность» [6, с. 253].

Он продолжал мысль так: «Особенно меня занимала фигура того лица, которое должно руководить этим первичным коллективом и отвечать за него» [6, с. 253]. Но с чего начать? Автор пишет: «У меня первичным коллективом был отряд» [6, с. 255].

Структурирование отрядов шло по разным принципам: «Сначала я организовывал отряды по такому принципу: кто с кем учится, кто с кем работает, тех я объединяю в один отряд. Потом я решил, что нужно младших отделять от старших. Затем пришел к выводу, что это вредно, и потом уже в каждом таком отряде были и малыши, и взрослые юноши 17–18 лет. Я решил, что такой коллектив, наиболее напоминающий семью, будет самым выгодным в воспитательном отношении. Там создается забота о младших, уважение к старшим, самые нежные нюансы товарищеских отношений. Там малыши не будут замкнуты в отдельную группу, которая варится в собственном соку, а старшие никогда не будут рассказывать скабрзные анекдоты, так как у них есть забота о младших» [6, с. 256].

В другой работе «Мой опыт» А. С. Макаренко писал: «Мой опыт очень узок. Я 8 лет заведывал колонией для правонарушителей им. Горького и 8 лет трудовой коммуной им. Дзержинского. Коммуна

им. Дзержинского уже не была учреждением для правонарушителей. В первое время я получал обыкновенных беспризорных детей, а в последние 4 года я получал почти исключительно детей из семьи, где неблагополучие выражалось не в материальной обстановке, а исключительно в обстановке педагогической, бытовой. Кто труднее из этих трех категорий: правонарушители, беспризорные или дети из семьи, – сказать трудно, но я думаю, что труднее всего дети из семьи. По крайней мере, по извилистости характеров, по их яркости и сопротивляемости, эти дети кажутся мне в моем опыте наиболее трудными» [6, с. 249].

Исправление характера идет методом взрыва. Автор термина объясняет: «За последние 5 лет, работая в коммуне им. Дзержинского, где было много ярких и трудных характеров, я не наблюдал уже процессов эволюции характера. Я наблюдал эволюцию в том обычном смысле, в каком мы всегда понимаем рост, развитие: мальчик учится в III, IV классе, потом переходит в V класс. Его кругозор расширяется, знаний и навыков у него больше. Он работает на заводе, повышает свою квалификацию, приобретает навыки общественного характера. Но это обыкновенный рост, а не какая-то эволюция от испорченного, искривленного характера к норме. Это вовсе не значит, что нет никакого различия между искривленным характером и нормой, но это значит, что выправление характера гораздо лучше производить методом, если хотите, взрыва.

Под взрывом я вовсе не понимаю такого положения, чтобы под человека подложить динамит, поджечь и самому удирать, не дожидаясь, пока человек взорвется. Я имею в виду мгновенное воздействие, переворачивающее все желания человека, все его стремления. Я так был изумлен внешним видом этих изменений, что впоследствии занялся вопросом методологии этих взрывов и эволюции в области искривленного характера и постепенно приходил все к большему убеждению, что метод взрывов – я не нахожу другого слова – может быть учтен педагогами как один из удачных. Может быть, найдут более удачное педагогическое слово для определения этого метода, я искал, но не нашел» [6, с. 258].

А. С. Макаренко как диалектический материалист говорил об ощущениях, вырастающих из совокупной ощущающей деятельности многих людей, объединенных в единый коллектив. Поэтому для своих

современников, строивших социализм и для нас, важен педагогический опыт А. С. Макаренко, в котором были воспитаны настоящие организаторы социалистической индустрии и победители в столкновении мировых систем. Он разработал целую систему формирования личности через коллектив. При ответе на вопрос в работе «Мои педагогические воззрения» он сказал: «Скажите, типичным ли является тот профессор педагогики, о котором вы пишете в „Книге для родителей“? В свое время он был типичным как лицо, у которого собственная педагогическая эрудиция противоречит его собственной домашней практике, а такое противоречие, в известной мере, может быть типичным» [6, с. 303].

А. С. Макаренко создавал сводные трудовые и учебные отряды и учил быть организатором каждого, формируя у воспитанников тем самым системный опыт и правильное системное мышление, позволяющее видеть альтернативы. Здесь он опирался на высшую диалектическую логику, а не только на низшую.

Список использованной литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., М.: ГИПЛ, 1955. т. 3. – 629 с.
2. Снегов С. Люди как боги. Роман-эпопея [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fantlab.ru/work13831>
3. Владимир Маяковский Владимир Ильич Ленин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/21248/vladimir-ilich-lenin>
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., М.: ГИПЛ, 1960. т. 23. – 907 с.
5. Сарган Л. М., Николаенко Я. Н. Как организовать системные ощущения? // Макаренко и мы. Санкт-Петербург, 2000. с. 48–50.
6. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1951. т. 5. – 515 с.

3.2. ПРЕОДОЛЕНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ПЕДАГОГИКЕ А. С. МАКАРЕНКО

Социализм невозможен без преобладания общественной собственности, но допускает сохранение частной собственности в ограниченных размерах. Поскольку социализм победил в отсталой стране, условием победы стал главный вопрос о характере государства, диктатуре класса. Успешный частный собственник должен владеть несколькими профессиями одновременно и оперировать знаниями, но главное для успеха – быть организатором. Частная собственность естественным путем учит человека системному мышлению. Поскольку исторически частная собственность тысячелетиями формировала системное мышление у организаторов предприятий, А. С. Макаренко доказал, что в новом социалистическом обществе без эксплуатации, социального неравенства системное мышление можно формировать ускоренно вне рамок частной собственности путем превращения воспитанников в организаторов и путем обучения системному мышлению посредством диалектической логики.

Социализм невозможен без превалирования, преобладания общественной, кооперативной собственности. Невозможен этот строй без контроля за ценами. Но некоторые вопросы, которые приписывают социализму его сторонники или противники не имеют к нему никакого отношения. Например, монополия внешней торговли или свобода въезда и выезда за рубежи социалистической страны. Все это вопрос конкретной ситуации в конкретной стране в капиталистическом окружении, результат классовой борьбы и степени ее остроты. Поэтому настаивать на монополии внешней торговли или на ограничении выезда это частный вопрос о наличии того или иного напитка в социалистических магазинах – виски или кока-колы. Такой же характер имеет вопрос о частной собственности, которая может быть при социализме в ограниченных размерах и при сохранении командных высот общественной собственности в основных сферах производства.

Исторически социализм победил в отсталой стране, где большинство населения были промышленные рабочие, бушевал бытовой сифилис, неграмотность. Классики марксизма в конце жизни с трудом представляли себе победу социализма в такой отсталой стране.

В. И. Ленин в статье «О монополии внешней торговли» настаивал на том, что нам надо восстановить экономику и все средства из торговли направлять на восстановление народного хозяйства. Он писал в записке И. В. Сталину, что коренной вопрос, будет ли товарный рынок и торговля «работать на пользу нэпманов» или он будет работать «на пользу пролетарского государства» [1, с. 333]. Мера эта по В. И. Ленину, несомненно, временная.

Критикуя позицию Н. И. Бухарина, В. И. Ленин выходит в последних работах жизни на актуальную и далее после его кончины неразвитую тему о придании законодательных функций Госплану. В статье 27 декабря 1922 г. с таким названием он пишет: «Эта мысль выдвигалась тов. Троцким, кажется, уже давно. Я выступил противником ее, потому что находил, что в таком случае будет основная невязка в системе наших законодательных учреждений. Но по внимательном рассмотрении дела я нахожу, что, в сущности, тут есть здоровая мысль, именно: Госплан стоит несколько в стороне от наших законодательных учреждений, несмотря на то, что он, как совокупность сведущих людей, экспертов, представителей науки и техники, обладает, в сущности, наибольшими данными для правильного суждения о делах» с. 349. Он пишет далее: «я думаю, что в настоящее время следует сделать шаг в сторону увеличения компетенции Госплана. Я мыслю себе этот шаг таким образом, чтобы решения Госплана не могли быть опрокинуты обычным советским порядком, а требовали бы для своего перерешения особого порядка, например, внесения вопроса в сессию ВЦИКа, подготовки вопроса для перерешения по особой инструкции, с составлением, на основании особых правил, докладных записок для взвешивания того, подлежит ли это решение Госплана отмене, наконец, назначения особых сроков для перерешения вопроса Госплана и т. п.» [1, с. 349–350].

В продолжение записок о придании Госплану законодательных функций 29 декабря 1922 г. он уточнил важнейший вопрос об идеологической подготовке руководства Госплана: «Госплан, по-видимому, развивается у нас всесторонне в комиссию экспертов. Во главе такого учреждения не может не стоять лицо с большим опытом и всесторонним научным образованием по части техники. Администрирующая сила тут по сути дела должна быть подсобной. Известная независимость и самостоятельность Госплана обязательна с точки зрения

авторитета этого научного учреждения и обусловлена одним, именно добросовестностью ее работников и добросовестным стремлением их провести в жизнь наш план экономического и социального строительства.

Это последнее качество, конечно, сейчас может встречаться лишь как исключение, ибо подавляющее большинство ученых, из которых, естественно, составляется Госплан, по неизбежности заражено буржуазными взглядами и буржуазными предрассудками. Проверка их с этой стороны должна составлять задачу нескольких лиц, которые могут образовывать президиум Госплана, которые должны состоять из коммунистов и следить изо дня в день во всем ходе работы за степенью преданности буржуазных ученых и за их отказом от буржуазных предрассудков, а также за их постепенным переходом на точку зрения социализма» [1, с. 352].

Итак, главный вопрос о характере государства – о диктатуре класса и его государства. Сегодня большинство объема внешней торговли в России осуществляет государство, но это буржуазное государство. И торговля идет в интересах класса и этого государства. Вопрос, следовательно, стоит в том, какое государство и в каких интересах реализует ту или иную политику, и как оно использует море мелкой частной собственности. В этом море частных собственников возникает противоречие между порядком на отдельном предприятии и хаосом в экономике классического рыночного капитализма или государственной политикой капиталистического класса.

Среди моря частных собственников человек, который владеет собственностью, например, фермой, магазином, мастерской, должен владеть несколькими профессиями одновременно и свободно оперировать всеми своими знаниями и умениями в различных областях. Но главное, что необходимо ему для успеха, – это быть организатором. Е. Н. Харламова, А. А. Попова, А. Л. Кудряшов в статье «Роль частной собственности в появлении и развитии системного мышления» пишут: «Владелец должен найти начальный капитал, нанять (организовать) людей. Сама частная собственность является системой, причем системой в развитии, имеющей начальную точку, последовательные этапы развития, которые можно проследить и нельзя упускать из виду, и тенденции, перспективы развития на будущее.

Любая собственность, в том числе и частная, естественно, развивается. Начальный этап – маленькое частное предприятие, которым

владеет один человек или семья, и работают только они. Затем предприятие может расширяться, появляются наемные рабочие, привлекаются средства других людей, создается акционерное общество. Часто несколько АО объединяются в концерны, холдинги и, как например автомобильные концерны «Мерседес» или «Форд» [2, с. 56].

Далее авторы связывают по умолчанию мелкую частную собственность с системной логикой и системным мышлением: «Каждый владелец должен знать закономерности развития своего предприятия. От него требуется умение предугадать потребности рынка, то есть знание системы спроса и предложения, умение в ней ориентироваться. Разбираясь во всем вышеперечисленном, он правильно выберет форму и дизайн товара, оптимально распределит средства. Это сможет осуществить успешно только человек, обладающий системным мышлением. Именно владелец должен следить за тем, чтобы предприятие работало системно. Система же, если она работает как следует, поможет обнаруживать ошибки или обман отдельных людей.

Частная собственность – это собственность, связанная с наймом и эксплуатацией многих людей. Она естественным путем учит человека системному мышлению, развивает его, поскольку эксплуатируемые люди составляют систему, требующую системного контроля и системного управления. Однако не надо думать, что только частная собственность учит людей системному мышлению. Всякая организация индивидов в действующую или познающую систему создает не только системы связей людей, но и системы ощущений, которые можно изучать и на их основе системно мыслить» [2, с. 57].

Выводы могут быть самые традиционные и вместе с тем неожиданные – «системное мышление можно сделать основой воспитания, целью обучения и воспитания. Можно включить в учебный план школ и ВУЗов целую науку о системном мышлении – диалектическую логику» [2, с. 57].

Заметим, что именно к этому и призывал работников российского народного просвещения А. С. Макаренко. Он ставил вопрос о целях воспитания совершенно в диалектическом духе в работе «Опыт методики работы детской трудовой колонии (материалы книги)»: «Врачи, инженеры и формовщики требуются не только у нас рабочим классом. На Западе буржуазия предъявляет такие же требования к педагогам. Но кадры, выпускаемые у нас, и кадры для буржуазных стран

за пределами своего профессионального единства должны отличаться прямо противоположными личными особенностями. Удается ли буржуазии воспитывать эти необходимые ей особенности, вопрос посторонний, но наше воспитание должно быть удачным. Здесь мы уже выходим за границы понятия „кадры“ в том смысле, в каком это слово часто понимается теперь. Мы уже должны говорить не только о профессиональной подготовке нового поколения, а о воспитании такого типа поведения, таких характеров, таких личных комплексов, которые нужны именно в советском государстве в эпоху диктатуры пролетариата, в момент перехода к бесклассовому обществу. Цели воспитательной работы могут быть выведены только из общественного требования, из его нужды» [3, с. 440].

А. С. Макаренко рассчитывал, что работники просвещения тоже изучат диалектическую логику. Поскольку исторически частная собственность формировала системное мышление тысячелетиями у организаторов частнособственнических предприятий, А. С. Макаренко доказал, что в новом социалистическом обществе без эксплуатации и социального неравенства системное мышление можно формировать ускоренно в новых исторических условиях вне рамок частной собственности двумя путями: путем превращения воспитанников в организаторов и путем обучения системному мышлению через диалектическую логику.

Список использованной литературы

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ, 1970. т. 45. – 729 с.
2. Харламова Е. Н., Попова А. А., Кудряшов А. Л. Роль частной собственности в появлении и развитии системного мышления // Макаренко и мы. Санкт-Петербург, 2000. с. 56–58.
3. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1951. т. 5. – 515 с.

3.3. ЧУВСТВЕННЫЕ ВОСПРИЯТИЯ, КОЛЛЕКТИВНЫЙ ОПЫТ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ ПО СОЦИАЛЬНОМУ ЗАКАЗУ

Классовое общество разделило людей на людей-производителей и людей-потребителей. Люди-потребители не видят процессов в вещах, а потребители не могут их распределить. В подлинно человеческих ощущениях, трудовых отношениях люди ощущают общие, существенные и закономерные свойства вещей и отношений. В словах советского педагога А. С. Макаренко «коллектив ощущает», «коллектив учит», «коллектив является воспитателем личности» фиксируется признание существования чувственного опыта коллектива, и признание преимуществ чувственного опыта многих людей в коллективе. Педагог пришел к выводу, что необходимо проектировать формирование личности в коллективе в отличие от старой педагогики, которая говорит о личности в единственном числе. Советский педагог поставил вопрос о социальном заказе в проектировании личности. Вопрос заключается в том, чтобы в обществе восторжествовали принципы подлинного коллективизма, которые требуют применения педагогики коллективного опыта.

Антагонистическое общество в силу своих классовых противоречий разделило людей на людей-производителей и людей-потребителей. В периоды революционных обострений последние получали название эксплуататоров, что надолго оставалось в памяти людей-победителей, то есть трудящихся-производителей. Эту терминологию часто использовали в шуточном употреблении, даже обращаясь к домашним животным. Так, в двухсерийном комедийном фильме «Повод» 1986 г., где речь идет о товарищеском суде над домашним котом Адамом, который обвиняется жителями села в воровстве колбасы из магазина, утят из колхозной птицефермы и множестве других преступлений, хозяин кота в исполнении В. Самойлова сообщает ему за завтраком: «Избаловала тебя Советская власть. Прежде, помню, котов, вас и вовсе не кормили. Сами себе мышей добывали. Предки твои, вон охотники и добытчики были, пользуешься моей добротой, знаешь, что кроме тебя у меня никого нету» [1].

Через пять лет после года выхода фильма – в момент краха перестройки светлые чистые иллюзии наивных советских людей рассеялись перед наступлением буржуазных товарно-денежных отношений. А при социализме получалось, что кот Адам со специфическим именем

первого человека не только вор, но и эксплуататор, которого испортила добрая Советская власть. И этот кот единственный нарушитель порядка и антисоциальный элемент во всей советской деревне! В фильме звучит: «Нынче в Хмелевке только кот задарма все имеет, да и тот под суд угодил», что выглядит как горькая насмешка над обещаниями Н. С. Хрущева и Третьей программы КПСС о построении коммунизма к 1980 г.

Однако, вся эта робинзонада человека и кота возможна только в абстракции и потому весь фильм строится на идее коллективного товарищеского суда. В другом фильме «Стиляги», фильме уже капиталистического общества, искаженно изображавшего социализм, иной настрой – тут исполняется песня «Человек и кошка». Ее текст отражает настроение одиноких больных людей в больном обществе, хотя фильм снят о начале застойного периода социализма: «Человек и кошка плачут у окошка, Серый дождик каплет прямо на стекло. К человеку с кошкой едет неотложка – Человеку бедному мозг больной светло. Доктор едет-едет сквозь снежную равнину, Порошок целебный людям он везёт. Человек и кошка порошок тот примут, И печаль отступит, и тоска пройдет» [2]. Типичная картина социального отчуждения и одиночества.

Люди-потребители не видят процессов в преобразуемых вещах – процессы опредмечивания человеческих сущностных сил угасли в вещах. А потребители не могут их распредметить, и пользуются ими как дикари в карго-культе. Производители, своими руками превращающие одни предметы в другие, видят и ощущают в вещах творческие социальные процессы. В подлинно человеческих ощущениях, в первую очередь трудовых, люди ощущают общие, существенные и закономерные свойства вещей и отношений. Обращая на это внимание, российские ученые-логики А. Н. Зырянов и И. В. Николаев пишут о том, что это обстоятельство было открыто еще Ф. Бэконом как идеологом молодой буржуазии: «Ф. Бэкон вырвал почву под ногами у тех болтунов, которые пытались выводить знания об общем, существенном и необходимом из ума (помимо ощущений). Этим был нанесен решительный удар по клевете на чувственные восприятия. Этим был открыт путь к изучению и распространению передового (общего и необходимого) опыта. Этим был нанесен урон всем врунам, подменявшим обоснованные знания выдумками. Было подорвано

право людей на вранье. Было подорвано право хитрых людей на истребление инакомыслящих» [3, с. 25].

В XX в. благодаря организации трудящихся и формированию их научного мировоззрения стало ясно, что индивид может черпать от коллектива его знания и опыт. Большевики-педагоги и философы марксисты стали развивать эту тему вслед за Ф. Бэконом. О. В. Пашенко, З. А. Виноградова, Д. В. Бревдо пишут в статье «Понятие о коллективном опыте в педагогическом методе А. С. Макаренко»: «В словах А. С. Макаренко „коллектив ощущает“, „коллектив учит“, „коллектив требует“, „коллектив является воспитателем личности“, „я рекомендую индуктивную логику“, „вмешательство в постановку цельного опыта“, „право цельного опыта“ и подобных мы видим, во-первых, признание существования чувственного опыта не только у отдельной личности, но и у коллектива, и, во-вторых, признание преимуществ чувственного опыта многих людей, составляющих коллектив, по сравнению с чувственным опытом отдельного индивида, входящего в этот коллектив или организующего этот коллектив.

Коллектив колонии имени М. Горького нарисован Макаренко в его „Педагогической поэме“ без тени схематизма, как живой социальный организм, во всей сложности и полноте его жизни. Образ коллектива дан многопланово: в больших и малых событиях истории колонии, в ее трудовых буднях и торжественных праздниках, в многообразии его воспитательного воздействия на личность» [4, с. 50].

Авторы справедливо заключают свой анализ: «Макаренко хорошо знал, что коллектив не аморфная масса, что он не формируется стихийно, а только в результате настойчивых и верно направленных усилий организатора. В „Педагогической поэме“ раскрываются основные положения новаторской педагогической теории: успех воспитания в конечном итоге зависит от живого, полноценного, целостного опыта коллектива» [4, с. 50–51].

Обобщая свой опыт и опыт своего коллектива, А. С. Макаренко пришел к выводу, что необходимо проектировать формирование личности в коллективе и благодаря качествам коллектива – в отличие от старой педагогики, которая говорит о личности в единственном числе: «Личность, борец – все это обязательно в единственном числе. Так и представляется богатый кабинет в богатом доме, уютный, мягкий, затененный. В кабинете личность – сынок хозяйский, а над

его душой ученый мастер, который за приличное вознаграждение взялся изготовить из „хозяйского сына ,гармоническую личность“ в полном соответствии с либеральными убеждениями папаши, тем более, что ,гармоническая личность“ очень идет и к хорошему автомобилю, к замечательной яхте, и к богатому дворцу, и к богатой невесте. А у нас массовое воспитание, воспитание миллионов, кадры для наших исторических пятилеток. О целях нашего воспитания нужно говорить в каких-то других словах, в каких-то цифрах, с совершенно иным пафосом, деловым, скромным, ответственным“» [5, с. 441].

Далее советский педагог ставит вопрос о социальном заказе в проектировании личности: «Проектировка личности как продукта воспитания должна производиться на основании заказа общества. Это положение сразу снимает с нашего продукта идеальные хитоны. Нет ничего вечного и абсолютного в наших задачах. Требования общества действительны только для эпохи, величина которой более или менее ограничена. Мы можем быть совершенно уверены в том, что к следующему поколению будут предъявлены несколько измененные требования, причем изменения эти будут вноситься постепенно, по мере роста и совершенствования всей общественной жизни.

Поэтому в нашей проектировке мы всегда должны быть в высшей степени внимательны и обладать хорошей чуткостью, в особенности еще и потому, что эволюция в требовании общества может совершаться в области малозначительных и малых деталей. И, кроме того, мы всегда должны помнить, каким бы цельным ни представлялся для нас человек в порядке широкого отвлечения, все же люди в известной степени представляют собой очень разнородный материал для воспитания, и выпускаемый нами „продукт“ обязательно будет тоже разнообразен» [5, с. 442].

Согласимся с авторами исследования новой педагогики коллективного опыта: «Мы не считаем, что понятие о коллективном опыте у А. С. Макаренко до конца разработано. Но то, что оно уже есть, включено в теорию коллективистского воспитания и уже обогатило эту теорию, у нас не вызывает никакого сомнения» [4, с. 51]. Вопрос, однако заключается в том, чтобы в обществе восторжествовали принципы подлинного коллективизма, которые потребуют применения педагогики коллективного опыта. Тогда главным становится точка зрения практики и общественной необходимости. Именно тогда

новыми красками и смыслами заиграют выражения А. С. Макаренко: «коллектив ощущает», «коллектив учит», «коллектив требует», «коллектив является воспитателем личности».

Список использованной литературы

1. Повод (1986) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/5227/annot/>
2. Песня из фильма – Стиляги – Человек и кошка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pesni.guru>
3. Зырянов А. Н., Николаев И. В. Столбовая дорога мировой духовной цивилизации. М.: Православная русская академия, 2003. – 247 с.
4. Пащенко О. В., Виноградова З. А., Бревдо Д. В. Понятие о коллективном опыте в педагогическом методе А. С. Макаренко // Макаренко и мы. Санкт-Петербург, 2000. с. 50–51.
5. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1951. т. 5. – 515 с.

3.4. ФИЛОСОФСКОЕ ОЗДОРОВЛЕНИЕ В КОЛЛЕКТИВЕ

Мир молодого социализма в педагогике выдвинул максимум «дисциплина есть свобода», противостоящую нацистскому лозунгу «каждому свое». Дисциплина понималась как защищенность личности, когда интересы коллектива выше интересов личности, а дисциплина украшает коллектив, и человек делает неприятное для себя с удовольствием. Изучаемая в коллективе теория морали позволяла тормозить и сдерживать чувства, учила властвовать собой. Такая теория советского поведения как теория морали, опирающаяся на нашу общественную жизнь, производит большое философское оздоровление в коллективе. Дисциплина как форма политического и нравственного благополучия не приходит сама, она должна требоваться от коллектива как форма для наилучшего достижения цели коллектива. Получается, что форма, выражающая содержание нашего общества — это дисциплина. Другой момент морального теоретического утверждения, который должен быть предложен коллективу: интересы коллектива выше интересов личности, поскольку в коллективе и дисциплине человек обретает свободу.

Глава российского государства в День учителя торжественно сообщил: «И в знак высочайшей общественной значимости профессии учителя 2023 год – год 200-летия со дня рождения одного из основателей российской педагогики Константина Дмитриевича Ушинского – будет посвящён в нашей стране педагогам и наставникам. Будет Год учителя, Год педагога» [1]. Сам Указ № 401 «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника» был принят «В целях признания особого статуса педагогических работников, в том числе осуществляющих наставническую деятельность» [2].

Начало действия указа совпало со 135-летием со дня рождения А. С. Макаренко (13 марта) и В. В. Путин 2 марта 2023 г. дал старт Году педагога и наставника в России. При этом президент страны акцентировал смысл государственной акции: «привлечь внимание общества» к труду людей «отечественной системы образования», поскольку «историческая миссия отечественной системы образования всегда состояла в воспитании гражданственности и патриотизма, ответственности за судьбу страны» [3]. Воспитание гражданственности осуществляется через формирование у людей ценностей гражданственности и патриотизма: «Эти ценности воплощены в трудах наших великих педагогов, которых знает весь мир, – это Макаренко, Сухомлинский

и другие, в каждодневном подвиге учителей поколения Великой Отечественной войны, в подвижничестве мастеров производственного обучения, которые вместе со своими воспитанниками поднимали заводы, предприятия в послевоенное время» [3].

Поскольку при обсуждении вопроса о дисциплине старая школа царской России использовала уроки закона божьего, а новая советская педагогика А. С. Макаренко предполагала излагать основы теории морали, то возникает вопрос, каким образом в обоих случаях дисциплина обеспечивает свободу личности и коллектива? Если Третий Рейх отметил лозунгами на воротах концентрационных лагерей «Каждому свое», «Труд освобождает», то что им мог противопоставить мир молодого социализма в виде утверждений гуманистической педагогики [4]?

У А. С. Макаренко при прочтении второй лекции «Дисциплина, режим, наказания и поощрения» для работников Наркомпроса РСФСР мы обнаруживаем важнейшие советские максимы и утверждения. Проведем выборку высказываний и постараемся понять их обоснование в контексте доказательств: «дисциплина есть свобода... – Это полная защищенность, полная уверенность в своем праве, путях и возможностях именно для каждой отдельной личности», «интересы коллектива выше интересов личности», «дисциплина украшает коллектив... Нужно, чтобы красота дисциплины вытекала из ее сущности». Ссылки на эти тезисы введем в контексте, а сейчас приведем «последнее теоретическое общее положение о дисциплине, которое я считал необходимым своим воспитанникам предлагать как можно чаще в простой форме, доступной для детского понимания» [5, с. 129–160].

На наш взгляд, это сильные тезисы, перебивающие антигуманизм и имморализм формул Ф. Ницше. Получается, что дисциплина освобождает, однако каждый человек имеет право понимать дисциплину по-своему, не по А. С. Макаренко. Сам А. С. Макаренко понимал дисциплину так, как он написал и как он действовал в соответствии со своим пониманием в колонии и коммуне. Это дисциплина подлинного коллективизма, и она работала на формирование честных, трудолюбивых и созидательных личностей.

По итогам этого опыта сам А. С. Макаренко преподавал дисциплину как теорию этики. Вот что он говорил: «Возьмем вопрос о воров-

стве. Мы имеем возможность теорию честности, теорию отношения к вещам чужим, своим и государственным развить с бесконечной убедительностью, с очень строгой логикой, с большой внушаемостью, и вся конкретная теория поступков по отношению к вещам, теория запрещения воровства по своей убедительности и силе не имеет сравнения со старыми разглагольствованиями о том, что нельзя украсть, так как старая логика, что нельзя красть, а то бог накажет, мало кого убеждала. Она могла сотрясать представление о воровстве, но не действовать как торможение» [5, с. 133].

Обратим внимание на слово из физиологии высшей нервной деятельности, из того, чем занимался в это время В. М. Бехтерев – «торможение». Условный рефлекс и торможение рефлекса, сдержанность возбуждения – вот ключ к воспитанию дисциплины. Как писала советская поэтесса Л. Яшина в стихотворении «Учитесь властвовать собой...»: «Ах, как охота подлецу Наотмашь врезать по лицу! Не учинять же мордобой, – Учитесь властвовать собой!» [6]. Л. Ошанин в шутильной песне «Дважды два» из фильма 1964 г. «Жили-были старик со старухой» написал такие известные и ставшие народными строчки о сдержанности: «Заходя в кабинет, Говорите „Здрасьте“; Если вам ответят: „Нет!“ – Сдерживайте страсти» [7].

И далее А. С. Макаренко сообщает: «Сдержанность, уважение к женщине, к ребенку, к старику, уважение к себе, вся теория поступков, которые относятся к целому обществу или к коллективу, может быть предложена нашим ученикам в чрезвычайно убедительной и сильной форме... Я могу утверждать, что коллектив, перед которым такая теория морали излагается, несомненно воспримет все это, и в каждом отдельном случае каждый отдельный ученик и воспитанник сам для себя найдет какие-то обязательные формы и формулы морали. Я помню, как быстро и радостно возрождался мой коллектив в отдельных случаях и проблемах после единственной беседы на такую моральную тему. Целый ряд бесед, целый цикл таких бесед производил просто большое философское оздоровление в моем коллективе» [4, с. 133].

Замечательные слова – «философское оздоровление»! Оказывается, здоровая материалистическая философия в отличие от нигилистической философии Ф. Ницше игры различий и повторений не убивает надежду, а оздоравливает общество. Эта та оппозиция и выбор либо

советской этики любви, либо западной метафизики своеволия, которые описал в перестройку как тревогу реформируемого социалистического общества философ Ю. Н. Давыдов [8].

У А. С. Макаренко встает вопрос обоснования и вывода следствий из аксиом нашей жизни, и автор сообщает: «Я пришел к следующему списку общих моральных положений. Прежде всего дисциплина как форма нашего политического и нравственного благополучия, дисциплина должна требоваться от коллектива... Дисциплина в коллективе – это полная защищенность, полная уверенность в своем праве, путях и возможностях именно для каждой отдельной личности. Конечно, в нашей общественной жизни, в нашей советской истории очень много можно найти доказательств этого положения, и сама наша революция, само наше общество является подтверждением этого закона. Мы для того и сделали революцию, чтобы личность была свободна, но форма нашего общества – это дисциплина» [4, с. 133–134].

Получается, что форма, выражающая содержание нашего общества – это дисциплина. Категории диалектики – форма и содержание в отличие от категорий сущность и явление (сущность является, а явление существенно) связаны так: содержание формально, а форма содержательна. И именно поэтому А. С. Макаренко выделяет третий пункт своего морального теоретического утверждения: «Третий пункт морального теоретического утверждения, который должен быть предложен коллективу и всегда быть ему известен и всегда направлять его на борьбу за дисциплинированность, это такой: интересы коллектива выше интересов личности. Казалось бы вполне понятная для нас, советских граждан, теорема. Однако на практике она далеко непонятна очень многим интеллигентным, образованным, культурным и даже социально культурным людям. Мы утверждаем, что интересы коллектива стоят выше интересов личности» [4, с. 135].

Мы помним постоянно проговариваемую учителями советской школы 60 гг. фразу, произносимую в ответ на пожелание учеников и выпячивание своего «Я»: «Я – последняя буква в алфавите». После этого выражения крыть было нечем и дискуссии завершались. Автор статьи с сайта «О жизни слов. Этимология и история русского языка» уточняет по поводу этого выражения: «Многие думают, что эта поговорка относительно новая и появилась в XX веке, точнее говоря, при советской власти... Однако это выражение появилось задолго до совет-

ской эпохи. Мало кто знает, что оно существовало по крайней мере с середины XIX столетия. Его приводит В. И. Даль в своем сборнике „Пословицы русского народа“ (1862), только в несколько иной форме: я – последнее слово в азбуке» [9].

Получается, что советская эпоха внесла новые смыслы не только в язык и в правописание, но и в употребление пословиц и поговорок, дисциплинирующих человека коллектива. В коллективе и дисциплине человек обретает свободу и интересы коллектива выше интересов личности. Чтобы это не выглядело догматично и формально как бессмысленное подчинение общей для всех дисциплине, использовалось выражение – «В борьбе обрешь ты право свое». Этот лозунг был присвоен партией эсеров, однако он использовался тремя поколениями освободительного движения в России и смысл его заключается в том, что без борьбы не достичь политических прав и свобод. Напомним, что в «Исповеди» К. Маркса – анкете, которая была заполнена по просьбе младшей дочери, вопросы и ответы были показательны: «Ваше представление о счастье. Борьба. О несчастье. Подчинение. Ваше любимое изречение. *Nihil humani a me alienum puto*. Ничто человеческое мне не чуждо Ваш любимый девиз. *De omnibus dubitandum*. Подвергай все сомнению» [10, с. 492]. Несомненно, А. С. Макаренко был не просто педагог-новатор, но диалектик-материалист.

Список использованной литературы

1. Встреча с лауреатами и финалистами конкурса «Учитель года России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66859>
2. Указ Президента Российской Федерации от 27.06.2022 г. № 401 «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47958> Год педагога и наставника 2023 г.
3. Открытие Года педагога и наставника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/70627>
4. Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии, 1933–1945. – М.: Политиздат, 1988. – 413 с.
5. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1951. т. 5. – 515 с.
6. Яшина Л. «Учитесь властвовать собой...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stihi.ru/2013/07/28/9467>

7. Ошанин Л. Дважды два [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/2271/song/>
8. Давыдов Ю. Н. Этика любви и метафизика своеволия: проблемы нравственной философии. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 317 с.
9. «Я – последняя буква алфавита» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus-et.ru/istoriya-yazyka/frazeologiya/ya-poslednyaya-bukva-v-alfavite>
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., М.: ГИПЛ, 1963. т. 31. – 731 с.

3.5. Личность и общество: ПРОИСХОЖДЕНИЕ СВОБОДЫ В БУРЖУАЗНОМ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТАХ

Классическая тема марксистской социальной философии – исторического материализма формулировалась как «личность и общество», однако только советский педагог-новатор А. С. Макаренко сумел развить эту тематику через научное представление о месте коллектива в обществе. Он решал проблему отношения личности и общества применительно к полноте жизни и полноте счастья в социалистическом и капиталистическом социальных контекстах, то есть в разных обществах. И решал он ее в год принятия Сталинской конституции 1936 г. А. С. Макаренко связал социальную практику с теорией – практику созидания нового общества с проблемой личности и общества, поскольку только с появлением этого общества стало возможно говорить о решении проблемы «общество и личность». Социальная практика социалистического общества решила извечную проблему человечества – проблему связи, противоречия и антагонизмов личности и общества в различных обществах и их социальных контекстах.

Классическая тема марксистской социальной философии – исторического материализма всегда формулировалась как «личность и общество». Тема выросла из проблематики домарксистского метафизического материализма «О роли личности в истории», «Великая личность и общество». В историческом материализме «личность и общество» рассматривается через понимание общественно-исторической сущности человека и рассмотрение методологических принципов определения личности. Тематика предполагает также рассмотрение биологического и социального в индивидуальном развитии человека, а также изучение социальной структуры общества в связи с типологией личности. Такой анализ завершается синтетическим рассмотрением проблемы связи социальной среды и личности. Сошлемся на структуру одного из классических учебников по историческому материализму [1, с. 334].

В учебной программе 1987 г. курса марксистско-ленинской философии для вузов как мировоззрения эпохи развитого социализма тематика выглядит по-иному. Тема 16 называется так: «Источники и движущие силы развития общества. Роль народных масс и личности в истории» [2, с. 21]. Соответствующий раздел темы сформулирован

крайне скупо: «Роль личности в историческом развитии. Выдающиеся личности и народные массы» [2, с. 22].

Французский марксист Л. Сэв в фундаментальной работе «Марксизм и теории личности» раскрывает проблематику личности через типологию поведения человека и временные траектории деятельности личности [3]. Однако, только советский педагог-новатор А. С. Макаренко сумел развить эту тематику через научное представление о месте коллектива в обществе. После гибели социализма в СССР эту тематику применительно к западной цивилизации развивал А. А. Зиновьев, который сумел определить западного массового индивидуалиста как «западоида» [4].

А. С. Макаренко обнаружил в 30 гг., что «Коллектив – это социальный организм в здоровом человеческом обществе. Такой организм невозможно представить в мешанине буржуазного мира. Тем более невозможно представить себе „общество“ в нашем понимании этого термина. Кое-как мы еще справляемся с такими представлениями, о которых слышим из-за границы; „двор“, „свет“, „аристократия“, „высшие круги“, „средние круги“, „низшие круги“, „простонародье“, „чернь“. К какому из этих подразделений можно присоединить термин „общество“? В каких комических ансамблях, в каких шутках можно смешать все эти элементы и назвать эту взрывчатую смесь обществом? И тем более: в порядке какого легкомысленного чудачества можно мечтать о счастье для такого „общества“ в целом? А ведь все-таки мечтают люди и на Западе. Мечтают о счастье, говорят о нем и обещают его приготовить в ближайшее время. Даже Генри Форд однажды занялся этим делом, у него это вышло не очень глупо. В одной из своих книг он сказал приблизительно так: при помощи законодательства нельзя принести человечеству счастье; его принесет конструктивное творчество... Разумеется, мистер Форд швырнул камень в наш огород. Нашу революцию он назвал законодательством, безнадежной попыткой принести счастье людям. Счастье принесет, мол, сам Форд, „замечательный“ конструктор на своих собственных „замечательных“ заводах. В первую очередь счастье получают, конечно, не рабочие заводов Форда, а покупатели его автомобилей. Автомобиль – это счастье. Из творчества мистера Форда, однако, ничего путного не вышло. Во время кризиса тысячи личностей разъезжали на прекрасных машинах по прекрасным дорогам и выпрашивали милостыню у других личностей» [5, с. 16–17].

А. С. Макаренко решал проблему отношения личности и общества применительно к полноте жизни и полноте счастья в социалистическом и капиталистическом социальных контекстах, то есть в разных обществах. И решал он эту проблему в год принятия Советской конституции 1936 г. – Сталинской конституции: «Сталинская Конституция – единственный в мировой истории документ, имеющий характер исторического паспорта величайшего создания: нового человеческого общества. И только с появлением этого общества стало возможно говорить о решении проблемы „общество и личность“. Эта проблема решена не в горячей проповеди, не в призывах, не в порядке постановки принципов, а исключительно в процессе грандиозной революционной творческой работы, создавшей конструкцию, продуманную до мелочей и сделанную с точностью до мельчайших величин. И это общество – настолько новое, настолько принципиально новое явление, что совершенно невозможно никакое сравнение его с буржуазным миром. Детали этого явления недоступны и непонятны для западных мудрецов, ибо этих деталей никогда не было в их жалком опыте» [5, с. 18].

Он связывает социальную практику с теорией – практику созидания нового общества с проблемой личности и общества: «И только с появлением этого общества стало возможно говорить о решении проблемы „общество и личность“. Эта проблема решена не в горячей проповеди, не в призывах, не в порядке постановки принципов, а исключительно в процессе грандиозной революционной творческой работы, создавшей конструкцию, продуманную до мелочей и сделанную с точностью до мельчайших величин. И это общество – настолько новое, настолько принципиально новое явление, что совершенно невозможно никакое сравнение его с буржуазным миром. Детали этого явления недоступны и непонятны для западных мудрецов, ибо этих деталей никогда не было в их жалком опыте. К примеру возьмем вопрос о единой и единственной у нас коммунистической партии. Для нас это так убедительно и просто: только единая партия большевиков, передовой отряд рабочего класса и всех трудящихся, способна к наиболее яркому, эффективному и экономному социалистическому творчеству. Она гениально задумана, гениально организована, счастливо соответствует всей структуре общества. Западным мудрецам трудно понять такие вещи» [5, с. 18].

До сих и в новом столетии западных мудрецам невозможно понять глубинные традиционные устои российского общества: «Как раз дисциплина отличает общество от анархии, как раз дисциплина определяет свободу. „Кто не работает, тот не ест“. Эта простая и короткая строчка отражает строгую и крепкую систему социалистической общественной дисциплины, без которой не может быть общества и не может быть свободы личности. Проблему „общество и личность“ буржуазные идеологи связывают с амплитудой колебания личного поступка. Старые законы этого колебания были уже потому порочны, что они были нереальны. Величина колебания в буржуазных конституциях устанавливается для личности, мыслимой идеально, вырванной из общества, абстрагированной. Для такой личности ничто не мешало установить очень широкую амплитуду колебания в области поступка: свобода „употреблять и злоупотреблять“, свобода трудиться или лежать на боку, свобода пировать или умереть с голоду, свобода жить в лачуге или во дворце. Ничего не жалко, все можно разрешить личности – действительно широчайшие „просторы“. Но все это для абстрактной личности. Настоящая, живая, реальная личность, живущая под ярмом буржуазного „общества“, в подавляющем большинстве случаев имела очень маленькую и жалкую амплитуду поступка: от страха голодной смерти, с одной стороны, до бессильного гнева, – с другой» [5, с. 19].

Советский педагог в соответствии с устоями нашей жизни обнаруживает размах свободы в нашем обществе в полном соответствии с «Песней о Родине»: «Широка страна моя родная, Много в ней лесов, полей и рек! Я другой такой страны не знаю, Где так вольно дышит человек» [6]. Сегодня эта песня для закредитованных российских обывателей – жертв рынка выглядит полным анахронизмом.

Однако столетие назад советский педагог писал: «В нашем обществе обозначены пределы, дальше которых не может размахнуться личность, какой бы гомерической жадностью она ни обладала. Недра, поля, леса в личную собственность? – Нельзя! Они принадлежат всему народу... Ничего не делать? – Нельзя! „Кто не работает, тот не ест“... Для эксплуататора, для какого-нибудь такого „сверхчеловека“ действительно скучно, податься некуда! Зато для реального, живого гражданина нашей страны, для трудящегося амплитуда колебаний поступка очень велика: от радостного, сознательного творческого

труда в полном единстве с трудом других людей, с одной стороны, до полнокровного, жизненного счастья, не отравленного никакой обособленностью, никакими муками совести, – с другой. Личность и общество в Советском Союзе потому счастливы, что их отношения сконструированы с гениальным разумом, с высочайшей честностью, с великолепной точностью. И хотя в нашей Конституции нигде не стоит слово „любовь“, но за всю историю людей в ней впервые реально поставлено слово „Человек“» [5, с. 20]. Итак, социальная практика социалистического общества решила извечную проблему человечества – проблему связи, противоречия и антагонизмов личности и общества в различных обществах и их социальных контекстах.

Список использованной литературы

1. Исторический материализм. Учебное пособие. Под ред. А. П. Шептулина и В. И. Разина. М.: Высшая школа, 1974. – 336 с.
2. Программа курса марксистско-ленинской философии для высших учебных заведений. М.: Высшая школа, 1987. – 32 с.
3. Сэв Л. Марксизм и теория личности. М.: Прогресс, 1972. – 582 с.
4. Зиновьев А. А. Запад. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. – 507 с.
5. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1952. т. 7. – 578 с.
6. Василий Лебедев-Кумач Песня о Родине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.culture.ru/poems/48212/pesnya-o-rodine?ysclid=lgg_sckfayc139092469

Глава 4. ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА И ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ КАДРОВ

4.1. НЕОБХОДИМОСТЬ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ КАДРОВ: ПЕДАГОГИКА А. С. МАКАРЕНКО И НАШЕ ВРЕМЯ

Специалистам с высшим образованием нужна высшая, системная логика в условиях, когда жизнь ставит под вопрос возможности формальной логики. В нашей стране был пример применения диалектической логики на практике: на ней основывался диалектический метод воспитания А. С. Макаренко и он призывал работников системы народного образования к изучению диалектической логики, к внедрению ее в учебный процесс. В вузах страны сегодня диалектическая логика не преподается, философам преподают формальную логику с элементами математической, которая отвлекается от содержания мыслей. Целесообразнее для развитого общества ориентировать студентов на высшую, или диалектическую логику, обучающую молодых людей и системному мышлению, правилам борьбы с систематизированной ложью в форме софистики и эклектики. Пока таким универсальным предметом с 2023 г. вводится курс «Основы российской государственности», однако для его преподавания необходима диалектическая логика.

Специалисту с высшим образованием нужна не только низшая элементарная логика, но и высшая, системная в силу того, что специалист пользуется образами и понятиями и его мышление носит абстрактный характер. Такое мышление восходит от абстрактного к конкретному, насыщенному абстракцией. «В условиях научно-технической революции, – отмечает автор современного учебника по формальной логике, – когда науки переходят на новые, более глубокие уровни познания и когда возрастает роль диалектического мышления, потребность в диалектической логике все более усиливается» [1, с. 33].

Жизнь ставит всегда под вопрос выводы и возможности формальной логики. Л. Н. Толстой в «Смерти Ивана Ильича» это блестяще продемонстрировал, а А. А. Иван в своем широко известном учебнике «Логика» был вынужден обнародовать недостаточность низшей ло-

гики. Вынужден, потому что россияне унаследовали советскую образованность и русский вдумчивый характер: «Иван Ильич понимал, что он умирает, и постоянно был в отчаянии. В мучительных поисках какого-нибудь просвета он ухватился даже за старую свою мысль, что правила логики, верные всегда и для всех, к нему самому неприменимы. „Тот пример умозаключения, которому он учился в логике: Кай – человек, люди смертны, потому Кай смертен, казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему. То был Кай – человек, вообще человек, и это было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек, а он всегда был совсем, совсем особенное от всех других существо... И Кай точно смертен, и ему правильно умирать, но мне, Ване, Ивану Ильичу, со всеми моими чувствами, мыслями, – мне это другое дело. И не может быть, чтобы мне следовало умирать. Это было бы слишком ужасно“.

Ход мыслей Ивана Ильича продиктован, конечно, охватившим его отчаянием. Только оно способно заставить предположить, что верное всегда и для всех окажется вдруг неприменимым в конкретный момент к определенному человеку. В уме, не охваченном ужасом, такое предположение не может даже возникнуть. Как бы ни были нежелательны следствия наших рассуждений, они должны быть приняты, если приняты исходные посылки. Только в этом случае мы вправе назвать наше мышление „последовательным“ или „логичным“» [2, с. 8].

В нашей стране уже был пример применения диалектической логики на практике: на ней основывался диалектический метод воспитания А. С. Макаренко. Он умел лжецов делать борцами против лжи, воров – борцами против воровства. Выдвигая на первый план диалектическую логику, он критиковал формальную логику Аристотеля с её дедукцией и твердыми силлогизмами. А. С. Макаренко призывал работников системы народного образования к изучению диалектической логики, к внедрению ее в учебный процесс. «У этих людей гипертрофия силлогизма. Это средство хорошо, это плохо, следовательно, нужно всегда употреблять первое средство. Сколько нужно времени, чтобы научить их диалектической логике? – писал он в „Педагогической поэме“ о руководителях социального воспитания от Министерства просвещения. – Как им доказать, что моя работа состоит из непрерывного ряда операций, более или менее длительных, иногда растягивающихся на целые годы и при этом всегда имеющих

характер коллизий, в которых интересы коллектива и отдельных лиц запутаны в сложные узлы. Как их убедить, что за семь лет моей работы в колонии не было двух случаев, совершенно схожих?» [3, с. 612–613].

А. С. Макаренко на своем примере эффективного перевоспитания в колонии и коммуне тысяч бывших воров и жуликов в борцов против воровства и жульничества доказал, что диалектическая логика нужна всем советским педагогам и чекистам, желающим создать борцов против старого общества. Тем самым А. С. Макаренко практически доказал, что честные, трудолюбивые новые кадры воспитываются лишь на основе высшей, диалектической логики. А как известно при построении социализма «кадры решают все». В выступлении перед выпускниками военных академий И. В. Сталин уточнил свои прежние выражения о кадрах. В оригинале это звучало так: «Раньше мы говорили, что „техника решает все“. Этот лозунг помог нам в том отношении, что мы ликвидировали голод в области техники и создали широчайшую техническую базу во всех отраслях деятельности для вооружения наших людей первоклассной техникой. Это очень хорошо. Но этого далеко и далеко недостаточно.

Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства.

Техника без людей, овладевших техникой, мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса. Если бы на наших первоклассных заводах и фабриках, в наших колхозах и совхозах, в нашей Красной Армии имелось достаточное количество кадров, способных оседлать эту технику, страна наша получила бы эффекта втрое и вчетверо больше, чем она теперь имеет. Вот почему упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой.

Вот почему старый лозунг „техника решает все“, являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что „кадры решают все“. В этом теперь главное». «Кадры решают все» [4].

К сожалению, в вузах страны диалектическая логика не преподается. Философам преподают формальную логику с элементами математической, которая отвлекается от содержания мыслей. «Логика, – пишет А. Л. Никифоров, – интересуется лишь *форма* наших мыслей,

но не их содержание» [5, с. 11]. Автор пишет, что логику интересуют сосуды, куда налиты водка, виски, коньяк, и потому, по его меткому сравнению, изучаются формы – «бутылки, ведра, бочки», очевидно, в стиле сравнений из «Горе от ума»: «Шампанское стаканами тянул... Бутылками – с, и пребольшими... Нет – с, бочками сороковыми» [6].

Тут чисто профессорский подход нашего коллеги, которого мы наблюдали на конференциях за изучением форм для жидкостей. Такая логика, по нашему мнению, не может отличить истину от лжи, а нам нужна логика, направленная против всяких заблуждений в том числе и против системной лжи.

О. А. Жегздрина в статье «О преподавании логики в высшей школе» пишет: «Наши формальные логики ссылаются на Р. Декарта, у которого „разум... освобождается от пронизательного и внимательно-го рассмотрения предметов“; на Д. Гильберта, который предлагает „построить некоторую формальную систему, которая позволяла бы вывести из нее по строго определенным правилам основное содержание математики“; на Л. Кэррола, который отрицает частно-утвердительные суждения; на Г. Фреге, который предлагает идею построения исчисления, изучающего только чистые мысли. Все это уводит в сторону от содержательной логики Гегеля – Маркса и всего того положительного, что дал нам опыт А. С. Макаренко» [7, с. 63].

Автор продолжает мысль в части претензии к формальной логике и ее недостаточности для жизни: «Математическое направление развития логики, конечно, имеет позитивное значение. Однако эту отрасль дедуктивной логики нельзя считать предметом, знание которого необходимо всем и каждому. Отнюдь не во всех профессиях используется кодирование и декодирование мыслей» [7, с. 63].

В свете сказанного целесообразнее для развитого социалистического общества было бы ориентировать студентов на высшую, то есть системную, или диалектическую логику, обучающую молодых людей и системному мышлению, и правилам борьбы с систематизированной ложью в форме софистики и эклектики. Высшую логику, следовательно, имеет смысл преподавать не только в вузах, но и в старших классах школ. Пока таким универсальным предметом с 2023 г. вводится курс «Основы российской государственности», который заменит идеологию в условиях ее конституционного запрета в стране, однако для его преподавания необходима диалектическая логика.

В школах также ожидаются изменения – вводится новый учебник истории для 11 класса: «Министр просвещения Сергей Кравцов рассказал президенту Владимиру Путину о новом учебнике истории для 11-го класса, по которому школьники начнут учиться с 1 сентября. По его словам, учебник был подготовлен „в кратчайшие сроки“ при участии помощника президента Владимира Мединского, а также ректора МГИМО Анатолия Торкунова и историка Александра Чубарьяна. „Учебник успешно прошел апробацию, буквально на прошлой неделе был включен в федеральный перечень. <...> Отмечу, что уже с 1 сентября этого года все одиннадцатиклассники страны, а это 650 тыс. школьников, будут учиться по учебнику новейшей истории“, – сказал Сергей Кравцов во время совещания Владимира Путина с членами правительства.

Министр также отметил, что начиная с нового учебного года школы будут преподавать историю по единой программе. «Отмечу, что ранее школы или даже учитель мог преподавать по лично разработанной программе, что приводило к многообразию преподавания и интерпретации истории и перекосу преподавания тех или иных тем», – рассказал он» [8].

Список использованной литературы

1. Иванов Е. А. Логика: учебник для студентов юридических вузов и факультетов. – М.: Издательство БЕК, 1998. – 309 с.
2. Ивин А. А. Логика: Учеб. пособие для студентов вузов М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство „Мир и Образование“, 2008. – 336 с.
3. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1950. т. 1. – 770 с.
4. Оригинал выступления Сталина перед выпускниками военных академий в 1935 году https://hr-academy.ru/to_help_article.php?id=204
5. Никифоров А. Л. Общедоступная и увлекательная книга по логике, содержащая объемное и системное изложение этой науки профессором философии и логики. М.: Гнозис, 1995. – 224 с.
6. Александр Грибоедов. Горе от ума [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.livelib.ru/book/264681/read-gore-ot-uma-aleksandr-griboedov/~48
7. Жегздрина О. А. О преподавании логики в высшей школе // Макаренко и мы. Санкт-Петербург, 2000. с. 62–63.
8. Мотызлевская П. Школьники будут учить истории по написанному «в кратчайшие сроки» при участии Мединского учебнику [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6137473>

4.2. ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ И ЗАКОНЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Законы природы и законы общества жестко разграничиваются тем, что вторые реализуются в деятельности людей, проходят через их волю и сознание или не проходят через волю и сознание и тогда в качестве социальной материи определяют общественное сознание. При изучении индивидуальной траектории развития личности А. С. Макаренко вскрыл законы формирования и развития личности. Он нашел условия, при которых отступившие от общественных законов, обязательно превращаются в борцов за соблюдение этих законов. Этот закон превращения преступника в борца против преступности при применении метода воспитания А. С. Макаренко воплощается в жизнь с необходимостью и обязательно приводит к нужным результатам. Управление законами природы и общества представляет длительный исторический процесс, требующий борьбы против волюнтаризма, склонного не замечать стихийные моменты и против фатализма, склонного их переоценивать и идти у них на поводу. Возрастание степени господства над социальными силами предполагает достижение социалистическим обществом все более высоких степеней зрелости и прогресс в осуществлении обществом власти над самой собой, а значит и над природой.

В истории и философии науки законы природы и законы общества как правило жестко разграничиваются. Философы-идеалисты решают вопрос о разграничении просто как вопрос о различии научных методов – генерализирующих и индивидуализирующих в том смысле что при изучении природы следует обобщать явления и значит объяснять мир, а при изучении общества следует описывать уникальные события, которые нужно понимать. Генерализирующий и идеографический методы идут от неокантианства и вызывали всегда насмешки и недоумение у философов-марксистов [1, с. 259].

Действительно, законы природы и законы общества отличаются только тем, что вторые реализуются в деятельности людей, проходят через их волю и сознание или не проходят через волю и сознание и тогда в качестве социальной материи определяют общественное сознание.

Однако в истории экспериментальной науки понятие о законах применялось в основном к открытиям в естествознании, о которых знают школьники – законы Архимеда, Кеплера, Ньютона, Фарадея, Менделеева, Дарвина и т. д. В практическом обществознании – в педагогике, экспериментальной психологии понятие закона примени-

мо и к общественной жизни, и к мышлению. Правда, часто говорят о «железных законах» – народонаселения, накопления, снижения нормы прибыли и т. п. Железный характер законов связан с тем, что они обнаруживаются при массовом проявлении. Однако при изучении индивидуальной траектории развития личности именно А. С. Макаренко вскрыл законы формирования и развития личности.

К. А. Камелин, руководитель секции студенческой научной конференции «Макаренко и мы» писал: «Он установил закон превращения личности, отступившей от норм общежития и правовых законов, в личность, утверждающую общественные нормы и правовые законы. Он открыл условия, при которых малолетние преступники добровольно отказываются от преступной деятельности и становятся борцами против преступлений – полноценными гражданами своей страны. За 16 лет работы А. С. Макаренко перевоспитал более трех тысяч малолетних преступников. Его метод работал безотказно, его опыт может быть образцом для современной начальной, средней и высшей школы, которая пока еще этого опыта почти не знает, а если и знает, то в должной мере им не пользуется.

Для нас важно показать, что педагогические отношения бывают случайные и закономерные. Если известно, при каких условиях „А“ превращается в „Б“ обязательно, всегда, необходимо, то нам известен закон этого превращения. Сколько бы раз эти условия ни повторялись, процесс будет протекать с необходимостью» [2, с. 66].

А. С. Макаренко нашел условия, при которых юноши и девушки, отступившие от российских законов, обязательно превращаются в активных борцов за соблюдение этих законов. закон превращения преступника в борца против преступности. Метод воспитания А. С. Макаренко действует как закон. Он воплощается в жизнь с необходимостью, то есть обязательно приводит к нужным нам, желательным для нас, положительным результатам.

А. С. Макаренко писал в работе «Проблема советского школьного воспитания» во второй лекции «Дисциплина, режим, наказания и поощрения» о самом кратком изложении своего метода: «Если бы кто-нибудь спросил, как бы я мог в краткой формуле определить сущность моего педагогического опыта, я бы ответил, что как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему. Я убежден, что эта формула есть формула вообще советской

дисциплины, есть формула вообще нашего общества. От буржуазного общества наше общество отличается именно тем, что мы к человеку предъявляем гораздо большие требования, чем буржуазное общество, и наши требования шире по объему. В буржуазном обществе можно открыть лавочку, можно эксплуатировать, спекулировать, быть рантье и жить на проценты. Там предъявляется гораздо меньше требований, чем у нас.

У нас к личности предъявляются глубокие, основательные и общие требования, но, с другой стороны, мы оказываем личности необыкновенно большое, принципиально отличное уважение. Это соединение требований к личности и уважения к ней – не две разные вещи, а одно и то же. И наши требования, предъявляемые к личности, выражают и уважение к ее силам и возможностям, и в нашем уважении предъявляются в то же самое время и требования наши к личности. Это уважение не к чему-то внешнему, вне общества стоящему, к приятному и красивому. Это уважение к товарищам, участвовавшим в нашем общем труде, в нашей общей работе, это уважение к деятелю» [3, с. 144–145].

Закон, по определению «Философской энциклопедии», – «это необходимая, внутренне присущая природе явлений реального мира тенденция изменения, движения, развития, определяющая общие этапы и формы процесса становления и самоорганизации конкретных развивающихся систем явлений природы, общества и духовной культуры человечества» [4, с. 149] По определению В. И. Ленина, «„Таким образом, закон, есть существенное отношение“ (курсив Гегеля). Закон есть отношение. Сие NB для махистов и прочих агностиков и для кантианцев etc. Отношение сущностей или между сущностями» [5, с. 138].

Пролетарская революция, совершаемая на основе научного отражения интересов пролетариата и всех трудящихся, превращает средства производства в общественную собственность и кладет начало планомерному развитию хозяйства в интересах самих производителей материальных благ. В категориях свободы и необходимости социалистическое преобразование общества Ф. Энгельс выразил следующим образом: «Законы их собственных общественных действий, противостоящие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству... И только

с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей степени и те следствия, которых они желают. Это и есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» [6, с. 294–295].

Далее Ф. Энгельс пишет: «Совершить этот освобождающий мир подвиг – таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с тем и самое природу этого переворота и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела – такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения» [6, с. 295].

Мы подчеркнули слова, в которых Энгельс выразил свое мнение насчет постепенности преодоления стихийного фактора после того, как коренное условие покорения социальных сил выполнено, т. е. собственность на основные средства производства и государственная власть переходят в руки народа. Ту же мысль насчет покорения общественных сил Энгельс выразил и иными словами: «Но раз мы познали их, поняли их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с их помощью достигать наших целей» [6, с. 290]. Далее он пишет: «Это в особенности относится к современным могучим производительным силам. Пока мы упорно отказываемся понимать их природу и характер, – а этому пониманию противятся капиталистический способ производства и его защитники, – до тех пор производительные силы действуют вопреки нам, против нас, до тех пор они властвуют над нами, как это подробно показано выше. Но раз понята их природа, они могут превратиться в руках ассоциированных производителей из демонических повелителей в покорных слуг. Здесь та же разница, что между разрушительной силой электричества в грозовой молнии и укрощенным электричеством в телеграфном аппарате и дуговой лампе, та же разница, что между пожаром и огнем, действующим на службе человека.

Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их познанной, наконец, природой, общественная анархия в производстве заменится общественно планомерным регулированием производства сообразно потребностям как общества

в целом, так и каждого его члена в отдельности. Тогда капиталистический способ присвоения, при котором продукт поработает сперва производителя, а затем и присвоителя, будет заменен новым способом присвоения продуктов, основанным на самой природе современных средств производства: с одной стороны, прямым общественным присвоением продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства, а с другой – прямым индивидуальным присвоением их в качестве средств к жизни и наслаждению» [6, с. 290–291].

Для Ф. Энгельса, таким образом, не подлежит сомнению, что в процессе строительства социализма и в его дальнейшем развитии к коммунизму степень свободы возрастает постепенно, вместе со степенью зрелости нового общества. Видный советский философ М. Н. Руткевич в книге «Актуальные проблемы ленинской теории отражения» пишет: «Если в философской литературе преуменьшались моменты стихийности, то в экономической и юридической литературе конца 40-х – начала 50-х годов проводилась мысль о том, что социалистическое государство может „формировать“ экономические законы. Эти воззрения были подвергнуты справедливой критике в экономической дискуссии 1950–1952 годов, которая, по существу, завершилась выходом в свет труда И. В. Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“. Сталин подверг справедливой и обоснованной критике представления о том, что объективные экономические законы и отображающие их объективные (по содержанию) законы науки в условиях социализма могут быть „изменены“, „отменены“, „сформированы“ и т. д. и т. п. В этом же труде в связи с критикой субъективизма Сталин дал свою трактовку внутреннего механизма использования законов природы и экономического развития, которая оказала известное влияние на философскую мысль» [7, с. 215].

Получается, что возрастание степени господства над социальными силами представляет длительный исторический процесс, требующий борьбы против волюнтаризма, склонного не замечать стихийные моменты и против фатализма, склонного их переоценивать и идти у них на поводу. Развитие социалистического общества предполагало достижение им все более высоких степеней зрелости и прогресс в осуществлении обществом власти над самим собой, а значит и над природой.

Список использованной литературы

1. Голубинцев В. О., Данцев А. А., Любченко В. С. *Философия науки*. Ростов-на-Дону: Феникс. 2007. – 541 с.
2. Камелин К. А. Вступление... Понятие о законах процесса воспитания // Макаренко и мы. Санкт-Петербург, 2000. с. 65–66.
3. Макаренко А. С. *Сочинения*. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1951. т. 5. – 515 с.
4. *Философская энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия, 1962. т. 2. 576 с.
5. Ленин В. И. *Поли. собр. соч.*, М.: ИПЛ, 1969. т. 29. – 782 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, М.: ИПЛ, 1961. т. 20. – 858 с.
7. Руткевич М. Н. *Актуальные проблемы ленинской теории отражения*. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970. – 234 с.

4.3. СЧАСТЬЕ В ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ

Счастье советского человека было столь велико, что могло быть объяснено не только социальными причинами победы трудящихся, но даже химически и биологически. Однако поскольку первичны социальные отношения и связи, то анатомия и физиология, психология и химия жизненных процессов задаются высшей формой движения материи – социальной. Советское счастье молодое советское искусство еще не умело изображать. Счастье в Советском Союзе не могло быть фрагментарным, оно охватывало все сферы общественной жизни человека, но эксплуататорам счастье не полагалось. Законы советского счастья требуют пристального изучения в условиях утраты советского счастья в реальности. В сознании современников возникло антисоветское искаженное отражение реальности, которое в народе и у патристических публицистов получило название «демшиза». Но и носители научного мировоззрения живут практической жизнью и сами попадают в ситуацию демшизы, только несчастной патристической шизы.

Счастье советского человека столь велико, что может быть объяснено не только социальными причинами первой в истории победы трудящихся, но даже химически и биологически. Однако первичны социальные отношения и связи. Сущность человека задана историческими условиями. Однако, если по К. Марксу сущность человека есть совокупность общественных отношений, то при философско-антропологическом подходе к человеку, столь распространенному ныне, человек понимается как высшее и совершеннейшее произведение природы. С позиций материалистического понимания истории из людей получаются различные исторические типы личности в зависимости от того, в какие социально-экономические связи они включены. И поскольку сущность людей социальна, она определяется только характером общественных отношений, но не анатомией, физиологией и психологией. Однако и анатомия, и физиология, и психология, и даже химия и биология жизненных процессов задаются высшей формой движения материи – социальной.

А. Коршунов пишет в статье «Какое это было счастье – жить в Советском Союзе! И вот почему!»: «Для человеческого счастья нужны лишь четыре составляющие. И это не какие-нибудь материальные ценности – они всего лишь инструмент для получения того, что мы

называем счастьем. Дело в том, что всё происходящее в нас – обыкновенные химические процессы. Любой эндокринолог вам скажет, что положительные эмоции невозможны без участия гормонов. А вот стресс, депрессия, тоска и прочие негативные явления зачастую возникают из-за того, что блокируется выработка четырёх составляющих человеческого счастья – дофамина, серотонина, окситоцина и эндорфинов. Именно по этой причине большинству из тех, кто застал Советский Союз в осознанном возрасте, почему-то кажется, что тогда и „трава была зеленее“, и „деревья были выше“, и „солнце светило ярче“.

И на самом деле это так – среднестатистический советский человек был намного счастливее среднестатистического современного россиянина. Вспомните наше детство. Большую часть свободного времени мы проводили на улице, во дворе. Играли в казаки-разбойники, вышибалы, классики, да мало ли каких игр мы могли придумать. А сбор металлолома, макулатуры, даже картошки, в конце концов! Всё это способствовало выработке серотонина, одного из гормонов счастья» [1].

Любопытно, что советское счастье как синтетический продукт высшей социальной формы движения материи при социализме не может быть охвачено и отражено средствами искусства и культуры. Советский педагог-диалектик и большевик А. С. Макаренко писал о нашем счастье: «Оно так велико, что наше молодое искусство еще не умеет его изображать, хотя оно, несомненно, должно составить самую достойную тему для художника. Ведь наше счастье уже в том, что мы не видим разжиревших пауков на наших улицах, не видим их чванства и жестокости, роскошных дворцов, экипажей и нарядов эксплуататоров, толпы прихлебателей, приказчиков и лакеев, всей этой отвратительной толпы паразитов второго сорта, не видим ограбленных, искалеченных злобой масс, не знаем беспробудных, безымянных биографий. Но счастье еще и в том, что и завтра мы не увидим их, счастье в просторах обеззараженных наших перспектив. Это – самое исключительное счастье, но мы уже привыкли к нему. Вот эта наша замечательная двадцатилетняя привычка, это – то самое здоровье, которого человек обычно не замечает. Но мы богаче даже этого замечательного богатства» [2, с. 34].

Увы, мы за последние тридцать лет в новой России демократического облика, входящей в так называемую мировую цивилизацию,

попали в буржуазное и феодальное общество и увидели на экранах и на улицах давно вышедшие в тираж образы буржуа и преступников, мошенников и аферистов. А. С. Макаренко далее пишет: «Двадцать лет Октября принесли нам не только свободу, но и плоды свободы. Мы научились быть счастливыми в том высочайшем смысле, когда счастьем можно гордиться. Мы научились быть счастливыми в работе, в творчестве, в победе, в борьбе. Мы познакомились с радостью человеческого единения без поправок и исключений, вызванных соседством богача. Мы научились быть счастливыми в знании, потому что знание перестало быть привилегией грабителей» [2, с. 34].

Счастье не может быть фрагментарным – оно всеобъемлюще и охватывает все сферы в первую очередь общественной жизни человека. Счастье – это не только обладание вещами и любовь к человеку. Счастье – это полнота чувств в обществе: «Мы научились быть счастливыми в отдыхе, потому что мы не видим рядом с собой праздности, захватившей монополию отдыха. Мы научились быть счастливыми в ощущении нашей страны, потому что теперь это страна наша, а не нашего хозяина. Мы знаем теперь, какая красота и радость заключаются в дисциплине, потому что наша дисциплина – это закон свободного движения, а не закон своеволия поработителей. В каждом нашем ощущении присутствует мысль о человеке и о человечестве, и наше счастье поэтому – не только явление общественное, но и историческое. И только поэтому оно освобождено от признаков тягостной случайности и эфемерности, оно никакого отношения не имеет к судьбе, этой старой своднице былых людских предназначений. Но наше счастье – это вовсе не подарок „провидения“ советскому гражданину. Оно завоевано в жестокой борьбе, и оно принадлежит только нам – искренним и прямым членам бесклассового общества. И поэтому оно приходит не к каждому, кому захочется поселиться на нашей территории.

Тому, кто умеет плавать только в мутной воде эксплуатации, счастья у нас не положено... Законы нашего советского счастья требуют пристального и глубокого изучения, но мы не беспокоимся по этому поводу, ибо, в отличие от всякого другого мира, наш закон общий, закон государственный есть, собственно говоря, закон о счастье. Остается нашей художественной литературе найти приемы и краски для изображения нашей жизни. Она это уже начала делать» [2, с. 34–35].

А. С. Макаренко отмечает, что в эксплуататорском обществе человек должен быть несчастным и угнетенным. Красивый и развитый человек представляет опасность для такого общества. В. Можегов в статье «Кто такие „мы“? о новой песне Ярослава Дронова (Шамана)» пишет: «А теперь пару слов о тех, против кого работает Шаман, и с кем нам ещё, видимо, долго придётся иметь дело. Несколько лет назад одна видная дама, представительница европейского театра, заявила: „Красивый человек на сцене – это фашизм“. Вот так просто, на голубом глазу. Красивый человек на сцене – это фашизм, а фашизм опасен. Красивый человек в кино – опасен. Красивый человек в жизни – опасен. Человек должен быть безобразен, мерзок и жалок – так видят бесы. Таким они хотят видеть мир.

И вот так, под знамёнами „борьбы с фашизмом“ они и уничтожают все красивое, честное, благородное в нашем мире. Они хотят для нас только больное, жалкое, нежизнеспособное. Почему? Зачем? Потому что „человек есть то, что он ест“. Затем, чтобы и мы стали жалкими, больными, нежизнеспособными. Чтобы мы стали наркоманами, отщепенцами, бродягами, чтобы возненавидели своих предков, свою страну, своих сограждан. Чтобы прокляли, в конце концов, самих себя, чтобы, наконец, умерли и уступили им своё жизненное пространство. Всё не так сложно в этом мире. Всё, на самом деле, достаточно просто. Очень просто.

Такое больное „искусство“ называли дегенеративным и м-р Трумэн, и товарищ Хрущёв. И многие другие трезвые люди, понимающие, с чем они на самом деле имеют дело» [3].

А. С. Макаренко высказывал эти мысли давно – в прошлом столетии, в 30 годы в Советском Союзе: «С испокон веков люди привыкли вести учет только бедственным явлениям жизни. Свои горести, болезни, падение, нищету, оскорбления и унижения, катастрофы и отчаяние люди давно научились подробно анализировать, до самых тонких деталей называть и определять. Это они умели делать и в жизни, умели делать и в литературе. Художественная литература прошлого, собственно говоря, и есть бухгалтерия человеческого горя. В то же время мы не можем назвать ни одной книги, в которой с такой же придиричливой добросовестностью, так же пристально, с таким же знанием дела разбиралось и показывалось человеческое счастье» [2, с. 32].

Утрата советского счастья в реальности и в сознании превратилось в иное искаженное отражение реальности. В народе и у патристических публицистов оно получило название «демшиза». Профессор из Комсомольска-на-Амуре Р. Л. Лившиц, друг и коллега автора настоящей книги, создал научную концепцию «демшизы» [4]. Патристический публицист из Уфы Р. Вахитов в самом сжатом виде так описывает эту концепцию: «Демшиза, по Лившицу, это не ругательство, а точный социологический термин, обозначающий известный общественный феномен. Речь идет о некоторой части наших демократов (в основном „первой волны“), страдающих тяжким помрачением сознания. Это выражается в неспособности их адекватно оценивать реальность, подверженности одиозным догмам, истеричности, неумении вести дискуссию с оппонентами и т. д., и т. п.» [5].

Автор полагает, что возвращение к научному пониманию общества возможно через преодоление морока демшизы: «Демшиза – порождение машины либерального агитпропа, ведь демшизики – бывшие советские люди, которым искусно подменили лозунги не лучших образцов советской пропаганды на не менее примитивные лозунги пропаганды антисоветской. В то же время демшизики и активные проводники в жизнь идей либерализма по-американски. Концепция демшизы – мощное оружие в руках патриотов, для того, чтобы победить врага, нужно ведь его изучить. И сам автор этой концепции – Р. Л. Лившиц показывает, каким образом она может начать практически работать в деле развенчивания либеральной пропаганды» [5].

Однако преодоление ложного сознания, победа правильной концепции еще не ведет к практическим преобразованиям. Люди живут практической жизнью в истории, удовлетворяют свои потребности, а потому победа верного научного мировоззрения не гарантирует полноту счастья не только у общества, но и у носителей самого мировоззрения. Именно потому оппозиционеры всегда мрачны, а их митинговая активность с годами падает – вспомним митинги оппозиции начала 90 гг. и современные встречи депутатов с гражданами на площадях. Почему так происходит? Потому что всегда побеждает практика жизни – при ипотеке не будешь радоваться. А. Коршунов подчеркивает: «любая вещь, взятая в кредит, в конечном итоге приносит меньше радости и счастья, поскольку радость человек испытывает лишь когда берёт в долг, а не когда по нему

расплачивается. А расплачиваются сейчас чуть ли не всю жизнь. Интересно, что до относительно недавнего времени, к ростовщикам обращались лишь в крайней нужде, а самих ростовщиков ненавидели. А разве сейчас ростовщики стали гуманнее и дают вам деньги, чтобы вы стали счастливее?

В эпоху разительного неравенства многие покупки делаются ради покупки, а поэтому радуют человека лишь короткое время, совершенно неспособное со временем, когда человек испытывает стресс и депрессию от нехватки денег. Кстати, дефицит денег намного негативнее влияет на уровень счастья, чем дефицит вещей, поскольку человек интуитивно чувствует, что удовлетворить потребность в первом случае практически нереально, а во втором, пусть и с небольшими трудностями, но практически всегда можно» [1].

Носители научного мировоззрения живут практической жизнью и сами попадают в ситуацию демшизы, только несчастной патристической ши́зы. При научном сознании общества они вынуждены сохранять свои депутатские оклады и статусные места в буржуазном государстве, даже отдавая месячную зарплату партии. Тем самым подтверждается правильность Марксова второго тезиса о Фейербахе: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос» [6, с. 2]. Напомним и восьмой тезис о роли практики в мышлении: «Общественная жизнь является по существу практической. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят своё рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики» [6, с. 3].

Однако для понимания истории важнейшим, на наш взгляд, будет третий тезис, который говорит не о повседневной грязно-торгашеской практике, но о высшей революционной практике: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и изменённого воспитания, – это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно поэтому приходит к тому,

что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например, у Роберта Оуэна).

Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика» [6, с. 2]. Этот тезис позволяет выйти за пределы замкнутого круга, в котором оказывается как традиционный материализм с его учением о людях как продуктах обстоятельств и общественных отношений, так и антропологического подхода к человеку, утверждающему неизменную творческую или нетворческую сущность человека. Все дело оказывается в совпадении изменения обстоятельств и человеческой деятельности!

Список использованной литературы

1. Коршунов А. Какое это было счастье – жить в Советском Союзе! И вот почему! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newsland.com/post/7395366-kakoe-eto-bylo-schaste-zhit-v-sovetskom-soiuze-i-vot-pochemu>
2. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1952. т. 7. – 578 с.
3. Можегов В. Кто такие «мы»? о новой песне Ярослава Дронова (Шамана) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/kto_takie_mi
4. Лившиц Р. Л. Провинциальная демшиза: Взгляд из глубинки. М.: Эксмо: Алгоритм, 2003. – 473 с.
5. Вахитов Р. Документ духовного сопротивления (о книге Рудольфа Лившица «Провинциальная демшиза. Взгляд из глубинки», М., ЭКСМО-Пресс, 2003) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://redeurasia.narod.ru/biblioteka/olivsh.html>
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: ГИПЛ, 1955. т. 3. – 629 с.

4.4. ЗАКОНЫ СОВЕТСКОГО СЧАСТЬЯ: ФИЛОСОФСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Счастье в советской культуре воспринималось как жизнь на общее благо и на пользу народу, однако либералы-западники считали, будто коммунистическая идея о светлом будущем не предполагала, что счастье можно обрести здесь и сейчас. В детской литературе счастье представлялось как требование честно жить, много трудиться и крепко любить огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной. Взрослые советские люди, получившие в перестройку презрительное название «совки», счастье понимали более сложно. Советское счастье было настолько широко и всечеловечно, что даже искусство и культура нового общества были не способны его отобразить в полном объеме. Философия современности не в силах понять это счастье, равно как марксистская философия советской эпохи с трудом могла зафиксировать его отдельные проявления. Это удалось сделать только гениальному педагогу-практику А. С. Макаренко. Тем более постижение советского счастья было недоступно и для постсоветской философии 90 гг. прошлого столетия.

Счастье в советской культуре воспринималось как жизнь на общее благо и на пользу народу. После гибели СССР воспоминания об утраченном счастье превратились в ностальгические воспоминания, которые либералы называли «фантомными болями». Но научное понимание того государства и образа жизни, которые мы утратили, дает реальные образы СССР как «империи добра» [1]. Мы можем отослать читателя к нашей коллективной монографии авторов-единомышленников, исследующих исторический опыт развития советской цивилизации [2].

Совершенно иное направление исследований предпринимается либеральным составом Института философии РАН. Достаточно посмотреть на название юбилейного издания – «СССР в достижениях и катастрофах. Размышления по случаю 100-летия». Каждое слово тут ангажированная публицистика, а не наука. В аннотации это также просматривается: «Феномен СССР – уникальное явление в российской и мировой истории, возникшее как продолжение Российской империи и в равной мере как продукт творчества большевиков – ленинцев, рассматривается в его исторических, теоретических и философских предпосылках. Явление в его генезисе, развитии и последовавшем примерно через 70 лет крахе анализи-

руются философами, политологами, историками, культурологами, литературоведами и экологами» [3].

Главный научный сотрудник РАНХиГС, в котором много либеральных идеологов с учеными степенями, автор блога «Счастье на научном» Г. А. Краснова полагает, что «Коммунистическая идея о светлом будущем не предполагала, что счастье можно обрести здесь и сейчас. Ради наступления эры всеобщего благоденствия нужно трудиться и отдавать все силы – чтобы потомки оказались в обществе, где царят изобилие и братская любовь». Автор рассматривает всю советскую идеологию и похоже марксистскую концепцию как квазирелигиозную концепцию счастья в статье 2022 г. в «Forbes Life» «Счастье по-советски: как эксперимент времен СССР влияет на нас сегодня» [4]. Либералы-западники вообще считали, будто коммунистическая идея о светлом будущем не предполагала, что счастье можно обрести здесь и сейчас. Именно здесь и сейчас – в трудовой деятельности!

Автор далее пишет: «Изучая феномен советского счастья, российские исследователи пришли к выводу, что он сформировался еще в сталинскую эпоху». Какой язык и каково построение фразы! Для советского человека построение предложения немыслимо и дико – некие российские исследователи и вдруг пришли к выводу изучая «феномен советского счастья», глядя в ненавистное им прошлое и для них все это прошлое – «сталинская эпоха» [4].

В чем заключалось советское счастье? А. Гайдар в «Чук и Гек» написал то, что его внук отверг и потому Г. Э. Бурбулис, исходя из сбивающей людей с толку знаковой фамилии, рекомендовал его президенту Б. Н. Ельцину в качестве председателя правительства страны. Дедушка А. П. Гайдар сформулировал явление советского счастья так в конце рассказа, где малыши встречали Новый год, слушая радиоприемник, который включил отец: «Все сели и замолчали. Сначала было тихо. Но вот раздался шум, гул, гудки. Потом что-то стукнуло, зашипело, и откуда-то издалека донесся мелодичный звон. Большие и маленькие колокола звонили так: Тир-лиль-лили-дон! Тир-лиль-лили-дон!

Чук с Гekom переглянулись. Они гадали, что это. Это в далекой-далекой Москве, под красной звездой, на Спасской башне звонили золотые кремлевские часы. И этот звон – перед Новым годом – сейчас слушали люди и в городах, и в горах, в степях, в тайге, на синем море. И, конечно, задумчивый командир бронепоезда, тот, что неумоимо

ждал приказа от Ворошилова, чтобы открыть против врагов бой, слышал этот звон тоже. И тогда все люди встали, поздравили друг друга с Новым годом и пожелали всем счастья. Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной» [5].

Однако обсуждать феномен советского счастья с антисоветчиками бессмысленно, что показывает следующая фраза Г. А. Красновой: «Как следует из ранних исследований проекта World Values Survey, все бывшие коммунистические страны были несчастнее, чем Алжир, но „апогея страдания достигли в бывшем Советском Союзе“. Так, „в момент расцвета коммунистического режима россияне были одними из самых несчастных людей на Земле“» [4]. Каково нарушение логики мышления автора – некие невозможные тогда «россияне» были несчастны «в момент расцвета коммунистического режима»! Такие нарушения получили название после перестройки „демшиза“.

Рассказ А. П. Гайдара был написан для детей в 1939 г., однако взрослые советские люди, получившие в перестройку презрительное название «совки», счастье понимали более сложно. Великий педагог А. С. Макаренко, владевший диалектикой, писал: «Великая Октябрьская революция – это небывалые в истории сдвиги в жизни отдельных людей, в жизни нашей страны, в жизни всего мира. Невозможно перечислить те изменения, которые она принесла в историю человечества. Но, как это ни странно, мы очень мало знаем о законах тех изменений, которые являются последней целью революции, итогом всех ее побед и достижений, мы мало говорим о человеческом счастье. Часто, правда, мы вспоминаем о нашем счастье, вспоминаем с волнением и благодарностью, но мы еще не привыкли говорить о нем такой же точностью и определенностью, как о других победах революции. Такое отношение к счастью нами исторически унаследовано» [6, с. 31].

А. С. Макаренко подчеркивал, что эпоха классовой борьбы и классового общества это по сути предыстория человечества. В этой предыстории складывается убогое представление о счастье, на что мы обращали внимание в нашей книге о социальной диалектике предыстории [7].

А А. С. Макаренко за полвека до нашей работы писал: «Классовая жизнь – это жизнь неравной борьбы, это история насилия и сопро-

тивления насилию. В этой схеме человеческому счастью остается такое узкое и сомнительное место, что говорить о нем в художественном образе – значит говорить о вещах, не имеющих общественного значения. Счастье, основанное на богатстве, было предметом узко личного „потребления“, в известной мере спрятанного, секретного, долженствующего вызывать зависть тех, кого человеческое неравенство поставило на одну даже ступеньку ниже. В жестоком эксплуататорском обществе жизнь личности колебалась от циничной жизни насильника до такой же циничной и безобразной жизни подавленного человека, и поэтому счастье всегда содержало в себе некоторый элемент того же цинизма. Только Октябрьская революция впервые в истории мира дала возможность родиться настоящему, принципиально чистому, нестыдному счастью. И прошло только 20 лет со дня Октября, а на наших глазах с каждым днем ярче и искреннее это счастье реализуется в нашей стране.

До чего смешно теперь говорить только о любовном счастье, о том самом единственном, принудительном суррогате его, о котором кое-как пытались говорить старые художники. Наше счастье – это очень сложный, богатейший комплекс самочувствия советского гражданина. В этом комплексе любовная радость именно потому, что она не обособлена, не уединена в своем первобытно-природном значении, дышит полнее, горит настоящим горячим костром, а не теплится где-то в семейной лачуге, в качестве одного из наркотиков, умеряющих страдания человека. Но наше советское счастье гораздо шире» [6, с. 34–35].

Советское счастье настолько широко и всечеловечно, что даже искусство и культура нового общества не способны его отобразить в полном объеме. Философия современности не в силах понять это счастье. Равно как марксистская философия с трудом могла зафиксировать его отдельные проявления. Это удалось сделать только гениальному педагогу-практику А. С. Макаренко. Тем более постижение советского счастья было недоступно и для буржуазной антисоветской философии периода после 90 гг. прошлого столетия.

Заметим, что название конференции Института философии РАН шире, чем название сборника материалов конференции. Конференция называется: «Проблемы российского самосознания. СССР в достижениях и катастрофах. Размышления по случаю 100-летия». Это говорит о том, что организаторы конференции ориентировали участ-

ников на изучение сознания и самосознания российского общества и только, но не на исследование объективной реальности советской цивилизации. Причем речь идет о российском самосознании, непонятно какого периода, очевидно современного кризисного этапа, которое в публицистике называется «россиянское», то есть продукт буржуазного развития новой России демократического выбора с ее опытом «вхожденчества» в западную цивилизацию. Но нас интересует именно то, что философы в духе марксовой «Немецкой идеологии» превратились в идеологов и изучают в своем ложном сознании только сознание и самосознание общества, но не сама реальность. Подтверждается одиннадцатый тезис К. Маркса из «Тезисов о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [8, с. 4].

В оригинале одиннадцатый тезис о Фейербахе из записной книжки К. Маркса выглядит так: «Die Philosophen haben die Welt nur verschieden interpretirt, es kommt darauf an sie zu verandern» [8, с. 5]. Непушение принципов материализма в социологии и сами противоречия в мышлении обществоведов получили название «демшиза» со стороны приверженцев строго научного материалистического понимания истории [9]. Эта демшиза сделала свой выбор – еще в советское время. Так, только с 1974 г. в СССР стало можно при получении паспорта выбирать национальность из национальностей родителей. Этот выбор был связан с возможностью выбора фамилии. Однокурсник автора этой книги госсекретарь России Г. Э. Бурбулис выбрал фамилию как национальность. Отец его предупреждал об этой опасности взять литовскую фамилию и возможности взять фамилию матери – Белогова. Но он выбрал свой путь в 1962 г., то есть еще до 1974 г., когда наш курс закончил философский факультет.

Э. В. Лимонов в пронзительной статье в «Лимонке» 1998 г. «„Пастернаки“, дети их „Птючи“ и „Лохи“» описал происхождение диссидентов, демократов-разрушителей и поколения их «золотой молодежи»: «Ересь „пастернаков“ возникла в России вскоре после смерти цезаря Иосифа Сталина и быстро распространилась по стране. К середине 60-х в России насчитывались уже миллионы „пастернаков“. Что такое „пастернаки“ и в чем состоит их ересь?

„Пастернаки“ одевались особо: носили замшевые куртки или свитера, некоторые имели бороды, даже курили трубки. Жилища их

выглядели совершенно одинаково: на стенах висели одинаковые фотографии святого основателя ереси Б. Л. Пастернака или почему-то даже Хемингуэя (в крупной вязки свитере). На книжных полках у „пастернаков“ стояли одни и те же книги: обязательные (обыкновенно вывезенные из-за границы) издания Цветаевой, Мандельштама и, разумеется, самого Пастернака. Все остальное пространство полок занимали пузатые тома тошнотворных Чеховых, Толстых и Достоевских. Хронологически и исторически „пастернаки“ были детьми „живаг“ и отцами „птючей“» [10, с. 247–248].

Далее он уточнил: «Уже с начала 60-х годов „пастернаки“ пытались предъявить свои права на участие во власти. Первым был, конечно, сам основатель секты Пастернак. Однако ему хорошо дали по голове стоявшие у власти „лохи“, и Пастернак заткнулся и отрекся от ереси, и вскоре умер. Но нашлись продолжатели дела. Тандем „пастернаков“ Сахаров/Боннэр, триплекс Синявский/Розанова/Даниэль выступили в конце 60-х как диссиденты. Однако главным в их поведении было не несогласие (диссидентство) с политикой и государственным строем страны, но коренное эстетическое и этическое отличие их от стоявших у власти „лохов“. Церковь „лохов“ молилась на Программу КПСС, руководствовалась заповедями цезарей Ленина и Сталина и предтеч Маркса/Энгельса. Святые и предтечи и мученики „пастернаков“ были не политическими, но вышли из литературы архаичной, глупой, скучной и ноющей» [10, с. 248].

История далее развивалась так: «В 1986 году неожиданно, как подарок с неба, „пастернаки“ получили лишний исторический шанс в лице правителя Михаила Горбачева. Он оказался покровителем „пастернаков“, потому что, будучи настоящим „лохом“, все же тайно мечтал всю жизнь сделаться более развитым существом, „пастернаком“» [10, с. 249].

Политическая карьера диссидентов развивалась по-новому при появлении М. С. Горбачева: «Однако к концу 1990 года „пастернаки“ стали стаями перебегать от правителя Михайлы к „лоху“ Борису Ельцину, поскольку последний обязался лучше служить их интересам, а Михайла топтался в кризисе, то ли не решаясь на решительные меры, то ли сомневаясь в уже содеянном. „Лох“ Борис принял „пастернаков“ с распростертыми объятиями. Дабы оставить Михайлу без работы, „пастернаки“ научили Бориса ликвидировать страну, которой

формально был цезарем Михайла, – Союз Советских Социалистических Республик. Преступление это чудовищное и сравнимое только с падением Римской Империи, до сих пор не осмыслено в достаточной мере» [10, с. 249].

Пришла вялая «золотая молодежь» – новое поколение детей диссидентов и предателей СССР: «Пока суть да дело, у „пастернаков“ выросли дети их – поколение „птучей“. Одноименный журнал и ночной клуб того же имени в столице г. Москве как нельзя лучше определяет эту совсем уже муторную ересь. Суть ее заключается в безоглядной любви ко всем предметам, произведенным к западу от границ России, будь то зажигалка или „виртуальная реальность“, клип или нижнее белье, тампакс или фильмы Дэвида Линча или Тарантино» [10, с. 250].

Статья 90 гг. оказалась пророческой и тем не менее многие имена забылись или исчезли в потоке истории: «Но вернемся к „пастернакам“. Из политики, куда они хлынули толпой при перестройке, их выкинули, если не всех, то почти всех. Ушли „пастернака“ Гайдара, только что с грохотом выперли едва ли не последнего из крупных „пастернаков“ – Собчака. Остался уникальный чистый „пастернак“ Явлинский. Новодворская, несомненно, чистый „пастернак“.

Большинство наших политических лидеров сегодня „лохи“ (они же „гопники“). Ельцин – „лох“-центрист, начинал в обнимку с „Пастернаками“, но сегодняшний его режим – это „гопничество“ с легким оттенком „пастернаковской“ ереси. Баркашов „лох“-экстремист. Зюганов также является „лохом“-центристом с примесью „марксовской“ и „патриотической“ ересей. Лебедь – „лох“-неандерталец, ВВЖ-хитрый „лох“-еврей прибалтийского типа, Брынцалов – „лох“-бизнесмен» [10, с. 250–251]. Однако в статье нет ответа, как произошло формирование олигархов и псевдокапиталистической экономики. Э. В. Лимонов хорош как аналитик ментальности, крупнейший писатель, но не как экономист.

Список использованной литературы

1. Кремлев С. Кремлев СССР – империя добра. М.: Яуза-Пресс, 2009. – 478 с.
2. Исторический опыт развития советской цивилизации. К 100-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Екатеринбург: Изд. УМЦ-УПИ, 2022. – 578 с.

3. СССР в достижениях и катастрофах. Размышления по случаю 100-летия. Материалы XIX ежегодной конференции Института философии РАН совместно с Ярославским государственным университетом им. К. Д. Ушинского, с регионами России и международным участием «Проблемы российского самосознания. СССР в достижениях и катастрофах. Размышления по случаю 100-летия». М.: Голос, 2022. – 504 с.

4. Счастье по-советски: как эксперимент времен СССР влияет на нас сегодня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbeslife/472027-scast-e-po-sovetski-kak-eksperiment-vremen-sssr-vliaet-na-nas-segodna>

5. Гайдар Аркадий Петрович. Книга «Чук и Гек (с иллюстрациями)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://litlife.club/books/9328/read?page=7>

6. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1952. т. 7. – 578 с.

7. Некрасов С. Н. Социальная диалектика предыстории. М.: ИНФРА-М, 2021. – 640 с.

8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: ГИПЛ, 1955. т. 3. – 629 с.

9. Лившиц Р. Л. Провинциальная демшиза: Взгляд из глубинки. М.: Эксмо: Алгоритм, 2003. – 473 с.

10. Лимонов Э. В. Анатомия Героя. Смоленск: Русич, 1998. – 480 с.

4.5. СЧАСТЬЕ И ЧУВСТВО ОБЛАДАНИЯ: ПОЗИЦИЯ ПРАКТИКИ

Советский педагог А. С. Макаренко показывал, что счастье не могло быть отражено в культуре антагонистического классового общества. Счастье в истории сводилось к обладанию — деньгами, вещами и любовью. К. Маркс показал, что частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим, когда мы им обладаем и тем счастливы. Выдающиеся произведения отечественной литературы избегали темы счастья и делали это по понятным для А. С. Макаренко причинам. В классовом обществе мораль превращается в ханжество и потому русские писатели были вынуждены обходить острые вопросы любви, морали и счастья. И только в социалистическом обществе все его сферы занимаются счастьем человеческим. У советских людей побеждала точка зрения практики, которая выступает как критерий истины — в сатире и в сказочной фантастике побеждает позиция социально-исторической практики как критерия истины и ориентира социального прогресса.

Деля обзор отражения проблемы счастья в мировой литературе, советский педагог-новатор А. С. Макаренко показывал, что именно счастье не было отражено и не могло быть отражено в культуре антагонистического классового общества. Он писал: «Некоторые писатели изредка упоминают о счастье, но всегда это самый простой и общедоступный его сорт, — произведение матери-природы — любовь. Для такого счастья теоретически достаточно иметь в наличии взаимную склонность двух существ. Ничего сверх этого как будто не требуется. Писатели имели склонность к изображению такого счастья, но они... не имели красок для этого. В этом деле ни один писатель не ушел дальше самого среднего успеха».

Счастье в истории сводилось к обладанию — деньгами, вещами и любовью. Молодой К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» писал: «Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т. д., — одним словом, когда мы его потребляем, — хотя сама же частная собственность все эти виды непосредственного осуществления владения в свою очередь рассма-

тривает лишь как средство к жизни, а та жизнь, для которой они служат средством, есть жизнь частной собственности – труд и капитализирование.

Поэтому на место всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств – чувство обладания. Вот до какой абсолютной бедности должно было быть доведено человеческое существо, чтобы оно могло породить из себя свое внутреннее богатство.

Поэтому уничтожение частной собственности означает полную эмансипацию всех человеческих чувств и свойств; но оно является этой эмансипацией именно потому, что чувства и свойства эти стали человеческими как в субъективном, так и в объективном смысле» [1, с. 128–129].

Что касается унылого мещанского любовного счастья, то ведущий советский педагог пишет: «Любовное счастье, его настоящее живое и длительное функционирование, счастье в собственном смысле, а не только надежды на счастье писатели изображали одинаково скучно и однообразно. Писатели знали о своей беспомощности в изображении даже простого любовного счастья, но они не хотели и не могли демонстрировать такую беспомощность перед читателем. Поэтому самую лучезарную любовную радость они предпочитали смять новым набором бедствия, горя и препятствий, в изображении которых они всегда были мастерами. Самая патетическая история любви „Ромео и Джульетта“ есть в то же время и самая бедственная история. Нужно, впрочем, сказать, что читатели за это никогда не обижались, так как читатели тоже всегда предпочитали описание страданий. Одним словом, издавна человек всегда был специалистом именно по несчастью, по горестному событию и всегда любил такие произведения, где счастьем даже и не пахло» [2, с. 31–32].

Оказывается, что наиболее выдающиеся произведения отечественной литературы избегали темы счастья и делали это по вполне понятным для А. С. Макаренки причинам: «Самые милые для нас, самые близкие сердцу произведения художественной литературы стараются обходить счастье десятой дорогой или удовлетворяются констатацией пушкинского типа: „А счастье было так возможно, Так близко“. У Лермонтова, у Достоевского, у Гоголя, у Тургенева, у Гончарова, у Чехова так мало счастья и в строчках, и между строчками. Очень редко оно приближается на пушкинскую дистанцию, но немедленно его легкий

и волшебный образ уносится какой-нибудь жизненной бурей. Почему это так? Почему вся прошлая художественная литература так не умеет, так не любит изображать счастье, то есть то состояние человека, к которому он всегда естественно стремится и из-за которого, собственно говоря, живет? Почему в номенклатуре художественных форм мы имеем драму и трагедию, то есть форму страдания, а не имеем ничего для темы радости? Если мы хотим повеселиться и порадоваться, то смотрим фарс или комедию, то есть любимся поступками людей, которых, пожалуй, даже и не уважаем. Почему на самых последних задворках, среди разной мелочи, давно захирела идиллия?

Некоторые литераторы даже полагают, что счастье по самой природе своей не может быть предметом художественного изображения, ибо последнее невозможно, будто, без игры коллизий и противоречий. Этот вопрос подлежит, разумеется, серьезному и глубокому теоретическому исследованию. Но уже и сейчас можно высказать некоторые предчувствия, и единственным основанием для таких предчувствий является новый образ счастья, выдвинутый Октябрьской революцией. В этом образе мы видим новые черты и новые законы человеческой радости, видим их впервые в истории. Именно эти новые черты позволяют нам произвести подлинную ревизию старых представлений о счастье и понять, почему так уклончиво относилась художественная литература к этой теме. Представим себе, что у Онегина и Татьяны счастье было не только возможно, но и действительно наступило. Не только для нас, но и для Пушкина было очевидно, что это счастье, как бы оно ни было велико в субъективных ощущениях героев, недостойно быть объектом художественного изображения» [2, с. 32–33].

А. С. Макаренко дает уникальный социально-философский анализ литературных образов великих русских писателей: «Человеческий образ и Онегин и Татьяна могут сохранить в достойном для искусства значении только до тех пор, пока они страдают, пока они не успокоились на полном удовлетворении. Что ожидало эту пару в лучшем случае? Бездеятельный, обособленный мир неоправданного потребления, в сущности безнравственное, паразитическое житие. Передовая литература, даже дворянская, все же не находила в себе дерзости рисовать картины счастья, основанного на эксплуатации и горе других людей. Такое счастье, даже несомненно приятное для

его обладателей, в самом себе несло художественное осуждение, ибо всегда противоречило требованиям самого примитивного гуманизма.

Как кинематографический фильм не выносит бутафорских костюмов, так подлинно художественная литература не выносит морали капиталистического... общества. Именно поэтому литература не могла изображать счастье, основанное на богатстве. Но она не могла изображать и счастье в бедности, ибо подобная идиллия не могла, конечно, обойтись без участия ханжества. Искусство, всякое настоящее искусство никогда не могло открыто оправдать человеческое неравенство» [2, с. 33].

А поскольку писатели земли русской – это не литераторы и не беллетристы, но в первую очередь наставники воспитуемого и всего народа, то литература в первую очередь заботится о душе воспитуемого, о совести. Но в классовом обществе при антагонистических противоречиях мораль превращается в ханжество и потому самые прозорливые русские властители дум были вынуждены обходить самые острые вопросы любви, морали и счастья. И только в социалистическом обществе все общества, все его сферы занимаются счастьем человеческим. Вспомним братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» – в субботу, поскольку люди не желают отдыхать до понедельника, для них сам труд и есть отдых и счастье. А ученые занимаются счастьем: «А чем вы занимаетесь?» – спросил я. «Как и вся наука, – сказал горбоносый. – Счастьем человеческим» [3].

Правда, исследование счастья в НИИЧАВО изображено как отдел его моделирования и линейного счастья: «Весь первый этаж был занят отделом Линейного Счастья. Здесь было царство Федора Симеоновича, здесь пахло яблоками и хвойными лесами, здесь работали самые хорошенькие девушки и самые славные ребята. Здесь не было мрачных изуверов, знатоков и адептов черной магии, здесь никто не рвал, шипя и кривясь от боли, из себя волос, никто не бормотал заклинаний, похожих на неприличные скороговорки, не варил заживо жаб и ворон в полночь, в полнолуние, на Ивана Купалу, по несчастливому числам.

Здесь работали на оптимизм. Здесь делали все возможное в рамках белой, субмолекулярной и инфранейронной магии, чтобы повысить душевный тонус каждого отдельного человека и целых человеческих коллективов. Здесь конденсировали и распространяли по всему свету

веселый, беззлобный смех; разрабатывали, испытывали и внедряли модели поведения и отношений, укрепляющих дружбу и разрушающих рознь; возгоняли и сублимировали экстракты гореутолителей, не содержащих ни единой молекулы алкоголя и иных наркотиков. Сейчас здесь готовили к полевым испытаниям портативный универсальный злободоброитель и разрабатывали новые марки редчайших сплавов ума и доброты» [4].

Но тут же мы встречаем сатирическое изображение схоластического исследования счастья при помощи подбора определений: бакалавр чёрной магии Магнус Фёдорович Редькин главным образом работал над диссертацией, тема которой звучала так: «Материализация и линейная натурализация Белого Тезиса как аргумента достаточно произвольной функции сигма не вполне представимого человеческого счастья». Авторы пишут: «Он проделал громадную работу, собравши гигантскую коллекцию разнообразнейших определений счастья. Там были простейшие негативные определения („Не в деньгах счастье“), простейшие позитивные определения („Высшее удовлетворение, полное довольство, успех, удача“), определения казуистические („Счастье есть отсутствие несчастья“) и парадоксальные („Счастливей всех шуты, дураки, сущеглупые и нерадивые, ибо укоров совести они не знают, призраков и прочей нежити не страшатся, боязнью грядущих бедствий не терзаются, надеждой будущих благ не обольщаются“))» [4].

Впрочем, у советских фантастов и советских людей всегда побеждала точка зрения практики, которая выступает как критерий истины. При обсуждении еще одного определения счастья найденного в стихотворении Кристофера Лога, где речь шла о пении юной девушки и обмене пенни на шиллинг: «А может, его вообще нет? – сказал Роман голосом киноprovокатора. – Чего? – Счастья. Магнус Фёдорович сразу обиделся. – Как же его нет, – с достоинством сказал он, – когда я сам его неоднократно испытывал? – Выменяв пенни на шиллинг? – спросил Роман. Магнус Фёдорович обиделся ещё больше и вырвал у него записную книжку. – Вы ещё молодой... – начал он» [4]. Даже в сатире и в сказочной фантастике побеждает позиция социально-исторической практики как критерия истины и ориентира социального прогресса. То есть позиция добра!

Список использованной литературы

1. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. М.: Издательство АСТ, 2023. – 224 с.
2. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1952. т. 7. – 578 с.
3. Борис Стругацкий, Аркадий Стругацкий. Понедельник начинается в субботу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://citaty.info/quote/817>
4. Понедельник начинается в субботу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://libcat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/yumoristicheskaya-fantastika/4502-33-arkadij-strugackij-ponedelnik-nachinaetsya-v-subbotu.html>

4.6. ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА И ЗАКОНЫ ВОСПИТАНИЯ

Диалектическая логика обладает большой практической мощью — советский педагог-новатор А. С. Макаренко при помощи диалектического метода превращал правонарушителей в борцов против правонарушений. Поскольку по Г. Гегелю «истина конкретна», то диалектическая логика рассматривает все события всесторонне и в результате получает истину, то есть конкретное знание. То же относится и к педагогике — не должно быть в педагогике догм и рецептов, которые всегда хороши или плохи. А. С. Макаренко умел диалектично превращать требования диалектической логики в закон. Системная логика видит процессы, описанные в «Капитале». И она показала свои преимущества перед элементарной логикой Аристотеля. Диалектическая логика преодолела главную ошибку Аристотеля и пришла к пониманию опытного происхождении систем общих, существенных и необходимых знаний, которые должны действовать как закон.

Диалектическая логика обладает не только колоссальным эвристическим потенциалом, но и большой практической мощью. Так, первый советский педагог-новатор А. С. Макаренко при помощи диалектического метода превращал правонарушителей в борцов против правонарушений. В отличие от формальной логики диалектическая логика не останавливается на констатации определенных суждений и умозаключений, а идет дальше, и связывает все суждения с конкретными условиями. Поскольку по излюбленному выражению Г. Гегеля «истина конкретна», то диалектическая логика рассматривает все события всесторонне и в результате получает истину, то есть конкретное знание того, что, где и как происходит. У самого Г. Гегеля данное утверждение звучит так: «Если истина абстрактна, то она — не истина. Здравый человеческий разум стремится к конкретному».

Г. Гегель в лекциях утверждал: «Общераспространенный предрассудок полагает, что философская наука имеет дело лишь с абстракциями, с пустыми общностями, а созерцание, наше эмпирическое самосознание, наше чувство своего „я“, чувство жизни, есть, напротив, внутри себя конкретное, внутри себя определенное, богатое. И в самом деле, философия пребывает в области мысли, и она поэтому имеет дело с общностями; но хотя ее содержание абстрактно, оно, однако, таково лишь по форме, по своему элементу; сама же по себе идея существенно конкретна, ибо она есть единство различных определений».

В этом и состоит отличие разумного от чисто рассудочного познания; и задача философии заключается в том, чтобы вопреки рассудку показать, что истинное, идея, не состоит в пустых общностях, а в некоем всеобщем, которое само в себе есть особенное, определенное. Если истина абстрактна, то она – не истина. Здравый человеческий разум стремится к конкретному; лишь рассудочная рефлексия есть абстрактная теория, она не истина – она правильна лишь в голове – и, между прочим, также и не практична; философия же наиболее враждебна абстрактному и ведет нас обратно к конкретному» [1].

Приведем пример, можно ли утверждать, что истина всегда полезна, а ложь всегда вредна? Оказывается, в отдельных случаях истина вредна, а ложь полезна – не следует говорить попавшему в аварию тяжелораненому о смерти его ребенка. Так, можно ли ставить вопрос абстрактно о дожде и о погоде: «дождь – это хорошо или плохо?». Для формальной логики два суждения равнозначны. По форме все верно, но содержание суждений формальную логику не интересует. Для диалектической же логики самое существенное – это содержание.

Л. Е. Балашов пишет об извлечении конкретной истины в вопросе о сокращении населения Земли: «Если рассуждать абстрактно, в общем и целом, то беспокоиться нечего, население Земли растет и всё тут. Однако, если взглянуть на демографическую ситуацию более конкретно, то можно увидеть, что в недалекой перспективе рост населения Земли приостановится и дальше оно будет сокращаться вплоть до исчезновения. Почему?

Да потому, что в нынешних странах-лидерах, так называемых цивилизованных странах (в золотом миллиарде), стремительно уменьшается численность коренного населения (и в абсолютном, и в относительном значении). А лидеры, как известно, тянут за собой остальных. Когда все страны мира станут жить по меркам цивилизованных стран, начнется процесс депопуляции во всеобщем масштабе. Вот это и есть конкретная истина. Она явно противоречит абстрактному представлению об общем росте численности населения Земли» [2]. Это значит, что догм нет, как нет вечных рецептов.

То же самое относится и к педагогике. Не должно быть в педагогике догм и рецептов, которые всегда хороши или плохи. А. С. Макаренко уловил эту диалектику применения различных средств

в различных условиях. Он написал тезисы по проблемам школьного воспитания в январе 1938 г. перед чтением лекций для сотрудников Наркомпроса РСФСР. Наиболее важен для нас четвертый тезис. А. С. Макаренко писал: «Целесообразность и диалектичность педагогического действия в советской педагогике могут быть организованы только опытным путем. В нашей школе достаточно оснований для индуктивно-опытного вывода. Но истинная логика педагогического средства и системы средств заключается даже не в узкой школьной области, а в широкой общественной жизни Союза, в области тех принципов и традиций, которые уже совершенно ясно отличают наше общество от всякого другого.

Прежде всего значение этой широкой области звучит в самой постановке целей воспитания. Цели воспитательного процесса должны всегда ясно ощущаться воспитательной организацией и каждым воспитателем в отдельности. Они должны составлять основной фон педагогической работы, и без ощущения развернутой цели никакая воспитательная деятельность невозможна. Эти цели и должны выражаться в проектируемых качествах личности, в картинах характеров и в тех линиях развития их, которые определенно намечаются для каждого отдельного человека.

Эти качества личности, проектируемые нами в каждом воспитаннике, могут быть общие и частные, индивидуальные. Советский человек должен в среднем отличаться как типичный характер. Воспитание этого типичного характера советского человека и должно составить одну из важнейших целей педагогической работы» [3].

Далее великий педагог-диалектик отмечал: «Указанная выше диалектичность педагогического процесса необходимо требует от педагога большого охватывающего внимания, относящегося к целой системе средств. Самая система средств никогда не может быть мертвой и застывшей нормой, она всегда изменяется и развивается, хотя бы уже потому, что растет и ребенок, входит в новые стадии общественного и личного развития, растет и изменяется и наша страна.

Поэтому никакая система воспитательных средств не может быть установлена навсегда. Но кто должен ее изменять, кому можно дать право вносить в нее поправки и коррективы? Она должна быть так поставлена, чтобы отражать необходимость движения и отбрасывать устаревшие и ненужные средства».

Очевидно, А. С. Макаренко умел диалектично превращать требования диалектической логики в закон. О. С. Бычкова и Е. А. Гонтаренко пишут в статье «Различия между элементарной (низшей) логикой и системной (высшей)»: «Технологию этого превращения мы пока еще не изучили. Но мы знаем, что знания – это сила. Знания руководят человеческими действиями. Если человек знает, как лучше всего выполнить ту или иную работу, то он и действует в соответствии с этим знанием. Голова человека должна управлять его телом, ногами и руками» [4, с. 68].

К. Маркс в «Капитале» в первом томе писал: «В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил. Простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда» [5, с. 189]. Представляется, что А. С. Макаренко это учитывал.

Системная логика видит процессы, описанные в «Капитале». И она показала свои преимущества перед элементарной логикой Аристотеля, на которую ссылается К. Маркс при рассмотрении двух видов хрематистики и исторического презрения к ростовщичеству. Он цитирует Аристотеля, вставшего в тупик при понимании ростовщичества: «„Существует двоякого рода хрематистика: одна относится к торговле, другая к экономике; последняя необходима и достойна похвалы, первая основана на обращении и потому справедливо порицается (ибо она покоится не на природе вещей, а на взаимном надувательстве). Таким образом, ростовщичество справедливо ненавидимо всеми, ибо здесь сами деньги являются источником приобретения и употребляются не для того, для чего они были изобретены. Ведь они

возникли для товарного обмена, между тем процент делает из денег новые деньги» [5, с. 175].

О. С. Бычкова и Е. А. Гонтаренко пишут об ошибке Аристотеля следующее: «Основная ошибка Аристотеля и всей несистемной логики состояла в утверждении того, что в ощущениях нет ничего общего, существенного, необходимого. Следуя логике Аристотеля, получается, что самого главного для образования и обоснования общих понятий и суждений, для умозаключений от общего к частному, для мышления людей, нет ни в ощущениях, ни в восприятиях, что человек вынужден придумывать общие знания, а не выводить их из опыта. Диалектическая логика преодолела эту главную ошибку Аристотеля и пошла вперед к пониманию опытного происхождения систем общих, существенных и необходимых знаний. Такое знание должно действовать как закон» [4, с. 68].

Согласимся с выводом авторов о значении диалектической логики для практического преобразования мира: «Главное отличие системной логики от элементарной состоит в том, что элементарная логика не предусматривает системный подход к исследуемому объекту или явлению. А системный подход по своему предназначению основывается на рассмотрении объекта как системы. Он способствует адекватной постановке проблемы и выработке эффективной стратегии ее изучения. Он ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих ее механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину. Тот, кто понял это главное отличие высшей логики от низшей, тот уже предпочтет руководствоваться в своих действиях именно высшей логикой, а не низшей. Если воспитатель приобретает знание высшей логики, то он и действовать будет на основе этих знаний о высшей логике, а не только на основе знаний об элементарной логике. Так нам представляется та проблема, которую взял и решил А. С. Макаренко» [4, с. 69]. Итак, в конкретных условиях дождь – это хорошо, а для разведчика в повести Б. Райнова «нет ничего лучше плохой погоды» [6].

Список использованной литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sv-scena.ru/Buki/Lyektsii-po-istorii-filosofii.html>
2. Балашов Л. Е. Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/2012/11/29/1036>
3. Проблемы школьного советского воспитания (Макаренко) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/Проблемы_школьного_советского_воспитания_\(Макаренко\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Проблемы_школьного_советского_воспитания_(Макаренко))
4. Бычкова О. С., Гонтаренко Е. А. Различия между элементарной (низшей) логикой и системной (высшей) // Макаренко и мы. Санкт-Петербург, 2000. с. 66–69.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: ГИПЛ, 1960. т. 23. – 920 с.
6. Нет ничего лучше плохой погоды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/euro/97356/annot>

Глава 5. ПЛАН И СТИХИЯ

5.1. План и стихийные факторы при социализме

Вопрос о соотношении плана и стихийных факторов становится в центре внимания при рассмотрении проблемы товарного производства при социализме. Учитывая, что И. В. Сталин обращал особое внимание на этот вопрос, а практика рыночной модели социализма в 60 гг. привела к хаосу в экономике, марксисты обнаружили недостаточность сталинской концепции преодоления стихийности. Усвоение ленинских идей было заторможено объективными условиями нашей страны, также отрицательную роль сыграли неправильные взгляды И. В. Сталина, который связывал наличие товарного производства с наличием колхозов и ставил вопрос о вытеснении вместе с ними всего товарного производства. Но и упование на товарно-денежное обращение при социализме приводит к концепции идейной борьбы с волюнтаризмом и фатализмом, то есть к идеалистическому миропредставлению.

Вопрос о соотношении плана и стихийных факторов становится в центре внимания при рассмотрении проблемы товарного производства при социализме. Сам И. В. Сталин обращал особое внимание на этот вопрос. Советский исследователь-марксист М. Н. Руткевич выделил вопрос для особого рассмотрения: «Мы оставили вопрос о товарном производстве как „поставщике стихийности“ для специального рассмотрения, поскольку данная проблема в современных условиях оказывается чрезвычайно актуальной. Естественно, здесь берутся во внимание только гносеологические аспекты вопроса. Исторический опыт последних десятилетий наглядно свидетельствует на практике о необходимости сохранения товарных отношений и при социализме. Экономическая реформа, проводимая с 1965 года в СССР, и близкие по духу экономические реформы в ряде европейских социалистических стран доказали это со всей определенностью. В ходе этих важных общественных преобразований явственно определились неверные взгляды, притом с двух сторон» [1, с. 219–220].

М. Н. Руткевич пишет эти слова тогда, когда он был деканом философского факультета Уральского госуниверситета, за два года до перевода его в столицу на должность директора Института конкретных социологических исследований. В год издания книги он читал лекции по диалектическому материализму автору настоящей книги и принимал у него экзамены. Итак, автор писал: «С одной стороны, находятся сторонники так называемой „рыночной модели“ социализма. Куда завела эта „модель“, придуманная О. Шиком и его друзьями из числа правых оппортунистов, Чехословакию в 1968 и 1969 годах, хорошо известно: стихийный рост зарплаты – более быстрый, чем рост производительности труда; столь же быстрый рост цен, поскольку государство потеряло рычаги управления ценообразованием; снижение роли плана и невыполнение плановых заданий и т. д. и т. п. Только после того как в апреле 1969 года в КПЧ пришло к власти новое руководство, хаос в экономике стал постепенно изживаться. У нас не было этого печального опыта, но тенденция к смазыванию роли планового начала в трудах некоторых экономистов из числа так называемых „товарников“ явственно звучала. Эта тенденция сродни фатализму.

С другой стороны, тенденция, противодействующая использованию товарно-денежных рычагов для подъема производства, препятствующая внедрению реформы, тоже есть. В качестве примера можно привести дискуссию о роли безрядных звеньев, которые в колхозах осуществляют на деле хозяйственный расчет, добиваясь резкого роста производительности труда. На пути внедрения этих звеньев много препятствий, в том числе возводимых теоретиками экономистами, склонными к волюнтаристским взглядам на управление экономикой. Следовательно, теоретический вопрос о товарном производстве при социализме и его гносеологическая сторона обладают подлинной актуальностью» [1, с. 220].

И. В. Сталин и М. Н. Руткевич ссылаются на работы Ф. Энгельса. Но по мнению М. Н. Руткевича именно Ф. Энгельс «справедливо связывал прогресс свободы с ликвидацией товарного производства и обращения, этих „поставщиков“ стихийности. Но на какой фазе процесса развития коммунистического общества должно исчезнуть товарное хозяйство? В „Анти-Дюринге“ подразумевается, что уже при социализме, „когда общество вступает во владение средствами производства и применяет их для производства в непосредственно

обобществленной форме, труд каждого отдельного лица... становится с самого начала непосредственно общественным трудом“, и общество „не станет приписывать продуктам какие-либо стоимости“. Правда, в примечании Энгельс отмечает, что еще в 1844 году он утверждал это применительно к коммунистическому обществу. Но поскольку социализм есть первая стадия коммунизма, это примечание не противоречит общему взгляду Энгельса на социализм как общество, где продукт уже теряет форму товара» [1, с. 220–221].

Автор делает вывод о изменении всей марксистской доктрины: «Таким образом, рассуждая в перспективе, Энгельс как бы „сместил“ некоторые черты высшей стадии развития будущего общества на его первую стадию. В. И. Ленин, исходя из опыта первых лет существования Советской власти, внес по этому пункту к взглядам Энгельса существенные поправки. Ленин неоднократно подчеркивал необходимость внедрения хозяйственного расчета в отношениях между социалистическими предприятиями. Хозрасчет же предполагает не только превращение продукта в товар, реализацию его через продажу другим предприятиям (а предметов широкого потребления также и населению), но и учет фондов, предоставляемых предприятию обществом для производственной деятельности, и, следовательно, получаемой предприятием прибыли» [1, с. 221].

Автор далее отмечает, что в замечаниях на полях книги «Экономика переходного периода» В. И. Ленин не согласился с Н. И. Бухариным, который относил категорию прибыли только к капитализму: «Следовательно, понятие прибыли и прибавочного продукта Ленин считал возможным употреблять и в новых общественных условиях, когда присвоения их капиталистом уже нет. В настоящее время жизнь не оставляет никаких сомнений в том, что Ленин был прав и, следовательно, что развитый социализм требует сочетания планового ведения хозяйства с хозяйственным расчетом предприятий и их объединений, с использованием товарно-денежных отношений и, стало быть, не отрицания элементов стихийности, связанных с рынком, а умелого и своевременного их учета и использования в интересах общества, т. е. подчинения рыночных отношений плановому началу.

Усвоение ленинских идей в теории и на практике было задержано отчасти из-за объективных условий, требовавших мобилизации всех сил на решение задачи скорейшей индустриализации страны

в условиях растущей военной опасности, а затем в условиях войны и восстановления разрушенного ею хозяйства. В начале 50-х годов существенную роль в этой задержке сыграли неправильные взгляды И. В. Сталина, который связывал наличие товарного производства только с наличием колхозов и применял рассмотренную нами выше гносеологическую схему „вытеснения“ и к товарному производству, полагая, что оно будет „вытеснено“ вместе с групповой формой собственности» [1, с. 221–222].

Но эта схема в данном случае столь же не применима, как и при действии других экономических законов социализма. Товарное производство существует при социализме якобы лишь потому, что «других экономических связей, кроме товарных, кроме обмена через куплю-продажу в настоящее время колхозы не приемлют». Известное предложение Сталина о вытеснении товарооборота между городом и деревней прямым продуктообменом, в развитии которого он усматривал основной путь сближения и слияния двух форм общественной собственности, не успело получить практического воплощения. Ограничение сферы товарного производства только производством товаров личного потребления и тех товаров производственного назначения, которые нужны для колхозного хозяйства, неизбежно привело Сталина к неправильному выводу, будто закон стоимости вообще «не имеет регулирующего значения в нашем социалистическом производстве». Несостоятельность этой системы взглядов доказана жизнью [1, с. 222–223].

Далее М. Н. Руткевич впадает в иллюзии перестройки за 20 лет до начала перестройки. Он пишет с упованием на товарно-денежное обращение при демократизируемом при помощи хозяйственной реформы социализме: «Товарное производство и денежное обращение при социализме связаны отнюдь не только с групповой собственностью, они необходимы и в отношениях между государственными предприятиями при подчинении их плану и основной цели производства – удовлетворению растущих потребностей народа. Хозяйственная реформа должна содействовать более полному проявлению товарной природы социалистического производства и, тем самым, повышению его эффективности... Закон стоимости безусловно имеет – точно в тех пределах, в каких он вообще действует, – значение регулятора производства. Вообще, если какой-либо закон в обществе

действует, то он регулирует общественную жизнь. Законы общественной жизни суть не что иное, как существенные, устойчивые, массовидные связи, объективно складывающиеся между людьми и одновременно регулирующие их поведение» [1, с. 226].

Крупный философ-марксист вообразил, что в таком обществе все будет зависеть от сознательности граждан и общественного самоуправления: «От того, насколько считается с объективными экономическими законами каждый член общества в своей непосредственной деятельности, участвуя в управлении, в принятии общих решений и контроле за их выполнением, прямо зависит работа всех вышестоящих звеньев управления, вплоть до высших государственных и партийных органов. Поэтому важнейшая роль в превращении объективного стихийного процесса в объективный управляемый процесс принадлежит возрастанию сознательности граждан, повышению организованности, непрерывному совершенствованию всей системы управления, – этой пирамиды, имеющей своим основанием сознание и волю индивидов, а своей вершиной высшие органы власти.

Итак, скачок из царства необходимости в царство свободы не есть единовременный акт. Социалистическая революция создает для него основу, поскольку власть и основные средства производства переходят к рабочему классу и всем трудящимся. С этого момента познанная необходимость доминирует над необходимостью непознанной.

Однако возрастание степени господства над социальными силами есть длительный процесс, требующий совершенствования всей системы управления, а также постоянной и решительной борьбы против волюнтаризма, склонного не замечать стихийные моменты и против фатализма, склонного их переоценивать и идти у них на поводу. Развитие социалистического общества, достижение им все более высоких степеней зрелости означает дальнейший прогресс в осуществлении обществом власти над самим собой, а тем самым и над природой. Прогресс общества действительно может быть представлен как прогресс свободы в ее научном, диалектико-материалистическом понимании» [1, с. 227–228]. В результате автор предлагает демонтировать сталинскую административную систему правления и перейти к борьбе против крайностей волюнтаризма и фатализма. На самом деле люди не должны бороться с крайностями – они должны овладеть законами природы и общества и именно об этом И. В. Сталин гово-

рит: «когда говорят о „покорении“ сил природы или экономических сил, о „господстве“ над ними и т. д., то этим вовсе не хотят сказать, что люди могут „уничтожить“ законы науки или „сформировать“ их. Наоборот, этим хотят сказать лишь то, что люди могут открыть законы, познать их, овладеть ими, научиться применять их с полным знанием дела, использовать их в интересах общества и таким образом покорить их, добиться господства над ними. Итак, законы политической экономии при социализме являются объективными законами, отражающими закономерность процессов экономической жизни, совершающихся независимо от нашей воли. Люди, отрицающие это положение, отрицают по сути дела науку, отрицая же науку, отрицают тем самым возможность всякого предвидения, – следовательно, отрицают возможность руководства экономической жизнью» [2, с. 9–10].

Каковы причины волюнтаризма и фатализма в сознании людей? «Дело в том, что к нам, как руководящему ядру, каждый год подходят тысячи новых молодых кадров, они горят желанием помочь нам, горят желанием показать себя, но не имеют достаточного марксистского воспитания, не знают многих, нам хорошо известных, истин и вынуждены блуждать в потёмках. Они ошеломлены колоссальными достижениями Советской власти, им кружат голову необычайные успехи советского строя, и они начинают воображать, что Советская власть „всё может“, что ей „всё нипочём“, что она может уничтожить законы науки, сформировать новые законы. Как нам быть с этими товарищами? Как их воспитать в духе марксизма-ленинизма? Я думаю, что систематическое повторение так называемых „общеизвестных“ истин, терпеливое их разъяснение является одним из лучших средств марксистского воспитания этих товарищей» [2, с. 10]. Но и упование на товарно-денежное обращение при социализме приводит к концепции чисто идейной борьбы с волюнтаризмом и фатализмом, то есть к идеалистическому миропредставлению.

Как был сделан перелом в социалистической экономике и как волюнтаристично было сломаны законы общественного развития? Мы можем выяснить тут, как возникли в советской экономике олигархи для российского общества. Известный публицист Ю. И. Мухин в статье по поводу гибели Е. Пригожина в августе 2023 г. пишет: «По информации, последовавшей от лет 15 назад заболевшего раком Филиппа Денисовича Бобкова, во времена СССР начальника 5-го управления КГБ СССР и первого заместителя председателя КГБ

СССР, Бобков, по указанию Горбачёва, был создателем „олигархов“ СССР. Почему он? Тут надо кое-что понять в том, как олигархи создавались.

Принадлежавшие СССР деньги хранились в Госбанке СССР и этими деньгами финансировалась работа советской экономики – эти деньги шли на кредиты госпредприятиям, обеспечивающие их эффективную работу. И когда разваливавший СССР Горбачёв с соучастниками в ЦК КПСС начал проводить убийство государства и разрывание экономики СССР, то в способе этого уничтожения экономики СССР были два главных элемента.

Во-первых, деньги государства перестали выдаваться государственным предприятиям, а были в виде кредитов выданы частным банкам, типа чтобы уже те кредитовали предприятия.

Во-вторых, было начато обесценивание рубля и получалось, что частный банк, взяв в начале года у госбанка кредит, к примеру, в 100 миллионов рублей, не финансировал госпредприятия, а переводил эти деньги в валюту, скажем, по курсу «10 рублей равны 1 доллару» – то есть превращал 100 миллионов рублей в 10 миллионов долларов. А государственные предприятия, оставшись без денег, разорялись, рубль обесценивался и через год (ко времени возврата кредита) за один доллар давали уже 10000 обесценивавшихся рублей, то есть для «возврата кредита» требовалось только 100 тысяч долларов. А 9,9 миллиона долларов оставались в карманах частного банкира. То есть люди, которым Госбанк выдавал кредиты, обязаны были разорить экономику СССР, но при этом они сами становились миллиардерами даже если с 10 миллионами долларов год ничего и не делали – просто держали их в западном банке на счету.

Перед Горбачёвым и остальными тварями вставал вопрос, а кого сделать вот такими олигархами?» [3].

Автор подводит нас к вопросу о выборе кандидатур для олигархов и вывод делается неожиданным: «Ведь эти олигархи должны быть надёжными людьми, во-первых, в глазах западных банков и СМИ, во-вторых, в глазах того, кто их сделает олигархами. Второе, надо, чтобы деньги этих олигархов были и в распоряжении их российских хозяев – того же Горбачёва с его бандой.

Что касается Запада, то там банки и СМИ уже давно и полностью лежат под еврейскими расистами, следовательно, в качестве оли-

гархов России были предпочтительны евреи. Во-вторых, как решил Горбачёв с соучастниками уничтожения СССР, для роли олигархов лучше всего использовать агентуру КГБ, тем более что эта агентура и будет под надзором КГБ (потом ФСБ).

Так вот, Бобков руководил 5-м управлением КГБ СССР, которое занималось диссидентами СССР, а диссиденты СССР практически поголовно были евреями, соответственно, и агенты КГБ, следившие за этими диссидентами также были евреями. Вот этих евреев-агентов КГБ Бобков и выбрал в олигархи – они стали теми частными банкирами, кому были переданы деньги всех граждан СССР. И Россия получила в качестве олигархов всех этих Абрамовичей, Березовских, Гусинских, Смоленских, Дерипасок, Фридманов, Ходорковских, Потаниных, Авендов и т. д.

Так вот, среди этих покорных „шестёрок“ ФСБ был и человек, считавший, что он и сам по себе что-то значит в политике – Б. А. Березовский» [3]. Далее мы цитировать автора не будем, поскольку речь пошла о личной траектории судьбы Б. А. Березовского, то есть мы попадаем уже не в область фактологии, но в сферу конспирологии.

Список использованной литературы

1. Руткевич М. Н. Актуальные проблемы ленинской теории отражения. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970. – 234 с.
2. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: ГИПЛ, 1952. – 95 с.
3. Мухин Ю. И. Березовский 2.0? Типа некролог [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ymuhin.ru/node/2886/berezovskiy-20-tipa-nekrolog>

5.2. ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ И ЗАКОНЫ ОБЩЕСТВА: КРИТИКА М. Н. РУТКЕВИЧЕМ КОНЦЕПЦИИ И. В. СТАЛИНА

В понимании И. В. Сталина в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» вопрос стоит об использовании и познании людьми законов природы и законов общества. Он полагал, что люди, познав законы природы, могут ограничить сферу их действия и обратить разрушительные силы природы на пользу общества. Своей формуле он придавал общее значение, относя ее и к природе, но в этом труде было немало ошибочного — не было проведено разграничения между сознательным использованием законов на базе науки и их использованием на базе эмпирических знаний. Суть дела состоит в ограничении сферы действия одних законов для того, чтобы дать простор действия других законов. И в этой связи он касался судеб товарного производства при социализме. Практика показала, что разбираемый способ использования законов не подходит к таким законам социализма, как основной экономический закон социализма или закон планомерного развития хозяйства. Эти законы являются общими для обеих фаз коммунистического общества, и по мере развития социализма происходит не ограничение сферы их действия, а все более полное их использование в интересах общества.

И. В. Сталин как «великий корифей науки» не раз писал о законах природы и законах общества. Напомним, что прекрасно образованный и диалектически подкованный руководитель партии 22 декабря 1939 г. был избран почетным членом Академии наук СССР. Обратимся к официальному источнику о Торжественном Общем Собрании Академии Наук СССР, посвященном развитию марксистско-ленинской теории в работах тов. И. В. Сталина, 22–23 декабря, 1939 г.: «В знаменательные дни, когда вся наша страна, весь 183-миллионный советский народ и трудящиеся всего мира отмечали 60-летие великого вождя товарища Сталина, состоялось торжественное Общее Собрание Академии Наук СССР, посвященное развитию марксистско-ленинской науки в работах товарища Сталина. – Мы собрались в дни величайшего радостного подъема всей страны, – говорит, открывая торжественное Общее Собрание, вице-президент Академии Наук акад. О. Ю. Шмидт, и речь его неоднократно прерывается бурными овациями в честь вождя народов, – в дни, когда советский народ и все передовое человечество переживает большой праздник – 60-летие своего гениального любимого вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина.

Товарищ Сталин – крупнейший мыслитель, обогативший науку всех наук – марксизм-ленинизм – решением большого числа важнейших вопросов. Для нас, работников науки, эта сторона личности и деятельности товарища Сталина особенно близка. Однако это – не отдельная сторона. В деятельности товарища Сталина теория и практика едины. Каждый шаг партии Ленина – Сталина основан на глубоком теоретическом фундаменте» [1].

В понимании И. В. Сталина в 1952 г. вопрос стоит об использовании и познании людьми этих законов. В работе «Экономические проблемы социализма в СССР», выполненной в форме замечаний по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 г., он писал: «Марксизм понимает законы науки, – всё равно идёт ли речь о законах естествознания или о законах политической экономии, – как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их, изучить их, учитывать их в своих действиях, использовать их в интересах общества, но они не могут изменить или отменить их. Тем более они не могут сформировать или создавать новые законы науки. Значит ли это, что, например, результаты действий законов природы, результаты действий сил природы вообще неотвратимы, что разрушительные действия сил природы везде и всегда происходят со стихийно-неумолимой силой, не поддающейся воздействию людей? Нет, не значит.

Если исключить астрономические, геологические и некоторые другие аналогичные процессы, где люди, если они даже познали законы их развития, действительно бессильны воздействовать на них, то во многих других случаях люди далеко не бессильны в смысле возможности их воздействия на процессы природы. Во всех таких случаях люди, познав законы природы, учитывая их и опираясь на них, умело применяя и используя их, могут ограничить сферу их действия, дать разрушительным силам природы другое направление, обратить разрушительные силы природы на пользу общества» [2, с. 4].

Автором сразу приводится пример. Этот пример показывает, что И. В. Сталин действительно придавал своей формуле весьма общее значение, относя ее и к природе: «В древнейшую эпоху разлив больших рек, наводнения, уничтожение в связи с этим жилищ и посевов считались неотвратимым бедствием, против которого люди были

бессильны. Однако с течением времени, с развитием человеческих знаний, когда люди научились строить плотины и гидростанции, оказалось возможным отвратить от общества бедствия наводнений, казавшиеся раньше неотвратимыми. Более того, люди научились обуздывать разрушительные силы природы, так сказать оседлать их, обратить силу воды на пользу общества и использовать её для орошения полей, для получения энергии».

Автор спрашивает: «Значит ли это, что люди тем самым отменили законы природы, законы науки, создали новые законы природы, новые законы науки? Нет, не значит. Дело в том, что вся эта процедура предотвращения действий разрушительных сил воды и использования их в интересах общества проходит без какого бы то ни было нарушения, изменения или уничтожения законов науки, без создания новых законов науки. Наоборот, вся эта процедура осуществляется на точном основании законов природы, законов науки, ибо какое-либо нарушение законов природы, малейшее их нарушение привело бы лишь к расстройству дела, к срыву процедуры. То же самое надо сказать о законах экономического развития, о законах политической экономии, – всё равно идёт ли речь о периоде капитализма или о периоде социализма» [2, с. 5].

Однако, как считали современники в период развернутой критики культа личности после XX съезда КПСС, в этом труде было немало ошибочного. Член-корреспондент АН СССР, организатор и первый декан философского факультета УрГУ в Свердловске, директор Института конкретных социальных исследований АН СССР в начале 70 гг. М. Н. Руткевич отмечал: «Во-первых, у Сталина не было проведено должного разграничения между сознательным использованием законов на базе науки и их использованием на базе эмпирических знаний. Так, использование закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил буржуазией в эпоху антифеодальных революций и рабочим классом в эпоху социалистической революции; было описано им в совершенно одинаковых, текстуально совпадающих выражениях. Между тем для понимания процесса превращения необходимости в свободу это различие носит фундаментальный характер. Во-вторых, в этом же труде Сталин дал одностороннюю трактовку механизма использования объективных законов природы и общества. По Сталину, суть дела состоит

в „ограничении сферы действия“ одних законов для того, чтобы тем самым „дать простор“, „расширить сферу действия“ других законов. В этой связи он касается судеб товарного производства при социализме, так что его философские рассуждения насчет хода познания и использования экономических законов и даже законов природы самым непосредственным образом связаны с определенной экономической концепцией» [3, с. 216].

Буквально свое рассуждение И. В. Сталин повторяет при разборе способа использования экономических законов: «Дать другое направление разрушительным силам некоторых законов, ограничить сферу их действия, дать простор другим законам, пробивающим себе дорогу...» [4]. Однако, описанный И. В. Сталиным способ использования законов природы и общества, по мнению М. Н. Руткевича, вовсе не обладает всеобщим характером: «Схема Сталина на деле была приноровлена к описанию смены формаций и смены специфических для каждой из них экономических законов. Вытеснение законов капиталистического хозяйства в переходный от капитализма к социализму период происходит как раз именно вследствие ограничения и вытеснения капиталистического уклада. Законы капиталистической экономики действительно ограничиваются по сфере их действия и уступают место новым законам, законам экономики социализма, вплоть до полного вытеснения капиталистического уклада» [3, с. 218].

М. Н. Руткевич пишет: «Но данная схема не годится для объяснения смены формаций в целом, поскольку существуют общие экономические законы, например, закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Ограничить сферу действия этого закона никак нельзя, хотя опираться на него в практике, использовать его передовые классы могут. Сталин ссылается в данной работе на этот закон многократно, но процедуры его использования (и подобных экономических законов) в своих гносеологических рассуждениях не касался. Не подлежит сомнению, что разбираемый способ использования законов совершенно не подходит к таким важнейшим законам социализма, как основной экономический закон социализма или закон планомерного развития хозяйства. Эти законы являются общими для обеих фаз коммунистического общества, и по мере развития социализма происходит не „ограничение“ сферы их действия, а все более полное их использование в интересах общества.

Таким образом, выдвинутая Сталиным в „Экономических проблемах социализма в СССР“ схема насчет способа использования законов природы и общества обладает весьма узким значением. Что же касается экономических законов социализма (если взять их в совокупности, как систему, включающую в себя и законы социалистического товарного производства), то предложенный Сталиным способ их использования попросту не применим на практике, поскольку задача состоит не в „ограничении сферы их действия“, а во все более широком и полном сознательном их использовании на благо общества. Следовательно, остатки преклонения перед этой схемой в философских трудах по меньшей мере неуместны» [3, с. 218–219].

Схема стала догматической и потому вера в нее оказалась опасной для социализма. Сам И. В. Сталин писал с уверенностью в неограниченные силы Советской власти: «Экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил давно пробивает себе дорогу в капиталистических странах. Если он еще не пробил себе дорогу и не вышел на простор, то это потому, что он встречает сильнейшее сопротивление со стороны отживающих сил общества.

Здесь мы сталкиваемся с другой особенностью экономических законов. В отличие от законов естествознания, где открытие и применение нового закона проходит более или менее гладко, в экономической области открытие и применение нового закона, задевающие интересы отживающих сил общества, встречают сильнейшее сопротивление со стороны этих сил. Нужна, следовательно, сила, общественная сила, способная преодолеть это сопротивление. Такая сила нашлась в нашей стране в виде союза рабочего класса и крестьянства, представляющих подавляющее большинство общества. Такой силы не нашлось еще в других, капиталистических странах. В этом секрет того, что Советской власти удалось разбить старые силы общества, а экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил получил у нас полный простор» [2, с. 219]. Не следует забывать, что эти строки написаны в 1952 г., когда внутренние и внешние враги были разгромлены Советской властью, была создана мировая система социализма и половина карты мира была закрашена красной краской. То есть в момент начала Корейской войны, когда решался вопрос «кто-кого» в глобальной борьбе

двух мировых систем. Однако кончина И. В. Сталина и дальнейший раскол СССР и Китайской народной республики привели к заморозке решения этого вопроса еще на 40 лет.

Список использованной литературы

1. Великий Корифей Науки – Избрание Тов. Сталина Почетным Академиком [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://matiane.wordpress.com/2020/02/19/comrade-stalin-great-coryphaeus-of-science>
2. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: ГИПЛ, 1952. – 95 с.
3. Руткевич М. Н. Актуальные проблемы ленинской теории отражения. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970. – 234 с.
4. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.politpros.com/library/19/249>

5.3. САМООБРАЗОВАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ПОДГОТОВКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: Н. К. КРУПСКАЯ И НАШЕ ВРЕМЯ

Н. К. Крупская огромное внимание уделяла образованию взрослых как цели и средства построения социализма. Использовалась памятка занимающимся самообразованием, вытекавшая из опыта самообразования элита революционеров. В работе «К постановке дела в совпартишколах» Н. К. Крупская отмечала, что поскольку лекции — отживший способ преподавания, на первый план вышли технологии научения самообразования и самостоятельной работы. Курсантов совпартишкол следовало обучить коллективной работе, умению организовать работу и распределить ее между собой. Тем самым были сформулированы требования к технологии обучения курсантов совпартишкол и комвузов как новой государственной и партийной элиты. Сегодня новая Россия демократического выбора стоит перед задачей обновления партийной, политической и хозяйственной элиты.

Известно, что вдова В. И. Ленина, Н. К. Крупская огромное внимание уделяла не только школьному образованию, но и образованию взрослых как цели и средства построения социализма. В образовании взрослых она видела возможность переделки огромных масс населения, избавление от привычек и обычаев старого общества. В своей книге о самообразовании в Предисловии Н. К. Крупская писала: «Всеобщее обучение подрезало корни неграмотности и малограмотности; наша молодежь в школе вооружается знаниями. Но если мы возьмем взрослые массы населения, то увидим чрезвычайно пеструю картину подготовки. Массы остро чувствуют нехватку знаний; потребность в учёбе, тяга к учебе у взрослых и молодежи громадна. Кроме того весь уклад нашей бурно-стремительной жизни ставит перед каждым задачу — овладевать все новыми и новыми знаниями, — без этого нельзя строить социализм. Надо всячески укреплять сеть школ взрослых. Но этого мало. Необходимо организовать систематическую помощь всем видам самообразовательной работы. Кое-что в этом направлении делается. Ведется кое-какая работа при библиотеках, помещаются статьи на эту тему в газетах и журналах, но всего этого далеко недостаточно. Нужно планомерное руководство этим делом, планомерный учет имеющегося опыта» [1, с. 3].

В сборник статей вошла памятка занимающимся самообразованием. Эта памятка вытекала из опыта самообразования, которым занималась вся политическая элита революционеров. Эти блестяще самообразованные люди впоследствии пришли к власти. Достаточно отметить, что Г. В. Плеханов и В. И. Ленин не учились в обычном порядке, но самообразование позволило им упорядочить получаемые знания. В памятке отмечались важнейшие моменты и требования, но мы дадим их в самом кратком изложении: «1. для того, чтобы успешно заниматься самообразованием, надо овладеть самообразовательным техминимумом. 2. Надо соблюдать условия, при которых успешнее всего могут идти занятия... удобнее всего заниматься в читальне, читальном зале при библиотеке. 3. Надо ясно продумать, чем хочешь заниматься» [1, с. 15]. Далее идет список требований к самообразованию: «4. надо составить себе учебный план занятий. 5. надо „медленно спешить“» [1, с. 16]. «6. Очень хорошо пользоваться учебниками по заочному образованию» [1, с. 17]. Но тут речь идет о массовом самообразовании взрослых. Главным же была подготовка партийно-политической элиты и о ней речь шла в других работах, где самоподготовка и обучение диалектически совпадают.

В работе «К постановке дела в совпартшколах» Н. К. Крупская отмечала: «Все признают, что лекции – отживший способ преподавания. Тем не менее лекционный метод является методом, господствующим в совпартшколах. Теперь введены еще так называемые „групповые занятия“. Занятия в группах идут под руководством „групповодов“. Обычно групповые занятия заключаются в разъяснении непонятого на лекции. Групповод является чем-то вроде репетитора и помогает курсантам усваивать содержание прослушанных лекций. И лекции, и групповые занятия не будят самостоятельности курсантов, имеют целью лишь усвоение слушателями известной суммы знаний. Царит этот устарелый, признанный всеми негодным метод, вероятно, в силу того, что новые методы преподавания у нас мало разработаны» [2, с. 98].

Н. К. Крупская обращала внимание всегда начинать с технического минимума готовности курсантов в образованию и самообразованию: «Первое, чему следует обучить курсантов, – это экономии в расходовании времени и энергии. У курсантов совпартшкол этого времени куда как немного, а энергии хотя и много, но затрачивать ее зря нельзя: работы в стране более чем достаточно. А между тем

большинство совпартшкол является местом, где времени и энергии курсантов никто не жалеет: ни они сами, ни преподаватели. Я уже говорила о перегрузке программ, о том, что курсанты затрачивают массу времени на изучение того, что изучать им вовсе не надобно, что материал часто дается им в неудобоваримом виде. Кроме того, чрезвычайно мало уделяется времени на обсуждение вопроса, как надо работать. Проходятся обширные курсы, например, химии, грамматики, а того, как читать, делать выписки, составлять планы работы, прорабатывать вопросы коллективно, как проверять себя, – об этом не говорится, эти умения не развиваются» [2, с. 98–99].

Н. К. Крупская обращается к хорошо известному опыту учебе-ских студентов. Этот опыт нам известен по советским вузам 50–60 гг., но Н. К. Крупская знала это уже в начале 20 гг.: «Кто-то говорил о том, что в Коммунистическом университете трудящихся Востока китайцы проявляют в занятиях необычайное упорство и усидчивость. Изучают язык, уча слова по лексикону, выучивая слов по триста в день. Это показывает громадную энергию китайцев. Но как можно спокойно смотреть на такой неэкономный способ изучения языка, на такую чудовищную растрату энергии? Энергию надо беречь. Мы должны учиться этому сами и учить слушателей совпартшкол, так как без этого из них не выйдет дельных, умелых работников, а совпартшкола должна воспитывать не только сознательных, но и умелых строителей новой жизни» [2, с. 99].

Н. К. Крупская обращает внимание на технологии научения самообразования и самостоятельной работы: «Другая важная задача – это научить курсантов работать самостоятельно. Конечно, бесполезно повторять курсанту о необходимости самостоятельно работать, надо научить его, как это надо делать. Начинающим надо давать сначала сравнительно несложные задания, могущие быть выполненными в один-два часа. Надо растолковать курсанту, какую работу и как ему надо выполнять, какую постепенность следует при этом соблюдать, какими книгами пользоваться, какие трудности встретит курсант при выполнении этой работы и как с этими трудностями он может справиться. Затем курсант предоставляется своим силам, он только в крайнем случае прибегает к помощи руководителя. По окончании работы последний помогает курсанту осознать проделанный путь.

Чем точнее, полнее будут указания руководителя, чем их лучше усвоит курсант, тем успешнее будет его работа. В дальнейшем зада-

ния должны постепенно увеличиваться в своей сложности и объеме. Указания руководителя могут становиться не столь детально разработанными, а носить лишь общий характер. Так постепенно учиться курсант работать самостоятельно. А это умение имеет громадное значение» [2, с. 99].

Особо важным оказывается обучение коллективной работе и Н. К. Крупская отмечала: «Не менее важно научить курсантов коллективной работе. Работать коллективно не значит только работать сообща, в одной комнате, над одной темой, по одним и тем же учебникам; самое главное не это, самое главное – уметь организовать работу, уметь ее распределить между собой так, чтобы она была выполнена как можно лучше и притом в возможно короткий срок. Уметь распределить работу между собой – это значит уметь правильно оценить свои силы и силы других, вникнуть в существо работы, определить время, на нее потребное при определенной сумме знаний и умений и при определенном темпе работы. Если работу распределяет преподаватель или групповод, то воспитательное значение такого разделения труда почти совершенно пропадает» [2, с. 99–100].

Общая сборка требований к технологии обучения новой государственной и партийной элиты в представлении Н. К. Крупской такова: «Мы хотим готовить из курсантов совпартшкол строителей жизни, советских и партийных работников, но, чтобы этого достичь, курсанту надо, в первую голову, научиться расценивать свои и чужие силы, уметь каждого поставить на свое место. Организация коллективной работы могла бы помочь выработке подобного рода навыка. Тут надо бы идти тем же путем, как и при выработке умения у курсантов самостоятельно работать. Сначала надо на легких случаях показать, как это надо делать, потом давать все более и более сложные задания, приходя на помощь лишь в крайних случаях.

Занятия в совпартшколах должны бы начинаться общим вводным курсом, куда бы вошло и сообщение навыков, как заниматься, сберегая силы и время, и сообщение о том, чему придется учиться, и ознакомление с навыками к самостоятельным и коллективным занятиям. Такой вводный курс дал бы очень много. Конечно, это были бы только известные вехи, привычки и навыки приобретались бы в продолжение всего курса, но важно, чтобы вопрос был поставлен с самого начала. Это значительно облегчило бы курсантам работу» [2, с. 100].

В качестве справки отметим место, время и историческую роль этой ключевой статьи: «Впервые опубликовано в журн. „Коммунистическое просвещение“, 1922, № 6 (декабрь). Печатается по указанному источнику. В декабре 1921 г. состоялся I Всероссийский съезд совпартшкол, на котором были установлены типы совпартшкол, определены их задачи. На съезде в связи с этим остро встали вопросы программ и методов преподавания. Обсуждение их продолжалось в ходе подготовки II Всероссийского съезда совпартшкол и комвузов и на самом съезде (состоялся в апреле 1923 г.). Настоящая статья Н. К. Крупской открывала предсъездовскую дискуссию по спорным вопросам» [2, с. 788]. Сегодня новая Россия демократического выбора стоит перед задачей обновления партийной, политической и хозяйственной элиты, которая пришла к власти в 1990 гг. и уже не соответствует новым стратегическим задачам российской государственности. Наследие Н. К. Крупской педагогический опыт А. С. Макаренко представляют для руководства страны огромный интерес.

Не случайно начало действия Указа президента страны о Годе педагога и наставника совпадает со 135-летием со дня рождения А. С. Макаренко и на встрече с участниками пилотной образовательной программы «Школа наставника» В. В. Путин 2 марта 2023 г. отметил, что воспитание ответственности за судьбу страны осуществляется через формирование у людей ценностей гражданственности: «Эти ценности воплощены в трудах наших великих педагогов, которых знает весь мир, – это Макаренко, Сухомлинский и другие, в каждодневном подвиге учителей поколения Великой Отечественной войны, в подвижничестве мастеров производственного обучения, которые вместе со своими воспитанниками поднимали заводы, предприятия в послевоенное время» [3].

Список использованной литературы

1. Крупская Н. К. О самообразовании. Сборник статей. М.: Молодая гвардия. 1936. – 112 с.
2. Крупская Н. К. Педагогические сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук. 1960. т. 9. – 839 с.
3. Открытие Года педагога и наставника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/70627>

5.4. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ПЕРЕСТРОЙКА ОБРАЗОВАНИЯ

Ленинские декреты об организации дела народного образования и о единой трудовой школе РСФСР заложили организационную, идеологическую и теоретическую основу преобразования школьного дела. Однако Постановление ЦК ВКП(б) 1931 г. ликвидировало завоевания революционной педагогической науки в области управления образованием, где предписывалось осуществить единоначалие в управлении, причем работа органов детского самоуправления теперь направлялась на повышение качества учебы и укрепление дисциплины. Из школы изгонялось разнообразие форм обучения и воспитания — основной формой организации учебной работы объявлялся урок, ставший центром решения и воспитательных задач. Был поставлен вопрос о перестройке Наркомпросами республик организационной работы с тем, чтобы вся школьная работа сводилась к учебе и повышению дисциплины, но не к воспитанию и формированию человека, что требовал А. С. Макаренко. Выводы той давней дискуссии имеют практическое значение для преобразования системы образования новой России демократического выбора.

105 лет назад были опубликованы два важнейших декрета молодой Советской власти: подписанное В. И. Лениным в июне 1918 г. Положение Совета Народных Комиссаров «Об организации дела народного образования в Российской Республике», и в октябре – Положение о единой трудовой школе. Первый декрет опубликован в № 130 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 26 (13) июня 1918 года [1].

Первый пункт первого декрета гласит: «Общее руководство делом народного образования в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике принадлежит Государственной Комиссии по Просвещению, председателем которой состоит Народный Комиссар Просвещения». Итак, если первый документ возлагал общее руководство народным образованием на Государственную Комиссию по Просвещению, то на местах – на губернские, уездные и волостные отделы народного образования исполнительных комитетов Советов рабочих и крестьянских депутатов. Непосредственное заведование научными и учебными учреждениями, имевшими общегосударственное значение, должен был осуществлять Народный комиссариат по просвещению.

Состав комиссии был таким: «Государственная Комиссия состоит из членов: а) по должности: члены Коллегии Народного Комиссариата Просвещения, все заведующие отделами Народного Комиссариата-

та Просвещения, Управляющий делами Народного Комиссариата Просвещения и секретарь Государственной Комиссии, б) по выборам: 3 представителя от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов, 3 представителя от (профессиональных объединений учителей, стоящих на платформе Советской власти, 2 представителя от Центрального Бюро Профессиональных Союзов, 1 представитель от Центрального Бюро Рабочих Кооперативов и 1 представитель от Центрального Совета железнодорожных культурно-просветительных организаций (Цекульт), в) в качестве представителей от ведомств: 1 член от Народного Комиссариата по Делах Национальностей, 1 член от Высшего Совета Народного Хозяйства» [1].

Второй документ – Декрет от 16 октября 1918 г. о единой трудовой школе РСФСР был рассмотрен и утвержден на заседании ВЦИК и стал законом, определившим организацию советской школы [2]. В качестве вступительной статьи к нему от имени Государственной комиссии по просвещению были опубликованы «Основные принципы единой трудовой школы. От Государственной комиссии по просвещению 16 октября 1918 г.». Статья за подписью А. В. Луначарского начиналась так: «Наступает новый учебный год. При сколько-нибудь нормальных условиях внутри школы надо было бы ожидать в ней как отражения Великой Октябрьской революции, коренной и плодотворной реформы, реформы настолько всеобъемлющей, что она поставила бы русскую школу, по крайней мере по принципам, положенным в её основу, на первое место в цивилизованном мире» [3].

Автор делает важнейший на наш взгляд, вывод: «Социалистическая школа в воспитательном отношении обязана развернуть во всю ширь трудовое начало, которое робко, в искажённой форме вводится передовой буржуазной педагогикой» [3].

Отмеченные нами документы заложили организационную, идеологическую и теоретическую основу преобразования всего школьного дела. Однако, успешное развитие школы на такой платформе, закрепленной в Программе партии, принятой VIII съездом РКП(б), вскоре было прервано вследствие педологического влияния на педагогику. Постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1931 года открыло серию решений, постепенно ликвидировавших завоевания революционной педагогической науки [4].

В указанном Постановлении наркомпросам союзных республик предписывалось осуществить единоначалие в управлении, работа органов детского самоуправления направлялась главным образом на повышение качества учебы и укрепление дисциплины. Из школы изгонялось разнообразие форм обучения и воспитания – основной формой организации учебной работы объявлялся урок, быстро ставший центром решения и воспитательных задач.

Все эти меры сделали невозможной реализацию программного требования партии – «полное осуществление принципов единой трудовой школы». В постановлении говорилось: «ЦК констатирует, что советская школа далеко еще не соответствует тем огромным требованиям, какие предъявляются к ней современным этапом социалистического строительства. ЦК считает, что коренной недостаток школы в данный момент заключается в том, что обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний и неудовлетворительно разрешает задачу подготовки для техникумов и для высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук (физика, химия, математика, родной язык, география и др.). В силу этого политехнизация школы приобретает в ряде случаев формальный характер и не prepares детей как всесторонне развитых строителей социализма, увязывающих теорию с практикой и владеющих техникой.

Всякая попытка оторвать политехнизацию школы от систематического и прочного усвоения наук, особенно физики, химии и математики, преподавание которых должно быть поставлено на основе строго определенных и тщательно разработанных программ, учебных планов и проводиться по строго установленным расписаниям, представляет собой грубейшие извращения идеи политехнической школы» [4].

Постановление обращало внимание на метод проектов: «Применяя в советской школе различные новые методы обучения, могущие способствовать воспитанию инициативных и деятельных участников социалистического строительства, необходимо развернуть решительную борьбу против легкомысленного методического прожектерства, насаждения в массовом масштабе методов, предварительно на практике непроверенных, что особенно ярко в последнее время обнаружилось в применении так называемого „метода проектов“.

Вытекавшие из антиленинской теории „отмирания школы“ попытки положить в основу всей школьной работы, так называемый „метод проектов“ вели фактически к разрушению школы» [4].

Однако суть этого постановления проявляется в пятом разделе «Управление и руководство школой», в котором речь идет о перестройке Наркомпросами союзных республик всей своей организационной работы. Перестройка направлена на то, что вся школьная работа сводится к учебе и повышению дисциплины, то есть совсем не на то, что было важным для А. С. Макаренко – воспитание и формирование человека. В Постановлении отмечалось: «ЦК предлагает Наркомпросам союзных республик решительно перестроить практику руководства органов народного образования, сделав его действительно оперативным и дифференцированным, сосредоточив внимание на важнейших промышленных районах (металл, уголь, нефть и т. д.), совхозах, МТС, районах сплошной коллективизации и новых строительствах. Устранить „уравнительный“ подход в распределении сил и средств, концентрируя их прежде всего на ведущих участках социалистического строительства.

Наркомпросам союзных республик обеспечить осуществление единоначалия в управлении школой. Профсоюзным организациям оказать в этом деле необходимую помощь органам народного образования. Наркомпросы союзных республик должны, организуя практическую помощь учителям в их работе, повысить ответственность учительства за качество школьной работы, выделяя и поощряя преданных и знающих свое дело учителей. Поставить работу органов детского самоуправления в школе таким образом, чтобы она была главным образом направлена на повышение качества учебы и укрепление сознательной дисциплины в школе» [4]. Во второй раз в советской истории эти вопросы были подняты в ходе общественной дискуссии по вопросам образования в период разрушительной перестройки. Несмотря на гибель страны выводы той дискуссии имеют практическое значение для преобразования заимствованной на Западе системы образования новой Россией демократического выбора.

Список использованной литературы

1. Декрет Совета Народных Комиссаров. Об организации дела народного образования в Российской Республике (Положение) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istmat.org/node/30436>
2. Декрет от 16 октября 1918 г. о единой трудовой школе РСФСР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_377.htm
3. Основные принципы единой трудовой школы. От Государственной комиссии по просвещению 16 октября 1918 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://makarenko-museum.ru/lib/Science/Lunach/Lunacharskiy_AV_Main_principels_of_united_labour_School.pdf
4. Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе. Приложение № 5 к п. 31 пр. ПБ № 58 от 25.VIII.1931 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istmat.org/node/53561>

5.5. СОВЕТЫ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ И ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

В перестройку, которая была объявлена революционной, на первый план вышли вопросы формирования нового поколения советских людей. На обсуждение общесоветской ответственности были вынесены проекты положения о школе, о Совете по народному образованию (СНО), варианты концепции образования. Идеи СНО оказались связаны с самим проектом советской власти, и возникло опасение, что СНО будут органами, конкурирующими с территориальными Советами. Проект СНО Н. К. Крупской явился продолжением и развитием исторической практики формирования советов трудящихся и всей Советской власти как исторически первой формы диктатуры пролетариата. Этот проект повторился в перестройку и возникло утверждение, будто эти формы управления образованием стали жертвой командно-административного стиля управления. В новых условиях проект формирования системы, которая подменит Советы народных депутатов на одном из важнейших направлений их деятельности, объявлен журналом «Коммунист», противоречащим ленинскому декрету, и опыту строительства советской школы в первое десятилетие после установления власти Советов.

В советскую перестройку, которая была объявлена революционной, на первый план вышли вопросы формирования нового поколения советских людей. Кризис воспитательной работы ВЛКСМ, в рядах которого состояло 42 млн членов, проявлялся в самых разных формах, отражался в статистике преступлений, выражался в культуре. В кинематографии зрителей в 1988 г. потряс фильм по мотивам одноименной повести Ю. М. Полякова «ЧП районного масштаба» [1].

Журнал ЦК КПСС и теоретический орган правящей партии «Коммунист» статьей В. В. Пирожкова «Ленинские декреты о школе и перестройка образования» писал о идущей перестройке всей системы образования: «Сегодня советское общество осуществляет революционный переход к качественно новому состоянию. Достижение его во многом зависит и от того, как наша школа поставит дело воспитания и обучения подрастающих поколений. Февральский Пленум ЦК КПСС подчеркнул необходимость глубокой перестройки ее работы в соответствии с принятыми политическими рекомендациями. Конкретные пути обновления будут обсуждаться на предстоящем в декабре Всесоюзном съезде работников народного образования. К съезду в „Учительской газете“ опубликован ряд проектов докумен-

тов – Положения о средней общеобразовательной школе, Положения о районном (городском) Совете по народному образованию, два варианта концепции общего среднего образования (один подготовлен коллективом, созданным Государственным комитетом СССР по народному образованию, другой – Академией педагогических наук СССР), проекты Положения о профессионально-техническом училище и Положения о среднем специальном учебном заведении. Общественность определяет свое отношение к ним» [2, с. 64–65].

Проекты были следующим образом открыты для всенародного обсуждения: «В спектре мнений, представленных на страницах печати, в передачах радио и телевидения, в редакционной почте нашего журнала, проявляется горячая заинтересованность учителей, преподавателей, ученых в установлении ясной перспективы действий. Несомненно, неоценимую помощь в этом оказывает обращение к первым ленинским декретам о школе. Речь, конечно, идет не о простом возвращении к зафиксированной в них программе создания новой, советской школы, а об осмыслении ее применительно к современным условиям. Такую потребность ощущали и авторы обсуждаемых сегодня проектов. Попробуем и мы с таких позиций оценить предложения по реформе школы и управления ею, содержащиеся в опубликованных документах» [2, с. 65].

Автор предлагает создание системы советов по народному образованию (СНО) на всех уровнях существовавшего тогда СССР, и Советской власти в стране: «Итак, сфера управления. Главную задачу перестройки здесь авторы обоих вариантов концепции усматривают в создании системы советов по народному образованию (СНО) на уровне страны, республики, области, района (города) и советов школ, которые должны будут решать все вопросы развития образования на данной территории» [2, с. 65].

Автор пытается реконструировать предпосылки и замыслы первых ленинских декретов: «Поскольку утверждается, что предлагаемая „общественно-государственная система“ управления соответствует замыслу первых ленинских декретов о школе, обратимся к периоду подготовки декрета СНК „Об организации дела народного образования в Российской Социалистической Советской Республике“. Народный комиссариат по просвещению считал, что всякий план организации образования в стране должен строиться на вовлечении масс и что наилучший тот, где дело передается в руки населения. СНО и рассматри-

вались как органы территориального самоуправления, но, зачитывая, что их создание – длительный процесс, что массы еще недостаточно втянуты в просветительскую работу, в качестве переходной формы предусматривались отделы народного образования при местных Советах, которые должны были руководствоваться инструкциями комиссариата. Одно из направлений их деятельности – энергичная работа по организации СНО. Последние должны были носить совещательный характер, быть органами, через которые осуществлялся бы контроль населения над постановкой дела образования» [2, с. 65].

Проект СНО является продолжением и развитием исторической практики формирования советов трудящихся и всей Советской власти как исторически первой формы диктатуры пролетариата: «Декрет Совета Народных Комиссаров без каких-либо оговорок возлагал руководство народным образованием на отделы народного образования местных Советов, при которых СНО должны были состоять как контрольно-совещательные органы с правом вносить соответствующие вопросы в Совдеп, а также в высшие органы власти в случае несогласия с отделом.

Для нас поучительна судьба СНО. К сожалению, вопрос о той роли, которую они сыграли в период становления Советской власти, исследован плохо. Однако представляется неверным утверждение, будто эти формы стали жертвой командно-административного стиля управления» [2, с. 65–66]. К сожалению, автор, стоящий на позициях научного коммунизма и материалистического понимания истории, использует терминологию либеральных противников социализма: командно-административного стиля управления является терминологическим продуктом термина Г. Х. Попова «командно-административная система» [3].

В. В. Пирожков однако показывает связь идеи СНО с проектом советской власти: «Основания для сомнения дают работы Н. К. Крупской – горячего сторонника организации СНО. В 1918 году она писала о том, что СНО возникают лишь кое-где, несмотря на декрет, в котором говорится о создании их „немедля“ и повсюду, что очень многие считают их неподходящей формой организации. Главное возражение, будто СНО будут органами, конкурирующими с Советами – истинными выразителями интересов масс, где и должны быть сосредоточены все функции управления, в том числе и контроль-

ные, по ее мнению, несостоятельно потому, что Советы завалены работой – ждать от них внимания, какое требуется, к деятельности отделов в существующих условиях бесполезно, что СНО будут заниматься только образованием под политическим контролем Советов, будут зависимы от них, служа укреплению их власти.

Логика развития Советов в последующие годы, усложнение их структуры и функций, появление в них секций, в том числе и по народному образованию, а также общественных организаций – например, профессиональных, комитетов крестьянской взаимопомощи, обществ „Долой неграмотность“, „Друг детей“ и т. д. – потребовали изменить подход» [2, с. 66].

В забытой ныне речи «Как работать по просвещению» на Всесоюзном съезде работниц и крестьянок – членов Советов (октябрь 1927 года) Н. К. Крупская уже возлагала всю организаторскую работу на местные Советы, секции по народному образованию. «Надо, чтобы к секциям прикреплялись товарищи от каждой организации, чтобы все организации помогали работе сельсоветов, волостных исполкомов или горсоветов» [4, с. 268]. Журнал «Коммунист» комментирует это так: «СНО выпали из поля зрения. Да и какую роль они могли сыграть в этот период? Посредническую между общественными инициативами и местным Советом? Это возможно там, где возникает необходимость в координации усилий, но опять же как оформление инициативы самих масс, а не по предписанию сверху» [2, с. 66].

Н. К. Крупская в той же речи сообщила важную вещь: «Тов. Ленин много раз говорил, что гвоздь строительства социализма в организации. Он говорил, что нужно, чтобы все, что проснулось в народе и способно к творчеству, вливалось в организации, которые имеются и будут строиться в дальнейшем трудящимися массами. Так говорил Ленин. В Советах он видел организаторский центр. Надо и дело народного образования увязать с Советами; через сельсоветы и горсоветы для дела народного образования можно сделать чрезвычайно много. Часто сельсоветы занимаются лишь одним каким-нибудь вопросом. Один сельсовет все внимание обращает на то, чтобы организовать красный уголок. Другой сельсовет занимается только постройкой школы. И выходит так, что сельсоветы и волисполкомы занимаются не всем делом народного образования в целом, что у них перед глазами стоит не все, что надо делать в данном селе, в данном

районе или в данном городе, а какой-нибудь один частный вопрос: постройка школы, устройство детской площадки и т. д.» [4, с. 264–265].

Далее она, блестяще развивая мысли В. И. Ленина, сказала: «Первоначально Советы были созданы в очень несовершенной форме. Но постепенно Советская власть крепла, росла и выливалась в определенную форму. Если мы сравним, как были организованы Советы в первые дни и месяцы после Октябрьской революции, с тем, как они организованы сейчас, то увидим, что сейчас организация Советов гораздо более продумана и Советы организованы гораздо лучше, чем это было вначале. Секций в Советах сначала совсем не было, да и в настоящее время, как правильно указали многие из выступавших здесь товарищей, наши секции спят и работают слабо. А между тем вопрос о работе секций – один из важнейших, один из самых нужнейших вопросов. Возьмем секцию народного образования. Эта секция должна иметь перед глазами все народное образование в своей местности – и дошкольную работу, и школьную – и I и II ступень, – и политпросветительную работу. Секция народного образования должна иметь на учете все население от трехлетнего возраста и смотреть, что можно сделать в данном районе для просвещения масс» [4, с. 265].

Все последующее развитие советской школы Н. К. Крупская связывала с совершенствованием деятельности местных Советов. «Массовая школа – дело Совета в целом, – отмечала она в 1931 году. – Забота о школе, о качестве ее работы, об учителе не может быть просто сдана в культурно-бытовую секцию. Это должно быть делом всего Совета в целом, секция должна работать по заданиям Совета, под его контролем. Все другие секции должны помогать работе культурно-бытовой секции. Культурно-бытовая секция должна сплотить вокруг себя широкие советские массы, должна объединить вокруг себя работу добровольных обществ, поставить весь актив, принимающий близко к сердцу дело массовой школы, на выполнение завета Ильича о школе. Надо организовать вокруг работы Советов и молодежь, подростков в том числе. Тут нужна не игра в штабы, нужна упорная, повседневная работа над улучшением школы...» [2, с. 66].

Однако, похвалив Н. К. Крупскую за ленинский курс в организации народного образования, теоретический и политический журнал ЦК КПСС в статье В. В. Пирожкова тут же подверг критике все советское наследие в духе «архитектора перестройки» А. Н. Яковлева. Очевидно. Свою роль в этом сыграло переформирование редколлегии журнала –

в него был введен Е. Т. Гайдар, а потому мы читаем далее: «Введение единоначалия привело к тому, что отделы народного образования, будучи органами местных Советов, превратились в звенья ведомственного наробразовского управления, безоговорочно выполняющие его указания. Негативные последствия господства административной системы сегодня хорошо известны» [2, с. 66].

Предлагаемый взамен проект также отвергается журналом, ведь этот журнал разделял точку зрения каждого автора, как и авторы разделяли позицию редколлегии. Другие статьи тогда и не печатали. В. В. Пирожков писал: «Что же предлагается взамен? Выход видится в создании огромной структуры, начальная ячейка которой – совет школы (ПТУ), реализующий в своей деятельности принцип соуправления детей и взрослых, „сотрудничества в управлении процессом их совместной жизнедеятельности“, и СНО разных уровней – органов сотрудничества общества и государства. Отделы народного образования местных Советов должны работать теперь на СНО, а депутатские комиссии будут входить в СНО для придания им статуса правомочного законодательного органа. Речь идет о формировании такой системы, которая полностью подменит Советы народных депутатов на одном из важнейших направлений их деятельности.

Соответствует ли этот план ленинскому декрету и опыту строительства советской школы в первое десятилетие после установления власти Советов? Из истории этого вопроса мы видим – не соответствует. Более того, противоречит. Но, возможно, ориентиры реформы политической системы нашего общества дают веские аргументы в пользу такого плана? И здесь следует отрицательный ответ» [2, с. 66–67].

Список использованной литературы

1. ЧП районного масштаба (1988) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/7906/annot/>
2. Пирожков В. В. Ленинские декреты о школе и перестройка образования // Коммунист. № 17. 1988. с. 64–71.
3. Административно-командная экономика. Административно-командная экономическая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://businessman.ru/new-administrativno-komandnaya-ekonomika.html>
4. Крупская Н. К. Педагогические сочинения в десяти томах. М.: Изд. Академии пед. наук, 1958. т. 2. – 748 с.

5.6. СОВЕТЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ И СОВЕТЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Резюме. Перестройка в СССР обнажила иррационализм и тоталитаризм мышления, возникла некогерентность мышления. В перестройку реформа политической системы была нацелена на обеспечение полновластия Советов народных депутатов и в некогерентном мышлении планировалось параллельное создание Советов по народному образованию. Советы школ и СНО объединялись в подобие ведомственной системы управления с участием общественности. Хотя бюрократический проект был близок к успешной реализации, новое мышление с общечеловеческими ценностями было нацелено на полную ликвидацию социализма, а значит и прекращение дискуссии о реформировании образования. Суть обсуждения была предана забвению к концу перестройки и сегодня может критически переосмыслиться для выхода из состояния, в котором оказалась Россия после десятилетий вхождения в западную цивилизацию.

Перестройка в СССР обнажила родовые особенности антисоветского мышления, главной из которых стал иррационализм и тоталитаризм мышления. По завершению перестройки можно было подводить итоги эволюции антисоветского проекта. С. Г. Кара-Мурза описал так «новое мышление», провозглашенное М. С. Горбачевым: «Сам ход развития антисоветского проекта обнаружил явление, которое нам, образованным в духе Просвещения, трудно понять и принять. Умные и интеллигентные люди в значительной своей части оказались иррациональными и неспособными к рефлексии» [1, с. 61]. Автор пришел к выводу о возникновении явления некогерентности мышления: «Сейчас, когда подведены итоги многих исследований массового сознания в годы перестройки, психологи ввели в оборот термин *искусственная шизофренизация* сознания. Шизофрения (от греческих слов *schizo* расщепляю + *phren* ум, рассудок) – это расщепление сознания. Один из ее характерных симптомов – утрата способности устанавливать связи между отдельными словами и понятиями. Это разрушает связность мышления. Ясно, что если удастся „шизофренизовать“ сознание, люди оказываются неспособными увязать в логическую систему получаемые ими сообщения. Их рассуждения становятся некогерентными» [1, с. 66].

Этот термин вызвал недоумение, но без него в понимании перестроечного мышления не обойтись, о чем и пишут автор термина – естествоиспытатель, химик – применительно к мышлению: «Некоторые читатели сердятся на меня за использование иностранного слова „некогерентность“. Каюсь, иногда трудно удержаться от соблазна вернуть что-нибудь эдакое, из науки. И я под влиянием упреков постарался найти русский эквивалент (извиняюсь, равноценную замену). Но пока не удалось. Когерентность частей умозаключения, как понятие-метафора, создает сложный образ этого умозаключения как слаженно работающей системы, дающей на выходе качественно новое ценное знание. Это не просто связность или непротиворечивость частей, здесь намек на возникновение синергического эффекта» [1, с. 66].

Посмотрим, как рассуждает журнал «Коммунист» в 1988 г. – после знаменитой перестроечной XIX партконференции КПСС – о реформе образования в контексте расширения полномочий Советов и создания на этом фоне Советов народного образования. Рассуждение некогерентное. В. В. Пирожкова пишет: «Напомним, что в решениях XIX партконференции подчеркивается: главное направление реформы политической системы – обеспечение полновластия Советов народных депутатов как основы социалистической государственности и самоуправления. Основы, на которой все дела должны решаться народом и его полномочными представителями под непосредственным и действенным его контролем. В ходе реформы будут укрепляться законодательные, управленческие и контрольные функции Советов. На их рассмотрение и решение передаются все важнейшие вопросы государственной, хозяйственной и социально-культурной жизни, восстанавливается руководящее положение выборных органов по отношению к исполнительным. „Следует обновить саму организацию работы Советов, – говорится в решениях конференции, – ...предусмотреть периодическое освобождение депутатов от служебных и производственных обязанностей для работы в Совете, постоянных комиссиях и избирательных округах, исходить из того, что каждый Совет в рамках закона имеет полную возможность выбора форм и методов своей деятельности с учетом местных условий“» [2, с. 67].

В совершенствовании деятельности Советов, повышении их ответственности за состояние дел на таком важном участке работы, как сфера образования, и нужно искать выход из создавшейся ситуации».

В чем же некогерентность в этом рассуждении? В соединении рассуждения о роли совета трудящихся и предполагаемого совета по образованию. Последний может быть общественным советом, комиссией или тем, что в постсоветской России называлось городской или областной общественной палатой или общественным советом при Минкульте, Минобороны и т. п. Недаром либералы шутили со скрытым смыслом – «мы живем в стране советов и можем посоветовать». В рассуждении автора советы трудящихся, которые стали территориальными в 30 гг. смешивались с общественными советами по любой тематике – от образования до экологии. Между тем в 30 гг. выборы в советы шли по производственному принципу и советы депутатов рабочих и крестьян избирались на производстве, хотя и контролировали территории, на которых находились эти производства. И только в Конституции СССР 1936 г., где речь шла о победе социализма в основном и построении основ социализма произведен переход к выборам по территориальному принципу.

В. В. Пирожков далее отмечает, говоря о Совете народных депутатов: «Совет имеет полную возможность выбора форм и методов своей деятельности. Это значит, что именно он должен, исходя из конкретных условий, решить, в каких формах установить свои взаимоотношения со школой. Здесь простор для творчества, гибкости, увязки рождающихся в ходе перестройки инициатив с общественными, государственными интересами. У Совета кругозор, охватывающий жизнь, проблемы села, города, перспективы их развития, – гарант того, что подготовка граждан в школе будет строиться на современных требованиях, а не по меркам вчерашнего, а то и позавчерашнего дня.

Понимание роли и места Советов народных депутатов в политической системе общества, отраженное в документах XIX партконференции, делает уместными в решении вопросов их компетенции рекомендации, составленные на основе обобщения всесоюзного опыта, а не навязывание универсальных приемов. А ведь именно универсальные формы предлагаются нам сегодня в качестве панацеи от бюрократических извращений. Советы школ и СНО объединяются в некое подобие старой ведомственной системы управления, правда, с участием общественности. Подобие, не свободное от такого ее недостатка, как замыкание только на интересах образовательного комплекса» [2, с. 67].

Получается, что автор опасается бюрократического перерождения советов в новый административно-управленческий комплекс и это верно. Однако он не отмечает, что уже в 30 гг. был сделан первый шаг в этом опасном направлении. Автор пытается отстоять самостоятельность Советов трудящихся: «Если мы признаём, что коллектив учебного учреждения обладает правом осуществлять свою деятельность на принципах самоуправления, гласности, демократии, в том числе самостоятельно решать, как организовать учебно-воспитательный процесс, тогда почему надо приказывать ему создать совет? Ведь и здесь уместна только рекомендация. Почему мы предписываем коллективу не только форму, но и содержание? Здесь правомерна аналогия: вообразим совет предприятия или объединения, состоящий на одну треть из его работников, а на две трети – из представителей общественности и родителей. Нонсенс! Но именно в такой пропорции предлагается создавать советы школ (ПТУ)» [2, с. 67].

Однако, как говорил малограмотный зачинатель перестройки, «процесс пошел»: «СНО района (города) уже организуются, хотя сам план еще только обсуждается и для его реализации требуется согласие органов Советской власти, поскольку речь идет о вмешательстве в сферу их компетенции. Вся эта работа тяжким бременем ложится на коллективы учебных учреждений и отделы народного образования, растраниживаются (более мягкого слова и не подберешь) их силы и время, столь необходимые для реальных дел по перестройке образования. Со всех сторон раздаются голоса – созвать такой совет трудно, не говоря уже о том, что надо еще собрать полномочную конференцию для его избрания. Как уговорить представителей общественности, родителей прибыть в нужном (предписанном) количестве? Школа меж тем по-прежнему в кризисном состоянии, выход из тупика пока даже и не наметился. Вот мнение делегата XIX партконференции народного учителя СССР, директора школы-интерната г. Владивостока Н. Дубинина: „Самостоятельность наша в основном декларируется, сохраняются обширные зоны, в которых рядовой учитель или директор не смеет свое суждение иметь. Многим интересным начинаниям по-прежнему уготована судьба „вечных экспериментов“, а бюрократический маховик раскручивается с той же скоростью“» [2, с. 68].

Автор заключает, что еще один бюрократический проект близок к успешной реализации: «Да, имея в виду рассмотренные предложе-

ния по перестройке управления, создание СНО в тот момент, когда еще только выясняется отношение общественности к ним, до Всесоюзного съезда работников народного образования, мы должны согласиться с оценкой учителя: маховик раскручивается с той же скоростью» [2, с. 68]. В обойму стали входить новые слова и СНО как новые параллельные советы оказываются неактуальными.

В. А. Лисичкин и Л. А. Шелепин в книге «Третья мировая (информационно-психологическая) война» пишут: «Следующий этап действий Горбачева и стоявших за ним идеологов КПСС разворачивается уже через год после XXVII съезда, на январском и июньском пленумах ЦК 1987 г. Апофеозом служит книга М. С. Горбачева „Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира“, которая была издана строго одновременно и у нас и за рубежом в январе 1988 г. С 1987 г. в идеологическую обойму входят слова: перестройка, гласность, новое мышление, общечеловеческие ценности, человеческий фактор; новое звучание приобретает термин – демократизация» [3, с. 243].

Про СНО в стране и партии забыли через год – как только появилась программа полного уничтожения социализма и СССР. Авторы пишут об этой программе, которая нас интересует в части оценки судьбы Советов: «И вот, в момент растерянности и деморализации людей появляется мессия, апостол нового божества России Фриденмена – профессор Гавриил Харитонович Попов. Вслед за Николаем Гавриловичем Чернышевским и Владимиром Ильичем Лениным он создал свое „Что делать“. Уже ранее Г. Х. Попов имел крупные заслуги перед „демократией“, введя в широкое употребление термин „командно-административная система“, до этого существовавший только в англоязычной литературе. Творение Попова содержит три составных части, каждая из которых содержит частицу „де“: денационализация, десоветизация, дефедерализация. Перед нами по сути программа тотального уничтожения проклятого прошлого в лице СССР и России...» [4, с. 277–278].

Приведем слова Г. Х. Попова из главного перестроечного журнала «Огонек»: «По В. И. Ленину, в системе Советов носитель власти – Совет самого низшего уровня, в котором непосредственно заседают рабочие. А в нормальной республике носитель власти – национальный парламент, и власть от него идет сверху вниз, а не наоборот. В советской системе Совет любого уровня – власть. А в демократической

республике власть – у парламента, а на местах избирают не органы власти. а органы самоуправления – муниципалитеты (или земства, как было в России).

В системе Советов вся власть сосредоточена в руках Советов. В демократической республике никто не имеет права удерживать всю власть. Есть три системы власти: законодательная, исполнительная и судебная.

В советской системе главное – заседания Советов, а в демократической республике – работа аппарата. В советской системе должны работать депутаты. а в республике – профессиональные чиновники.

С этих позиций можно понять еще один аспект наших нынешних бед. Мало того, что на государстве все еще лежит руководство всей экономикой (что само по себе неприемлемо, даже если бы мы имели демократическую республику), так еще это государство советское, противоречащее самим основам мирового опыта государственного строительства.

Суть перестройки в политике – полная ликвидация Советов и создание нормальных институтов демократии; законодательной власти, судебной власти и исполнительной власти» [5, с. 6, с. 5].

Полный план «Барбаросса» в исполнении нового Гудериана. Мы рассмотрели журнал «Коммунист» в 1988 г., а вот что происходило тогда: «Иногда действия по уничтожению СССР с наступлением часа „икс“ сравнивают с действиями генерал-полковника немецко-фашистской армии Хайнца Вильгельма Гудериана, который в начале войны против СССР прославился своими танковыми прорывами и взятием в клещи с последующим окружением советских войск. Потом шло добивание окруженной группировки. Подобно танкам Гудериана, вырвавшиеся на оперативный простор идеологи и диссиденты, составлявшие единое целое (и лишь имитировавших борьбу), взяли в клещи сознание людей. Клещи сомкнулись, ловушка захлопнулась, началось добивание. Через некоторое время произошло объединение бывших „врагов“, принявших общее самоназвание – „демократы“. Но ведущая роль идеологов КПСС сохранилась. Все важнейшие посты вновь оказались в их руках, да по сути дела они их и не отдавали; только сделали поворот на 180 градусов – из пламенных коммунистов они стали пламенными антикоммунистами.

Сравнение операций информационной войны с тактикой Гудериана несомненно отражает истину. Но суть часа «икс» заключалась в перевороте в общественном сознании. 1988 г. можно назвать годом «великого перелома» в общественном сознании. В это время СМИ переходят в информационно-психологическую атаку» [3, с. 261–262]. Естественно, что прекраснодушные мечты и новых советах по народному образованию терпят полный крах во второй раз после предложения об их создании Н. К. Крупской: «Тов. Ленин много раз говорил, что гвоздь строительства социализма в организации. Он говорил, что нужно, чтобы все, что проснулось в народе и способно к творчеству, вливалось в организации, которые имеются и будут строиться в дальнейшем трудящимися массами. Так говорил Ленин. В Советах он видел организаторский центр. Надо и дело народного образования увязать с Советами; через сельсоветы и горсоветы для дела народного образования можно сделать чрезвычайно много» [4, с. 264–265]. Все это было забыто в перестройку и может критически переосмыслиться в том состоянии, в котором оказалась Россия после десятилетий безуспешного вхождения в западную цивилизацию.

Список использованной литературы

1. Кара-Мурза С. Г. Антисоветский проект. М.: Алгоритм, 2006. – 288 с.
2. Пирожков В. В. Ленинские декреты о школе и перестройка образования // Коммунист. № 17. 1988. с. 64–71.
3. Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М.: Эксмо, 2003. – 448 с.
4. Крупская Н. К. Педагогические сочинения в десяти томах. М.: Изд. Академии пед. наук, 1958. т. 2. – 748 с.
5. Попов Г. Перспективы и реалии. О стратегии и тактике демократических сил на современном этапе // Огонек, 1990, № 50, Попов Г. Перспективы и реалии II // Огонек, 1990, № 51.

5.7. ОБРАЗОВАНИЕ И КРИЗИС ПЕДАГОГИКИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Перестройка в СССР создала новое мировоззрение, новую веру бывших советских людей, что завершилось реставрацией капитализма. Источником смены веры было изменение педагогического мышления, что предлагалось в проекте концепции реформы образования Госкомитета по образованию. Новое педагогическое мышление строилось на педагогике сотрудничества, хотя советская педагогика была деформирована в 30 гг. в антимарксистском духе, когда педагогический процесс заключался в рамки, где учитель учит, а ученик учится. Обращение к опыту А. С. Макаренко дважды было не востребовано в массовом масштабе в СССР – в 30 гг. и в 1988 г. в 100-летнюю годовщину его рождения. Ленинские декреты об образовании 1918 г. и тезисы о единой трудовой школе показывают свою актуальность через 105 лет. Новая Россия демократического выбора нуждается в традиционной системе образования, которая формирует и воспитывает гражданские ценности.

Перестройка в СССР, начатая как революционные преобразования социализма, завершилась контрреволюцией и реставрацией капитализма. Для этого было необходимо создать новое мировоззрение, новую веру бывших советских людей. В. А. Лисичкин и Л. А. Шелепин в книге «Третья мировая (информационно-психологическая) война» писали на этот счет: «Важнейший момент конца перестройки – отречение от прежней веры и переход к новой, или, другими словами, коренное изменение мировоззрения, основ общественного сознания. Именно этим коренным изменением и объясняется такой феномен постперестроечных лет, как безграничное терпение людей, их пассивность, безропотное вымирание, добровольный уход из жизни, включая частые самоубийства офицеров. Это, можно сказать, главный результат информационно-психологического наступления. В наше время для возникновения новой веры, имеющей массовую базу, очень важно иметь опору на науку. В СССР людям с детства внушали, что все должно опираться на науку и это фундаментальное условие развития общества» [1, с. 334].

Как происходила смена веры? На наш взгляд, источником было изменение педагогического мышления, что и предлагалось в проекте концепции реформы образования Госкомитетом по образованию. В журнале «Коммунист» педагог В. В. Пирожков в 1988 г. писал, касаясь проекта новых Советов по народному образованию: «Обратимся

к содержащимся в проекте концепции Госкомитета представлениям, которые должны составить фундамент современного педагогического мышления. С принципом сотрудничества мы уже знакомы по предыдущему изложению – сотрудничество общества и государства, общества и школы призваны реализовать советы школ и СНО. Оно же „цементирует новое педагогическое мышление“ в истолковании педагогического процесса. „Педагогический процесс – это совместное движение педагогов и учащихся к целям образования“. Здесь сотрудничают учитель и ученик. Гуманизация, демократизация педагогического процесса сводятся к установлению в современной школе отношений сотрудничества между учениками и учащими» [2, с. 68].

Посмотрим, где начинается подмена классической педагогики перестроечной: «Классики советской педагогики исходили из того, что основными частями любого педагогического процесса являются: среда (школьная, семейная и т. д. – словом, общественная среда); объект воздействия (ребенок, подросток) и организатор воздействия – педагог. Считалось само собой разумеющимся, что первая часть включает в себя и две остальные, что они диалектически связаны: школьник – и объект (на него направлено воздействие), и субъект (он член среды). В таком же положении педагог – организатор среды по директивам данного общества, в выработке которых он принимает участие».

В данном случае обычно ссылаются на «Тезисы о Фейербахе» К. Маркса: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, – это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом...» [3, с. 2].

Однако, автор считает, что советская педагогика была деформирована в 30 гг. в антимарксистском духе. Он пишет: «смысл хирургической операции, произведенной в 30-х годах, сводится к „усекновению“ среды. Педагогический процесс был заключен в рамки: учитель учит, ученик учится. Первый требует и, если надо, наказывает, второй подчиняется. Педагоги возвышаются над воспитуемыми.

Педагогика сотрудничества, как видим, остается в рамках этой схемы. Правда, отношения подчинения предлагается заменить

отношениями равенства, „сотрудничества“. Конечно, это шаг вперед. Но такой шаг, который ведет к проповеди любви („возлюби ближнего как самого себя“), дающей в руки педагога мало реальных средств для достижения необходимого результата. В официальных документах говорить о любви не принято. Но именно к ней сводятся призывы, содержащиеся в концепции: признать личность ученика, его права на собственное суждение, на ошибку, стимулировать и направлять познавательные и жизненные интересы учащихся. Педагогу предлагается помнить о своей ответственности за оценки, рекомендации, требования и поступки. Его обязывают завоевывать уважение и доверие учащихся – только в этом случае он сможет помочь ученику осознать действительные мотивы и цели своего поведения, причины успехов и неудач. Все это справедливо. Но что дальше? Где педагогическая техника, методы проведения всего этого в жизнь?» [2, с. 68–69].

Получается, что советское учительство, как и весь советский народ оказались в паутине мифов о воспитании. Обращение к опыту А. С. Макаренко дважды было не востребовано в массовом масштабе в СССР – в 30 гг. и в 1988 г. в 100-летнюю годовщину его рождения. Итак, в разгар перестройки вновь обнаружилось: «Наше учительство нуждается в четких и понятных ориентирах действий, средствах перестройки работы школы. Можно ли ограничиться в этом деле рекомендациями улучшать свои взаимоотношения с учащимися? Для иллюстрации обратимся к проблемам воспитания.

Сегодня мы все согласны с тем, что наша школа плохо воспитывает. Между тем вопрос стоит очень остро. Известно: наиболее чуток человек к восприятию воспитания в детстве. Если он упустил что-то в школе, есть возможность восполнить пробелы в знаниях после нее. Воспитательные же пробелы почти что невосполнимы. И задачи воспитания ныне усложняются» [2, с. 69].

«...Наше общество осуществляет революционный переход к качественно новому состоянию, – говорил на февральском Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев. – Оно нуждается в гражданине образованном, убежденном, преданном социализму и вместе с тем – активном, ищущем, умеющем жить и работать в условиях демократии, хозяйственной самостоятельности коллективов, в обстановке возрастающей экономической и социальной ответственности за себя и страну» [4, с. 3–4].

Ставится вопрос о заново воспитанном человеке в новых условиях перестройки. Автор показывает, что это значит: «А это значит, что выпускник школы, помимо свидетельства об окончании, определенного запаса знаний, должен иметь прежде всего навыки поведения в таких условиях. Как их сформировать? Вот как отвечает на этот вопрос педагогика 20-х годов. „Все же, насколько в обучении высокое место должно быть признано за индивидуализирующим методом, настолько же в воспитании самой прекрасной задачей является создание школьного коллектива, спаянного радостным и прочным товариществом, что заложит в душу подростка, развивая соответственные наклонности в нем, широкую общественность, способность реально, всем сердцем чувствовать себя солидарной частью великого целого. Добровольная дисциплина, дух взаимопомощи, объединенная работа, самоуправление на началах полного равенства, хоровое начало повсюду, где оно возможно, разнообразные трудовые акты, устремленные к созданию общего сложного результата, – вот принципы, которые рядом с изучением прошлого и настоящего человечества при свете научного социализма дадут нам того гражданина, какого нам нужно...“ („Основные принципы единой трудовой школы“. Характерная деталь: „Учительская газета“ 12 июля 1988 года напечатала текст „Основных принципов...“, но в него в числе прочих не вошел и этот фрагмент. Причем сокращения редакцией никак не оговорены и не обозначены)» [2, с. 69].

Текст основных принципов также интересен. Достаточно указать следующие тезисы А. В. Луначарского: «Школьная реформа после Октябрьской революции имеет, очевидно, характер акта борьбы масс за знание, за образованность. Комиссариат просвещения обязан как можно скорее разрушить и в этой, быть может, важнейшей области классовые привилегии. Дело идет при этом не только о том, чтобы сделать общедоступной школу, как она есть, ибо такой, какой её сделал предшествующий режим, она для трудовых масс не годится; дело идет о коренной перестройке её в духе школы подлинно народной. В прежней школе низы её страдали крайней запущенностью или даже отличались искусственно приданными вредными чертами, ибо то были школы „простонародья“: по отношению к ним налицо было не просто равнодушие, но прямая недоброжелательность и, наконец, стремление по мере сил обратить их в орудие отравления сознания

народного, орудие распространения отвратительного верноподданничества. На верхних ступенях школа была не просто школой высших классов, как в Англии, например, она была ещё и школой-муштрой для дрессировки не менее верноподданнических надсмотрщиков за простонародными рабами. Новая школа должна быть не только бесплатной на всех ступенях, не только доступной и, как можно скорее, обязательной для того, чтобы она прочно укрепилась, она должна быть ещё единой и трудовой» [5].

Другие тезисы 1918 г. показывают свою актуальность через 105 лет: «Что значит, что школа должна быть единой? Это значит, что вся система нормальных школ от детского сада до университета представляет собою одну школу, одну непрерывную лестницу. Это значит, что все дети должны вступать в один и тот же тип школы и начинать своё образование одинаково, что все они имеют право идти по лестнице до её наивысших ступеней. Быть может, государство просто физически не осилит такой задачи, чтобы теперь же гарантировать за всеми русскими детьми грядущее вступление в университет, но, во всяком случае, переход с одной ступени школы на другую должен быть обеспечен прежде всего наиболее талантливым, причем преимущество отдаётся детям пролетариата и беднейшего крестьянства. Однако понятие единой школы не предполагает непременно её однотипности» [5]. Россия нуждается в традиционной системе образования, которая формирует и воспитывает традиционные гражданские ценности.

Список использованной литературы

1. Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М.: Эксмо, 2003. – 448 с.
2. Пирожков В. В. Ленинские декреты о школе и перестройка образования // Коммунист. № 17. 1988. с. 64–71.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Изд. 2, М.: ГИПЛ, 1955. т. 3. – 650 с.
4. Горбачев М. С. Революционной перестройке – идеологию обновления: Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февр. 1988 г.; Постановление Пленума ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1988. – 48 с.
5. Основные принципы единой трудовой школы. От Государственной комиссии по просвещению 16 октября 1918 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://makarenko-museum.ru/lib/Science/Lunach/Lunacharskiy_AV_Main_principels_of_united_labour_School.pdf

5.8. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЕДИНОЙ ШКОЛЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Обсуждение проектов концепции реформы образования в период перестройки остановилось в тот момент, когда перестройка перетекла в буржуазные реформы. Государственный проект концепции объявил педагогику сотрудничества новой целостной методической системой и призвал учиться использовать воспитательную силу коллектива. Поскольку большевик А. С. Макаренко блестяще решил вопросы воспитания, обращение к опыту первых ленинских декретов об образовании и школьном деле 1918 г. позволяет ответить на вопрос, что сегодня можно использовать новой России демократического выбора в перестройке образования в условиях неудачи тридцатилетнего опыта вхождения в мировую цивилизацию.

Обсуждение проектов концепции реформы образования в период перестройки зашло в тупик и остановилось в связи с изменением идеологического вектора дискуссий в тот момент, когда революционная перестройка превратилась в буржуазную контрреволюцию. Однако наибольший интерес сегодня представляет официальная концепция реформирования образования, выдвинутая Госкомитетом по образованию.

Как полагал журнал «Коммунист» в разгар дискуссии об образовании и в 100-летнюю годовщину рождения великого советского педагога А. С. Макаренко, то есть в 1988 г.: «Проект концепции, объявляя педагогику сотрудничества целостной новой методической системой, „значение которой выходит далеко за пределы проблем методики обучения“, называет среди ее принципиальных идей „идею коллективистской направленности“ и призывает учиться максимально использовать силу воспитательного коллектива, общественного мнения, самоуправления. Но как использовать, не говорится. Важно, предупреждает проект, „преодолеть отношение к коллективу как к сугубо дисциплинарному средству“.

В „Основных принципах...“ содержится и прямая рекомендация учительству: организовать воспитательную среду школы так, чтобы она соответствовала идеалам и устремлениям нашего общества. Эта творческая задача – смысл его профессиональной деятельности. Более того, у нас есть и технология: А. С. Макаренко до тонкостей ее разрабатывал и успешно применял на практике» [1, с. 69–70].

Именно А. С. Макаренко блестяще разрешил вопрос о наказании, что описано уже в литературно-художественной форме «Педагогической поэмы»: «Один из трудных вопросов педагогики – принуждение и наказание. В 30-х годах он был решен в духе времени: учитель требует, принуждает и наказывает. Для педагогики сотрудничества это неприемлемо. Одна из центральных ее идей, утверждается в проекте концепции, – „идея исключения методов принуждения к учению и использование лишь таких методов, которые вовлекают детей в общий труд учения, вызывая радостное чувство успеха, движения вперед, развития“. Но как воплощать эту идею в жизнь, если нет указаний относительно методов?

Если следовать логике коллективистского воспитания, то наилучшая форма рассмотрения возникающих среди детей недоразумений, проступков и нарушений общественного порядка – это коллективное их обсуждение. Принуждение, если оно необходимо, должно иметь общественную санкцию, а не носить характера наказания учителем ученика. Учитель должен стараться не давить своим авторитетом и не брать на себя то, что детям нужно проделать самим. Его кредо – оказывать косвенное влияние, помогать осознать проблемы, с которыми ученики сталкиваются в жизни. Все конкретно, все ясно и вместе с тем оставляет простор для проявления творческой инициативы» [1, с. 70].

Под вопрос ставятся принципы деятельностного подхода: «Было бы несправедливым не упомянуть также об исповедуемых в проекте концепции принципах деятельностного подхода. О них говорится много и с жаром, например: „Принципы деятельностного подхода пронизывают все стороны жизни школы – процесс познания, воспитания, ее трудовое начало. Деятельность ребенка – основной фактор его развития, его самоопределения“. Если верить „Педагогической энциклопедии“, они пронизывали жизнь школы уже в 1964 году. И что же? Выиграла что-нибудь она благодаря этому явлению? А самое главное: в какой деятельности возникают нравственные качества? Какой деятельностью определяется умение жить в коллективе в условиях демократии? Как рождается убежденность, преданность социализму? Ответа нет.

Следуя „Основным принципам...“, мы скажем, что главную педагогическую роль в коллективе выполняет не деятельность, а комплекс

отношений, охватываемых понятием „социалистический образ жизни“. Мы видим, что проект концепции, фиксируя принципы сотрудничества и деятельностного подхода, не предлагает практических рекомендаций, не дает ответа на вопрос, как действовать педагогу» [1, с. 70]. Вывод у автора цитированной статьи печальный. Тем не менее В. В. Пирожковым ставятся типично перестроечные вопросы – что же делать учителям? Вопрос им ставится так: «Но важен и другой вопрос: что является содержанием работы учебного учреждения? В конце концов название документа – „Концепция общего среднего образования“ – рождает у читателя надежду, что он найдет в нем ответ. Перестраивая школу, мы должны знать, с каким багажом ее выпускник вступит в жизнь. В программах для школы необходимо отразить требования научно-технического прогресса, перестройки, вычленив их ядро, обосновать, почему его надо видеть таким, а не иным. Это нужно и для определения структуры образовательного процесса, его длительности. Следует учесть закономерности становления человека. А как иначе аргументированно ответить на вопрос: сколько лет должен проводить наш ребенок в школе? Нельзя забывать и о требованиях, диктуемых интересами дальнейшей профессиональной подготовки и непрерывного образования. К сожалению, в проекте концепции ответов мы не найдем. Здесь лишь постулируются три ступени школы – начальная, основная и старшая. По-видимому, отыскание теоретических ориентиров для нового педагогического мышления не позволило вплотную заняться этими насущными проблемами перестройки школы» [1, с. 70–71].

Обращение к опыту первых ленинских декретов об образовании и школьном деле 1918 г. позволяет ответить на вопрос, что можно сегодня использовать новой России демократического выбора в перестройке образования в условиях неудачи тридцатилетнего опыта вхождения в так называемую мировую цивилизацию.

Вспоминая рецепцию ленинского опыта в 20–30 гг. прошлого столетия, мы видим как в статье, посвященной десятилетию Положения о единой трудовой школе, Н. К. Крупская писала: «В самом декрете очень много такого, что имело временное значение, носило административный характер. Смысл и значение этого декрета особенно ярко выступают в „Основных принципах единой школы“, но эти „Основные принципы“ были бы простой декларацией, обычной,

хорошей, талантливой статьей, если бы они не сопровождались данным декретом, показывающим, что все это не слова, а дело, что „Основные принципы“ – руководство к действию. Пусть многое в декрете спустя 10 лет строительства школы, борьбы за „Основные принципы“ выглядит наивно, но в самой этой наивности, в каждом пункте, в каждом параграфе звучит могучий призыв величайшей в мире революции.

Сила этого призыва не ослабела и сейчас, она напоминает нам, как много еще не сделано нами для осуществления „Основных принципов“, как многое еще не доведено до конца и не может быть доведено, если мы не будем работать неустанно под революционным знаменем Октября» [2].

Далее вдова В. И. Ленина отмечала: «Основной задачей декрета было сломать старую привилегированную школу, сделать школу подлинно массовой, подлинно народной, доступной и нужной массам. В этих целях должна быть создана обновленная школа совместного воспитания – общедоступная, бесплатная и обязательная на всех ступенях. Это должна быть единая (но не однотипная, а приспособленная к местным условиям) трудовая школа. Труд, радостный, творческий труд, должен стать стержнем школьной учебы и жизни, труд производительный, тесно увязанный с жизнью, политехнический, коллективный. Школа светская, в ней нет места религии. Программа должна, покоясь на достижениях науки, давать молодежи материалистическое мировоззрение. Обновленная школа не будет подавлять личность, индивидуальность ребенка, напротив, она будет всесторонне обогащать ее, развивая все природные способности».

Особое внимание Н. К. Крупская уделила роли искусства в образовании и воспитании: „В „Основных принципах“ говорится также об организующей роли искусства, которое должно пронизывать всю работу, школы. Искусство будет помогать сплочению ребят в дружный коллектив“.

Тем не менее она не уточнила, что именно носило временный и административный характер в Положении, зато считала необходимым еще раз напомнить принципы советской школы. Через 10 лет после ленинских декретов она подвела их итоги и место в истории: „Мы имеем теперь обширную педагогическую литературу, которая затопляет, оглушает учителя. В этой новой педагогической литера-

туре говорится обо всем, о чем угодно, но очень мало о тех основных принципах, которые лежат в основе нашей единой трудовой школы. Декрет и вводная статья к нему не отменены ни юридически, ни ходом развития, основные идеи декрета и ‘Основных принципов’ стоят в полном согласии и с программой ВКП(б). Разруха, крайне тяжелые общие условия, при которых жила и развивалась наша школа за эти десять лет, помешали осуществлению основных принципов в той мере, в какой это необходимо. Но целевая установка нашей школы не изменилась. Декрет, созданный в разгар революции, будет освещать наш путь до тех пор, пока мы полностью не осуществим основные принципы, заложенные в нем» [3, с. 335].

Журнал «Коммунист» так показывает значение завещания Н. К. Крупской: «На каждом крупном этапе социалистического строительства, требовала Крупская, нужно внимательно вглядываться в формы наших учебных учреждений, содержание их работы, осуществляемые мероприятия: соответствуют ли они установленным основам нашей системы народного образования и возможностям переживаемого этапа? А нам сегодня предлагается другое – использовать идеи Наркомпроса относительно форм управления и строить свою деятельность на принципах сотрудничества и деятельностного подхода» [1, с. 71].

Напомним политическую рекомендацию февральского Пленума ЦК КПСС о решающей предпосылке ускорения перестройки средней и высшей школы – более полное воплощение ленинских принципов организации школьного дела и создание современной демократической структуры управления народным образованием. Но тут же вводится зловещий образ нового мышления, которое использовалось для уничтожения социализма: «Новое мышление – это правильное понимание новых реальностей, подвергнутых анализу методом материалистической диалектики. Это и выводы из такого анализа, сверенные с революционным ленинским опытом и с основными принципами марксизма-ленинизма. Должен также подчеркнуть: новое мышление опирается на ленинскую теорию империализма, исследование В. И. Лениным природы империализма, которая никогда „хорошей“ не станет. В этом вопросе никаких иллюзий у нас не было и нет. Центральное звено нового мышления – новая роль общечеловеческих ценностей» [4, с. 41]. Это было сказано накануне

Всесоюзной партконференции, когда теоретическая основа нового мышления размывала марксистско-ленинскую теорию.

Тем не менее журнал «Коммунист» еще уповал в этот момент на наличие теоретической основы осмысления социализма: «Теоретическая основа у нас есть. Об этом надо сказать твердо и ясно. Более того, она представлена в краткой, сжатой, доступной для понимания форме „Основных принципов единой трудовой школы“ – классики советской педагогики вполне осознавали прогностический характер документа, адресовали его нам. Признав это, мы по-иному расставим акценты в проведении реформы, поймем, что главное – реальные меры по демократизации учебных заведений (ведь бюрократический маховик раскручивается пока с той же скоростью), разработка современных программ и учебников и многие, многие „мелкие“ по сравнению с поисками основ дела. И чем быстрее мы продвинем эту работу, тем скорее из стен школы начнут выходить подлинные рыцари перестройки, способные не только закрепить, но и приумножить ее завоевания» [1, с. 71]. «Подлинные рыцари перестройки» завершили погром классического образования в форме советского образования.

Список использованной литературы

1. Пирожков В. В. Ленинские декреты о школе и перестройка образования // Коммунист. № 17. 1988. с. 64–71.
2. Крупская Н. К. Положение о единой трудовой школе РСФСР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://litlife.club/books/299476/read?page=71>
3. Крупская Н. К. Педагогические сочинения в десяти томах. М.: Изд. Академии пед. наук, 1958. т. 2. – 748 с.
4. Горбачев М. С. Революционной перестройке – идеологию обновления: Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февр. 1988 г.; Постановление Пленума ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1988. – 48 с.
5. Основные принципы единой трудовой школы. От Государственной комиссии по просвещению 16 октября 1918 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://makarenko-museum.ru/lib/Science/Lunach/Lunacharskiy_AV_Main_principels_of_united_labour_School.pdf

5.9. ВОСПИТАНИЕ КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАДАЧА

Советский педагог А. С. Макаренко по результатам многолетней работы легко выдвигал любого воспитанника как организатора и руководителя коллектива. Этот педагогический опыт подтвердился во фронтовых условиях Великой Отечественной войны. В год начала мировой войны он утверждал, что коммунистическое воспитание уже не проект, но реальность. Однако вопросы воспитания как в 30 гг., так и в 80 гг. и тем более в наше время сняты с повестки дня, причем сегодня дело обстоит хуже из-за отсутствия государственной идеологии. Но история показывает крушение великих воспитательных систем, даже основанных на идеологиях, ибо в воспитательной работе воспитывающие имеют дело исключительно с символами. Поскольку мы жили в СССР во враждебном капиталистическом окружении, равно как сегодня живем в условиях агрессии коллективного Запада, то возникает опасность удара внешнего врага в самую уязвимую точку – в воспитание. Вопрос о бдительности ставился А. С. Макаренко как задача о выявлении изъянов в государственной системе воспитания граждан и преодолении пережитков в их сознании и деятельности.

Великий социальный и социалистический педагог А. С. Макаренко легко выдвигал любого воспитанника как организатора, руководителя коллектива. Однако эта простота выдвижения была результатом труднейшей работы. Этот педагогический опыт блестяще подтвердился во фронтовых условиях Великой Отечественной войны, когда командиры и генералы мирной жизни часто были неспособны к руководству коллективами в боевых действиях и нуждались в срочной замене. Аналогичную ситуацию мы видим в Специальной военной операции России, когда требуется работы по подбору кадров в условиях боевых столкновений.

Вопрос о кадрах в мирной жизни и в боевых условиях является важнейшим. Его каждый раз решают практическим путем, о чем наиболее прозорливые исследователи и замечают: «Сегодня все историки с трагическим придыханием пишут, что в 1941 году погибла лучшая, кадровая часть офицерства, и это, дескать, предопределило огромные потери СССР в войне. А так ли это? Была ли кадровая часть офицерства Красной Армии лучшей?

Может быть, вопрос поставить по-другому? Почему, пока основное офицерство Красной Армии было кадровым, то она отступала? Почему

она начала наступать тогда, когда в армии освоились офицеры запаса, когда на офицерские должности встали храбрые солдаты, когда командование все же разыскало среди кадрового офицерства тех, кто шел в армию защищать Родину, а не за деньгами? Почему на фронте не показало себя в массе все это красиво марширующее до войны офицерство – это вопрос?

Является ли этот дефект специфическим для СССР? Боюсь, что мы еще и не из самых худших. То, как немцы разогнали польскую армию, как разгромили французскую и как три года гоняли англосаксов, позволяет думать, что в остальных странах положение с офицерством было еще худшим.

Гораздо худшим советского было и офицерство императорской русской армии. Как ни объясняй победу в Гражданской войне большим количеством царских офицеров у красных, но ведь не они определили их победу. Командование Красной Армии в массе состояло из бывших солдат и даже гражданских лиц, но Красная Армия все же разбила армии белых, укомплектованные не только „профессионалами“, но и получавших помощь со всего мира» [1, с. 64].

Значит, вопрос заключается в воспитании. И А. С. Макаренко писал перед началом Второй Мировой войны, за несколько месяцев до начала которой он умер: «коммунистическое воспитание – не проект, не предвидение, это уже существующая реальность. Советский человек 1939-го года, советские народные массы наших дней – в очень малой степени напоминают людей перед началом империалистической войны. Наш народ не только вырос в общем богатстве, в знаниях, в развитии, в готовности к действию и к борьбе, он вырос и нравственно, и его нравственный рост настолько велик, что давно определился наш этический переход в „новое качество“.

На каждом шагу мы встречаем в нашем обществе совершенно новые требования к человеку и совершенно новые нормы человеческого поступка и поведения. Каждому ребенку нашей страны известны многие имена лучших людей, показавших самые высокие образцы социалистического героизма, настойчивости, преданности революции и партии. От этих вершин практической советской этики представление о новых законах поведения и требования к человеку распространяются широко и глубоко в народе, создавая новые категории нашей мысли и новые, традиции для действия.

Коммунистическое воспитание многомиллионных масс советского народа началось с первого дня революции, с первого слова Ленина, с первых боев на фронтах гражданской войны. И потом, в течение 21 года, коммунистическое воспитание, сплошь и рядом в незаметных и неосязаемых выражениях, как будто между делом, как будто в боковых параллельных процессах, а на самом деле сознательно и целеустремленно проводилось на протяжении всего грандиозного опыта социалистической стройки. Буквально можно сказать: нет ни одного акта, ни одного слова, ни одного факта в нашей истории, которые, кроме своего прямого хозяйственного или военного, или политического значения, не имели бы и значения воспитательного, которые не были бы вкладом в новую этику и не вызывали бы нарастания нового морального опыта» [2, с. 386–387].

Между тем вопросы воспитания как тогда в 30 гг., так и в 80 перестроечные годы и тем более в наше время сняты с повестки дня, причем сегодня дело обстоит еще хуже: «вопросы фактически сняты с очереди, как и многие другие вопросы воспитания. Эти вопросы спрятаны в хитром переплете псевдонаучной болтовни, прикрыты устаревшим и совершенно чуждым для нас утверждением, что никаких отдельных вопросов воспитания нет, что воспитание неразрывно связано с образовательным процессом. Честное слово, трудно даже поверить, но такой простой и наивный фокус проделывается... Вместо того, чтобы честно и серьезно работать над вопросами коммунистического воспитания, сделали умное лицо и заявили:

– Воспитание? А зачем? Учитель, – он же преподает, вот в это самое время он и воспитывает. История! Вы знаете, одна история сколько может воспитать, вы себе представить не можете!..

История, конечно, воспитывает. Воспитывает и литература, и математика. Но никакого права ограничивать воспитательный процесс классной работой, конечно, никто не имел, как не имеет права инженер-строитель утверждать, что при постройке дома достаточно заняться только вопросами центрального отопления и конструкции крыши.

Почему организаторы школьного воспитания поступают так непринужденно просто? Исключительно потому, что они сами никакого отношения... к целеустремленности не имеют. Никакие цели их особенно не интересуют, в том числе и цели коммунистического

воспитания. А кроме того, есть и такое соображение: как-нибудь обойдется, это же не мост строить, который может рухнуть через месяц. Мы ученика выпустим, кто там разберется, что он за человек. Как-нибудь обойдется: комсомол, семья, пионеры... сделают» [2, с. 389].

В результате он увидел, что вместо коммунистической личности стали создавать «коммунистическую декорацию личности» [2, с. 400]. Сегодня Россия, лишенная государственной идеологии, стоит перед необходимостью введения обязательной дисциплины «Основы российской государственности». Но что показывает опыт истории? Крушение воспитательных систем, даже основанных на идеологиях: «С первого взгляда эти вопросы могут показаться излишним мудрствованием, ненужным усложнением простого вопроса. Но история доказывает, что именно в таком плане рушились огромные воспитательные программы прошлого.

Вспомним русские духовные семинарии, учреждения, казалось бы, в совершенстве приспособленные к своим воспитательным целям. Они принадлежали всегда закрытой касте, руководились обязательно самыми преданными ей представителями, организованы и оборудованы были прекрасно, но очень часто выпускали богоборцев и революционеров, а в самую касту попов выпускали беспринципных циников, стяжателей и комедиантов, в значительной мере способствовавших падению религиозности в народе. Таков же, в среднем, был и результат иезуитского воспитания, одной из самых сильных педагогических школ прошлого. Конечно, приведенные примеры касаются идеологий, ложных в самой своей сущности, – чем ближе становились к такой идеологии воспитанники, тем яснее видели ее истинную сущность. Но нас интересует другая сторона вопроса. Нас интересуют те люди, которые долгие годы были организаторами такого воспитания и не замечали, что оно приводит к противоположным результатам. В таком же печальном положении находились и многие другие педагогические начинания. В частности, монархическое воспитание в царской России, проводимое на протяжении целого столетия в гимназиях и реальных училищах, точно так же приводило к результатам ничтожным, и организаторы не замечали, что они воспитывали систему условных обозначений, а вовсе не самую сущность личности» [2, с. 400].

В воспитательной работе воспитывающие имеют дело «исключительно с символами», поскольку исходят из простого психологи-

ческого заблуждения: «о поведении человека можно судить только по внешним его действиям, – „чужая душа – потемки“. А. С. Макаренко отмечает против этой иллюзии: „но внешние действия тоже являются в известной степени условным обозначением истинной сущности данного человека» [2, с. 400].

Поскольку мы жили в СССР в опасном для нас капиталистическом окружении, равно как и сегодня живем в условиях открытой агрессии коллективного капиталистического Запада, то возникает опасность удара внешнего врага в нашу самую уязвимую точку: «Тот опасный стык, где оканчивается содержание реальной сущности личности и начинается внешняя форма ее проявлений, символизация поведения, всегда будет привлекать внимание наших врагов, будет привлекать внимание в гораздо большей степени, чем сейчас. Мы живём в том периоде, когда только что прошла волна самого ожесточенного нажима врага на нашу жизнь.

Этот нажим совершается в форме диверсионных и заговорщицких подготовок и на наиболее важных участках нашего фронта: в армии, управлении, в промышленности, в национальном секторе. На этих участках враги везде разгромлены, а мы научились распознавать их и бороться с ними. Возможность проникновения их в эти области в настоящее время значительно уменьшилась, и нет никакого сомнения в том, что они перенесут главные свои усилия в те отделы нашей жизни, где их вредоносное влияние труднее обнаружить, – именно в область широкого народного воспитания. А теперь, когда коммунистическое воспитание становится „решающим условием“ наших будущих побед, не может быть сомнения в том, что на этом решающем участке мы с врагами еще будем встречаться.

Эффективность враждебного вмешательства в области народного воспитания может быть очень большой, и здесь ее труднее обнаружить» [2, с. 401].

Совершенно по-современному звучат слова о бдительности в борьбе с вредительством и о иностранной агентуре, завербованной среди нашего народа, а по сути, уже не об «иностраннных агентах», но о врагах народа: «Вредительство на заводе или в шахте рано или поздно обнаруживается в явлениях материального характера, которые можно всегда точно назвать и квалифицировать. Вредительство в области воспитания может быть скрыто надолго, так как результаты воспита-

ния проявляются очень медленно и всегда в более или менее спорных формах, и, кроме того, мы еще не обладаем точными измерителями качества поведения. А указанная выше общая символичность внешних признаков поведения способна еще более облегчить внедрение чуждых влияний в этой области. Этому же процессу может способствовать и еще одно обстоятельство.

Для диверсионного вмешательства в промышленности требуется обязательно наличие сознательного преступного намерения, требуется, следовательно, формальная вербовка пособников и исполнителей. В области же воспитания достаточно, может быть, и мобилизации тех сил, которые суммарно называются у нас «пережитками капитализма». Использование этих пережитков может происходить почти незаметно и безнаказанно, в виде простого пассивного потворствования, без договора, без «вовлечения», без заговорщицких приспособлений, и это можно делать тем легче, чем этих пережитков больше» [2, с. 402].

Вопрос о бдительности предполагает не внимание к подозрительным на улице и в местах скопления людей. Это вопрос об изъянах в государственной системе воспитания граждан: «Поэтому не меньше, чем ко всякому иному делу, к делу воспитания относятся предупредительные слова тезисов доклада товарища В. М. Молотова: „поднять большевистскую бдительность во всей работе по строительству коммунизма и всегда помнить указание партии о том, что пока существует внешнее капиталистическое окружение, разведки иностранных государств будут засылать к нам вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, чтобы портить, пакостить и ослаблять нашу страну, чтобы мешать росту коммунизма в СССР“. Несомненным представляется, что в порядке предупреждения каких бы то ни было неудач в области коммунистического воспитания, во всяком случае для более совершенного и качественно яркого успеха широкой воспитательной работы, перед нами стоят две важнейшие задачи» [2, с. 402].

Педагог называет эти задачи и приступает к подробному разъяснению их в сфере истории морали и культуры, религии и политики: «работа по определению и разрешению всех вопросов теории коммунистического воспитания и коммунистического поведения», а также задача о разрушении этих пережитков [2, с. 403].

Те же задачи стоят сейчас перед нами, перед государством, когда в сетях и открыто идет вербовка граждан на основе примитивной

жадности на предательские действия и диверсии на фронте и в тылу. В книге «Армия победы» Ю. И. Мухин писал: «В войне побеждают не армии, а государства. Армии лишь уничтожают войска противоборствующей стороны. Государство, способное победить любого противника, является лучшим гарантом мирной жизни своих граждан. Объектом нападения всегда является слабый или тот, кого считают слабым. Работает старый римский принцип: хочешь мира – готовься к войне. Готовое к войне государство охладит любую горячую голову. Готовое к войне государство – это готовое к Победе в войне государство. Это государство, в котором максимально устранены все причины, ведущие к поражению, а обстоятельства, являющиеся причинами победы, усилены до нужной величины. Надо ли доказывать, что всю эту работу необходимо делать в мирное время? Именно для того, чтобы это мирное время сохранить» [3, с. 5].

Список использованной литературы

1. Мухин Ю. И. Война и мы. М.: Алгоритм, 2010. – 957 с.
2. Макаренко А. С. Сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1951. т. 5. – 515 с.
3. Мухин Ю. И. Армия Победы. М.: Родина, 2018. – 237 с.

5.10. ГЕНЕЗИС ПЕРВОБЫТНОЙ ОБЩИНЫ КАК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ: ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В СВЕТЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

На первых стадиях развития первобытного коллектива существовала зависимость человека от родовой общины: эту первичную социальную связь можно назвать пуповиной. Чувство родового коллективизма сыграло прогрессивную роль в выделении человека из природы, в становлении первых человеческих коллективов. Рассматривая роль родовой солидарности и борьбы за существование в теории развития Ч. Дарвина, Ф. Энгельс отмечал, что общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны. Это фундаментальное положение ставится ныне российскими философами под вопрос, тем самым под вопросом оказывается непреходящая и всевозрастающая ценность материалистического понимания истории.

Формирование мифологического сознания не только совпало по времени с переходом от неандертальца к кроманьонцу и привело к появлению человека разумного, но и означало победу человека социального над человеком инстинктивным. Победу человека волевого над человеком импульсивным как биологическим существом. Этот исторический период можно назвать эпохой перехода от зоологического индивидуализма, который доминировал в стадной общине неандертальца, к нерасчлененному стихийному коллективизму в матриархальной родовой общине кроманьонца. В этой общине умственный труд и производство идей было вплетено в практическую деятельность протоколлектива и не отделялось от материальной практики.

В процессе антропосоциогенеза исторический прогресс шел путем постоянного отрицания чисто стадных объединений родоплеменными союзами. На первых стадиях развития первобытного коллектива существовала прочная зависимость человека от родовой общины: первобытный человек чувствовал себя неразрывной частью рода, для него община была всем. Эту первичную социальную связь по аналогии с рождением человека можно назвать пуповиной.

Характерной особенностью родовой общины являлась нерасчлененность ее социальных функций: социальные функции рода тесно переплетались с биологическими. Обуздав зоологический индиви-

дуализм, родовая община создала стартовые начальные условия для развития социальных чувств человека и коллектива. Но свобода деятельности и свобода чувств индивида – первобытного человека были ограничены обычаями и традициями родовой общины. На первых порах чисто биологическая связь, лежавшая в основе родственных отношений первобытного человека, являлась одной из могущественных сил объединения людей – это была связь по крови. Но одной лишь биологической общности было недостаточно для становления родового коллектива. Она не выводила человека из животного состояния и не могла быть основой формирования социальных институтов. Требовалась связь культурная, которая, сплетаясь с кровнородственной связью, создавала первичное социальное отношение людей.

В начале человеческой истории труд как коллективная целесообразная деятельность, явился той силой, которая не только создала человека, но и породила социальные узы общности. Коллективная производственная деятельность человека нуждалась в наличии относительно устойчивых инвариантных социальных отношений внутри родоплеменных групп. Ответом на это требование жизни формирующихся людей явилось становление первобытного социального коллектива. Только коллектив мог усовершенствовать и сохранить способы изготовления орудий, а также передавать поколениям опыт и навыки их изготовления. Возникшие продукты труда – орудия, пища, одежда, жилище – цементируют коллективные связи и ведут к развитию социальных отношений и социальных чувств, закрепляемых в мифологическом сознании первобытного человека.

Биологическая основа первобытной орды выступает как суппорт для социальной связи людей. Организация первых человеческих коллективов была простой, негромоздкой, она не нуждалась в государственном аппарате, стоящем над народом как аппарат насилия и управления. Социальная организация поддерживалась кровнородственными отношениями, освящалась вековыми традициями и может быть названа коммунистическим общественным самоуправлением. Понятно, что коммунизм здесь первобытный, пещерный, уравнилельный, грубый и неразвитый.

Общественная сущность индивида проявлялась здесь в форме непосредственной коллективности, которая была утрачена в позднейших формациях. Там действовала всеобщая и опосредованная

коллективность. Родовая община представляла собой своеобразное объединение людей, в котором первичную клеточку общества составлял коллектив, а не индивид. Говоря словами А. А. Зиновьева, это был первичный «человеиник» [1]. Несмотря на примитивность, первобытный коллектив как человеиник давал людям ряд существенных преимуществ. Он умножал силы одного человека, делал его более свободным. Только в коллективе, путем совместной деятельности людей, было возможно успешное противостояние внешним природным силам, первичное развитие особи.

На раннем этапе развития первобытного общества человеку были наиболее понятны внутриродовые чувства и отношения, которые начали складываться на биологической основе. Его понимание окружающей действительности строилось на основе и по примеру кровнородственных отношений. Как видно из ранних мифов, человек стихийно переносил на окружающие его предметы и всю природу свойства и качества своего рода или любого его представителя. Характеризуя мировоззрение и чувства человека той первоначальной эпохи, А. Ф. Лосев писал: «Находясь под действием такого примитивного и нерасчлененного коллективизма, всецело во власти ничем не упорядоченных родовых инстинктов, человечество этой поры представляет себе в этом же виде и всю человеческую, природную и общемировую жизнь. Все существующее оказывалось живым, живущим и умирающим, одушевленным, т. е. все являлось мифом, и притом материальным, материнским мифом о всепорождающей и всепоглощающей Матери-Земле. Здесь нет места ни для Зевса, ни для какого-нибудь универсального мужского божества. Универсальна тут только общеродовая **жизнь...**» [2, с. 94].

В другой работе об античной философии истории А. Ф. Лосев писал: «Когда такое мышление пытается понять окружающую природу, то родовые отношения одушевленных существ прямо переносятся на весь окружающий мир, так что весь мир является как бы огромной родовой общиной. Но это как раз и есть мифология, т. е. понимание всего неодушевленного в качестве **одушевленного** и всего неродственного как ближайшим образом родственного» [3, с. 31].

Первым шагом в развитии человеческого самосознания было осознание коллективом себя как единого целого и противоположного природе и коллективам. Вслед за этим идет процесс самосознания

через отношения к другим людям. Этот процесс самосознания и социализации личности закреплялся в социальных чувствах и мифах родовой общины. Развитие чувства коллективизма в родовой общине – генеральная линия социализации индивида, развития его человеческих качеств. Вместе с тем самосознание индивида осуществляется также через практическую деятельность, направленную на изменение внешнего мира. Являясь основой формирования социальных чувств, сознательная деятельность укрепляет растущие социальные связи. Усиление общественных связей внутри общины постепенно ограничивало и изживало зоологические инстинкты и зоологический индивидуализм человека. Подчинение инстинктивных эгоистических побуждений чувству коллективного долга оказывалось полезным для родовых коллективов, делало их лучше приспособленными к жизни.

Отражение сложившихся в общине практических отношений формирует самосознание и социальные чувства первобытного человека, которые на первых порах были неразрывно связаны с чувствами и сознанием коллектива. А. Г. Спиркин, автор самых массовых учебников по философии в своей книге «Сознание и самосознание» писал: «Процесс формирования самосознания начинался не с осознания человеком самого себя как разумной личности, противопоставленной природе и родовому коллективу. Этому предшествовал процесс формирования осознания родом самого себя как единого целого, что служило одним из условий и предпосылкой возникновения впоследствии личного самосознания, подобно тому как формирование общества служило условием и предпосылкой формирования человека как его производной части. Сущность родового самосознания заключалась в том, что человек мысленно не выделял себя из той родовой группы, к которой он принадлежал, не рассматривал себя в ней как особый центр интересов и действий, а сливался с ней. Это было обусловлено самим характером общинного способа производства, при котором отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине. Хозяйство было коллективным, личные интересы еще не были выделены из интересов коллектива, и личность в собственном смысле этого слова еще отсутствовала.

Таким образом, первоначально выделял себя и противопоставлял окружающему миру, другим людям не отдельный человек, а род. Выделение и противопоставление шло не по линии отношений «субъект

и объект», а по линии «коллектив и противостоящий ему другой коллектив и природа». Об этом свидетельствуют косвенные данные. Так, в языках многих племен и народов (курнаи, папуасы, меланезийцы, ботокуды, нивхи, чукчи и др.) слова, обозначающие название данного племени или народа, имеют значение «человек», «люди». Совпадение названия данного коллектива с понятием человека свидетельствует о том, что в далеком прошлом коллектив в целом осознавал себя как людей, воспринимая другие коллективы как нечто иное по отношению к себе, быть может в качестве разновидности животных или существ, похожих на животных в том или ином отношении» [4, с. 160–161].

Примитивный коллективизм первобытного родового общества выражался небольшим количеством правил, которые поддерживались силой традиций, обычаев, ритуалов и мифов. К этим правилам можно отнести уравнительное распределение, коллективную ответственность за поступки соплеменника, коллективную помощь сородичам, коллективное владение средствами труда. Но коллективизм первобытного человека – это не осознанное стремление к коллективным отношениям, а объективно сложившиеся общественные связи, закрепленные в мифах и ритуалах. Поэтому вряд ли можно говорить об идее коллективизма в первобытнообщинном строе, но о протоколлективизме как социальном феномене можно говорить.

Коллективизм всегда существовал как естественноисторическое состояние, как чувство родства, но не как господствующая идея. Он существовал самое длительное время в истории человечества – дольше рабовладения, дольше феодализма и дольше капитализма. Многие тысячелетия коллективизма! Человеку необходимо было вначале осознать свою индивидуальность, выделить себя из коллектива, который для первобытного человека был единственным субъектом, а потом уже он смог осознать идею коллективности. Духовная общность членов коллектива была примитивной именно из-за неразвитости коллективных отношений. Основой взаимоотношений в первобытном коллективе выступают семейные и трудовые отношения между сородичами.

Коллективный труд, совместная жизнь подводили людей к осознанию их зависимости от родовой группы, фратрии или племени. Эта зависимость сначала осознавалась как чувство защищенности индивида от чуждых ему внешних сил и помогала людям в борьбе

с силами природы. Чувство родового коллективизма в то время сыграло чрезвычайно прогрессивную роль в выделении человека из природы, в становлении и развитии первых человеческих коллективов. Оно содействовало расцвету первобытного общества. Характеризуя первобытное общество на данном этапе его развития, Ф. Энгельс писал: «И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без судебных процессов – все идет своим установленным порядком. Всякие споры и распри разрешаются сообща тем, кого они касаются, – родом или племенем, или отдельными родами между собой...

Все вопросы решают сами заинтересованные лица, и в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал. Бедных и нуждающихся не может быть – коммунистическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне. Все равны и свободны, в том числе и женщины» [5, с. 97–98].

Старейшины рода и племени были прямыми доверенными лицами коллективов, но их авторитет был крайне ограничен. Вожди не имели права распоряжаться жизнью и смертью своих соплеменников, они еще не встали над обществом, а выполняли свои функции, сливаясь с коллективом. Чувство родового коллективизма в этот период носит универсальный характер, в нем выражена вся совокупность практических отношений человека к коллективу и другим членам рода, фратрии и племени. Сила общественного мнения и вековых традиций проявляется в относительно устойчивых коллективистских отношениях между соплеменниками, которые были необходимы для поддержания внутреннего мира и коллективного труда. Содержание чувства родового коллективизма можно выразить словами Л. Моргана об индейских родовых общинах, которые цитирует Ф. Энгельс: «Свобода, равенство, братство, хотя это никогда не было сформулировано, были основными принципами рода, а род, в свою очередь, был единицей целой общественной системы, основой организованного... общества. Этим объясняется то непреклонное чувство независимости и личного достоинства, которое каждый признает за индейцами» [5, с. 90].

В родовом коллективе человек обрел ту силу, которая дала ему возможность окончательно выделиться из природы в качестве самостоятельной планетарной силы. Возникновение таких коллективов –

важный шаг на пути освобождения человека от власти слепых внешних сил. Чувство родового коллективизма в этих условиях становится важной социальной силой, которая помогает выделению человека из природы и социализации индивида. Рассматривая роль родовой солидарности и борьбы за существование в теории развития Ч. Дарвина, Ф. Энгельс отмечал, что «общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны» [6, с. 138].

К сожалению, это фундаментальное положение Ф. Энгельса ставится ныне российскими философами под вопрос. Конечно, говоря о происхождении и роли человеческого труда и языка, можно забыть о фактах истории человека и животных, отбросить всю веками накопленную информацию, игнорировать специальные исследования, проведенные по сравнению труда и языка животных и человека. Можно взять только себя или другого современного индивида, посмотреть на свой труд, или труд другого индивида, опирающийся на знания и сознание, и сказать: «сознание творит труд», а «Бог сотворил сознание». Можно фактами из современного труда, опосредованного знаниями, языком и сознанием, затуманить современную молодежь. Но наука требует просвещать молодежь, а просвещение молодежи включает в себя то, что автор фундаментальных учебников по философии А. Г. Спиркин скрыл: обязательно надо раскрыть формулу Ф. Энгельса: «Труд расширяет кругозор». Если труд развивался, то и кругозор развивался. С помощью ракет и телескопов можно увидеть больше, чем без помощи этих орудий труда и познания. Это магистральный путь развития психики от животной к человеческой.

Стоит только признать, что трудовые действия делают скрытое от чувств открытым и трудовые действия многих людей, объединенных в систему, делают чувственным и осязаемым то, что для отдельно взятого индивида в принципе неосязаемо, как тайна происхождения человека с его сознанием и абстрактным мышлением раскрывается. А. Г. Спиркин скрыл эту тайну, а надо её раскрывать.

А. Г. Спиркин труде «Философия» употребляет слова «Философия труда». Это привлекает внимание студентов. Он не раз использует стихи и это вызывает уважение. Он использует не раз и цитирует Священное Писание и это сегодня модно. Но среди сотен тысяч избыточных слов автора-эрудита мы не находим шести самых важных слов. У него

не нашлось места для трех слов Ф. Энгельса («труд расширяет кругозор») и трех слов К. Маркса («кооперированный рабочий вездесущ»). Это пропуск самого главного. Как говорил кинематографический В. Шелленберг из культового советского сериала, «маленькая ложь рождает большое недоверие».

Не называя «простейший труд» животных по использованию готовых орудий и не увидев «элементарный труд» по изготовлению простейших орудий труда, А. Г. Спиркин упустил возможность рассмотреть труд от простейшего к сложному и от единичного к особенному и всеобщему. Философия требует всеобщности. Всеобщность (вездесущность) труда вырастает из его максимального развития. Только сопоставив элементарный труд животных со всесторонне развитым трудом человека, можно говорить о выявлении всеобщих характеристик труда. Труд бесконечен в смысле бесконечного совершенствования бесконечных возможностей изготовления всё новых и новых орудий, приборов и инструментов. И человеческий чувственный опыт становится бесконечным в смысле бесконечного числа сменяющих друг друга поколений людей. В этом и состоит философский смысл труда. Эту-то философскую сущность труда А. Г. Спиркин и не заметил. «Слона и не заметил»: как в басне И. А. Крылова.

В «Немецкой идеологии» отмечалось: «Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии – вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к жизни, – шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производя необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят и самое свою материальную жизнь. Способ, каким люди производят необходимые им средства к жизни, зависит прежде всего от свойств самих этих средств, находимых ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению. Этот способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В ещё большей степени, это – определённый способ деятельности данных индивидов, определённый вид их жизнедеятельности, их определённый образ жизни. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. Та, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством – совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представля-

ют собой индивиды, – это зависит, следовательно, от материальных условий их производства» [7, с. 19].

Мы приходим к выводу, что материалистическое понимание истории обладает непреходящей ценностью, которая только возрастает с накоплением суммы научных знаний об обществе. Решение основного вопроса философии на материале исторического процесса означает, что исторический материализм и есть распространение принципов диалектического материализма на сферу социального движения материи.

Список источников

1. Зиновьев А. А. Глобальный человек. М.: Эксмо. 2006. – 448 с.
2. Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. – 620 с.
3. Лосев А. Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977. – 208 с.
4. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М.: ИПЛ, 1972. – 303 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. М.: ГИПЛ, 1961. т. 21. – 745 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. М.: ИПЛ, 1964. т. 34. – 555 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. М.: ГИПЛ, 1955. т. 3. – 630 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье «Задачи русских социал-демократов», написанной в 1897 г. В. И. Ленин останавливался на двуличности мелкой буржуазии, к чему он не раз возвращался впоследствии, а особенно в статьях и выступлениях после Октябрьской революции: «Мелкая буржуазия двулична по самой своей природе, и тяготея, с одной стороны, к пролетариату и к демократизму, она, с другой стороны, тяготеет к реакционным классам, пытается задержать историю, способна поддаться на эксперименты и заигрывания абсолютизма (хотя бы в форме „народной политики“ Александра III), способна заключить союз с правящими классами против пролетариата ради укрепления своего положения, как мелких собственников. Образованные люди, вообще „интеллигенция“ не может не восставать против дикого полицейского гнета абсолютизма, травящего мысль и знание, но материальные интересы этой интеллигенции привязывают ее к абсолютизму, к буржуазии, заставляют ее быть непоследовательной, заключать компромиссы, продавать свой оппозиционный и революционный пыл за казенное жалование или за участие в прибылях или дивидендах.

Что касается до демократических элементов в угнетенных народностях и в преследуемых вероучениях, то всякий знает и видит, что классовые противоречия внутри этих категорий населения гораздо глубже и сильнее, чем солидарность всех классов подобной категории против абсолютизма и за демократические учреждения. Только один пролетариат может быть – и, по своему Классовому положению, не может не быть – последовательным до конца демократом, решительным врагом абсолютизма, не способным ни на какие уступки, компромиссы. Только один пролетариат может быть передовым борцом за политическую свободу и за демократические учреждения, ибо, во-1-х, на пролетариате политический гнет отражается всего сильнее, не находя никаких коррективов в положении этого класса, не имеющего ни доступа к верховной власти, ни даже доступа к чиновникам, ни влияния на общественное мнение» [1, с. 454–455].

Н. К. Крупская пишет: «Социалистическая интеллигенция становится марксистской. В среде ее все большее место начинает занимать „рабочая интеллигенция“. О ней писал Ленин в статье „Попытное направление в русской социал-демократии“, написанной в конце 1899 г.» [2, с. 513]. Приведем соответствующее место о рождении рабочей интеллигенции внутри капиталистического общества: «В то время, как образованное общество теряет интерес к честной, нелегальной литературе, среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые – несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, – находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, „рабочую интеллигенцию“» [3, с. 269].

Социалистическая интеллигенция могла родиться из рабочей интеллигенции, если бы та не была вся выбита в гражданскую войну. Пришлось создавать после Октября «красную профессуру» и красную социалистическую интеллигенцию.

После краха советской государственности стало ясно, что мы потеряли. Понятно, что предупреждения соратников не услышали вовремя. Л. И. Абалкин, заместителя Председателя Совета Министров Союза ССР, председатель Государственной комиссии Совета Министров СССР по экономической реформе ставил вопрос на последнем съезде правящей партии страны: «За два года, прошедшие после XIX партийной конференции, страна оказалась втянутой в глубокий и затяжной кризис. Произошел крах общественно-политических систем, господствовавших десятилетиями в ряде стран Восточной Европы. Нарастал и нарастает вал критического осмысливания того, что было сделано с Октября 1917 года. Именно в этих процессах обнаружилось, что идея социалистического выбора начала утрачивать среди населения страны свою притягательную силу, ставиться под сомнение. Она перестала быть той идеей, которая объединяла и сплачивала людей. Именно в этом заключается главная причина кризиса в партии» [4, с. 413–414].

Докладчик выделил два пункта касательно социалистического идеала и нашего выбора: «Первое. Судьбу социалистического выбора нельзя связывать с процессами, происходящими в одной стране или даже в нескольких странах. С момента своего возникновения соци-

алистическая идея и социалистическое движение развиваются как всемирный процесс, под влиянием которого произошли колоссальные изменения, охватившие в течение XX столетия большинство стран. И многое из того, что мы сейчас с завистью называем достижениями так называемых цивилизованных стран, возникло и утвердилось именно под влиянием социалистического ориентира и социалистического движения. И это во многом говорит в пользу такого выбора.

Второе. Судьбы социализма и социалистического идеала неправомерно связывать с какой-либо одной из его моделей. Сегодня совершенно ясно, что существует не одна, а несколько, причем весьма различных, моделей социализма. И крушение или поражение одной из этих моделей не означает краха самой идеи и принципов социалистического выбора. Опыт показал также, что среди этих моделей могут быть как те, которые отвечают общей логике общественного прогресса, так и те, которые представляют собой тупиковый вариант общественного развития.

Опыт показал, что модель, основанная на всеобщем огосударствлении, тотальном огосударствлении экономики, отрицании многообразия форм собственности и хозяйственной деятельности, отрицании рынка, не способна обеспечить высокий экономический и социальный результат» [4, с. 414].

Докладчик обратил внимание на «догмы и мифы»: «Они будут мешать, видимо, и в дальнейшем, поскольку имеют достаточно широкое распространение и приобретают характер массового предрассудка.

Миф первый заключается в том, что можно перейти к такой процветающей экономике и иметь изобилие и достаток, не пройдя трудный путь испытаний и не внося за это никакой платы. Что можно сделать это легко. Вопрос, который стоит перед партией, перед государством, состоит только в том, как минимизировать эти потери и как наиболее справедливо их распределить. Сделать это без жертв – это миф, кто бы его ни распространял. *(Шум в зале.)*

Миф второй заключается в том, что этот переход можно осуществить, сохраняя административный контроль над ценами и не трогая проблему ценообразования. Совершенно ясно, что и вообще переход к рынку, и тем более переход в той ситуации, которая сложилась сегодня в обществе, без повышения цен не произойдет. Думать иначе – значит опять-таки предаваться иллюзии. Это опасно, в политике очень опасно.

Есть только выбор между двумя вариантами. Вариант первый – провести упорядочение в системе цен, в том числе розничных, компенсировать населению возникающие при этом потери и сохранить за государством контроль за этими ценами. Или второй вариант – ничего не делать, а просто сделать все цены свободными, и пусть повышаются сами до тех пор, пока они будут расти.

Какой из этих вариантов отвечает больше целям социальной справедливости, я думаю, это можно легко определить, даже не обладая большими профессиональными знаниями. (*Шум в зале.*)» [4, с. 416].

Является ли эта речь высшего руководителя правительства СССР Л. И. Абалкина марксистской? Нет, и многие наши современники обращают внимание на упадок культуры марксистского диалектического мышления. А. А. Редин писал в 2018 г.: «Постсталинский период существования КПСС показал, что если марксистская партия в условиях капиталистического окружения недостаточно напряжённо работает над воспитанием в своей среде руководителей ленинско-сталинского уровня и кроя, то строительство коммунизма пробуксовывает и в конечном итоге партия деградирует и разрушается. Ленинско-сталинский победоносный период показал, что субъективный фактор революции можно считать созревшим, если во главе партии стоит вождь, владеющий марксизмом и умело применяющий марксизм в организационной практике» [5].

Г. М. Маленков в отчетном докладе XIX съезду ВКП(б) именно на это обращал внимание: «Недооценка идеологической работы в значительной мере является результатом того, что некоторая часть наших руководящих кадров не работает над повышением своей сознательности, не пополняет свои знания в области марксизма-ленинизма, не обогащает себя историческим опытом партии. А без этого нельзя стать полноценными зрелыми руководителями. Тот, кто отстает в идейно-политическом отношении, живет заученными формулами и не чувствует нового, тот не способен правильно разбираться во внутренней и внешней обстановке, не может и недостоин стоять во главе движения, того жизнь рано или поздно сбросит со счетов. Только такой руководитель может стоять на высоте задач нашей партии, который постоянно работает над собой, творчески овладевает марксизмом-ленинизмом, вырабатывает и совершенствует в себе качества деятеля ленинско-сталинского типа» [6].

Отметим, что на этом съезде реализовалось последнее усилие И. В. Сталина: ВКП(б) была переименована в КПСС. Не просто переименована, но была подготовлена к трансформации в партию всего народа, так как Вождь понял, что деловая стратегия большевиков за 30 лет себя исчерпала. Нужна была новая стратегия и видоизмененная партия для выработки этой стратегии. Не получилось. Вождь не успел, умер, а кое-кто из исследователей сообщает, что его убили. К этой теме в 1983 г. вернулся Ю. В. Андропов в статье к 165-летию К. Маркса. И тут не получилось, не успел, умер. А частная собственность и ее носители не дремали и готовились взять реванш. И взяли. Третий путь в России. В Советской стране это был сталинский путь. Этот путь носит название путь построения социализма – социалистический.

Как пишет С. Баранов в статье «Социалистическая цивилизация в России и Восточной Европе – главная заслуга Сталина»: «Во второй половине 1920-х годов, в конце периода НЭПа, большевистская правящая группа руководства Советской России, которую возглавляли несколько лидеров, встала перед выбором: строить ли социализм в одной отдельной стране, не имея достаточных ресурсов, или отказаться от этого, встраиваясь в систему капитализма, сдавая позиции, в конечном счёте проиграв потом нацизму в войне. Два крупных крыла большевиков: левое во главе с Троцким (троцкизм – это, кстати, тоже мировое явление, возникшее в России) и правое во главе с Бухариным, – предлагали отказаться от скачка в российский социализм (как свою цивилизационную форму), реализующий вековые чаяния народа о справедливом строе. Троцкисты надеялись на мировую революцию, прежде всего на Западе, предлагая использовать Россию как орудие. Правые надеялись на старые уклады внутри России, крестьянский и капиталистический, сохраняя прежний уровень производительных сил и нестабильное социальное положение из-за сильного социально-демографического сжатия. Оба пути были тупиковыми и вели страну к поражению. Оба – хуже, как говорил Сталин.

Победив и устранив в жёсткой схватке оба конкурирующих течения в опоре на новых большевиков из народа, Сталин волевым усилием помог России проскочить крайне опасный и рискованный момент в истории страны, перешедшей в новое качество общества, в новое время. Конечно, всё это осуществлялось жестокими методами и связано со многими жертвами. Но социализм был построен

за одно десятилетие (1929–1939) – это тысячи предприятий, создание индустриальной цивилизации из традиционной аграрной, это коллективизация, создание нового общинного строя, это культурная революция. Были открыты гигантские социальные лифты и лестницы. В отличие от своих оппонентов, Сталин понимал социализм как новое радикальное продолжение традиционной цивилизации России» [7].

Однако при капитализме третий путь представляет нечто совсем иное. Что удалось И. В. Сталину сделать в конце войны? Автор справедливо отмечает международное значение социалистического проекта в отличие от глобального красного проекта Коминтерна: «Реальный социализм не был только российским явлением. Социалистическая форма присуща всей Восточной Европе, всем славянским народам. Сталин понимал это. Распространение социализма в страны Восточной Европы – тоже заслуга Сталина. Он возродил старый славянофильский панславистский проект, создав в конце войны новое славянское освободительное движение против немецкого „Натиска на Восток“, который пытались осуществить нацисты».

При капиталистическом развитии панславистский проект неизбежно погибает под гусеницами танков НАТО и ударами рыночных интересов, и вместо него появляются серединные националистические партии, объявляющие себя партиями третьего пути. Вернемся к примеру партии ЛДПР. Ее глава в раннем произведении в самой сжатой форме излагал самую большую тайну – идеологию партии: «ЛДПР – светская партия. Она выступает против деления граждан России по классовому, региональному или конфессиональному признаку, с уважением относится ко всем исторически распространенным в России религиям. Она считает вероисповедание частным делом каждого гражданина, однако признает приоритет православия, как исторического вероисповедания абсолютного большинства населения России».

Мы против насилия и террора, за мир и сотрудничество со всеми странами и народами. Вместе с тем, мы ясно осознаем, что современный мир так же, как и раньше, не знает пацифизма и альтруизма; он остается миром конфликта интересов и жесткой борьбы. Пацифизм и альтруизм – не более чем средство психологической войны, их навязывают тому, кого собираются деморализовать и развалить изнутри. Поэтому ЛДПР выступает за бескомпромиссное отстаивание позиций России в мире всеми доступными средствами» [8, с. 22].

Итак, третий путь в буржуазном обществе, не укорененном в русской цивилизации, выглядит как сепаратизм: «В своей совокупности идеологические основы ЛДПР отличны от идеологии других политических партий и движений России. В отличие от коммунистов ЛДПР не разделяет теорию классовой борьбы, диктатуры пролетариата, пролетарского интернационализма. Она выступает против уравниательства и стремления растворить личность в коллективе или классе. Ей чужда ленинская концепция „права наций на самоопределение вплоть до государственного отделения“. Она против тоталитарной системы государственного и общественного устройства, против монопольного господства государственной собственности, одной партии и одной идеологии. Она против вульгарного „научного атеизма“, отрицающего позитивную роль религии в воспитании человека, развитии нравственности, духовности и культуры.

ЛДПР не приемлет и идейно-политические установки радикал-демократов, их преклонения перед Западом, его массовой культурой и образом жизни. Она выступает против мондиализма и универсализма, стремления унифицировать все народы и культуры в некоем едином „мировом сообществе“, против дикого индивидуализма, пропагандирующего приоритет личности перед обществом» [8, с. 23].

Далее в области идеологических концепций партия отделяется от всех – исторических материалистов и идеалистов: «ЛДПР осуждает узколобый экономический детерминизм, слепое преклонение перед вредоносными экономическими и научно-техническими программами, опасными для окружающей среды. ЛДПР видит все лицемерие призывов псевдodemократов защищать „права человека“. ЛДПР отличается и от националистических и „национал-патриотических“ партий. В отличие от традиционных национал-патриотов она не приемлет ни великодержавного шовинизма, ни узкосектантского национализма, ни патологического антисемитизма и злобно-пренебрежительного отношения к „иностранцам“. ЛДПР привержена республиканскому, а не монархическому государственному устройству, светскому, а не клерикальному государству. Она не идеализирует дореволюционную Россию, понимает противоречивость ее развития, терпимо относится к советскому периоду отечественной истории и лицам, состоявшим в КПСС. Ее устремления обращены не в прошлое, а в будущее, в высокотехнологическое третье тысячелетие» [8, с. 23].

Блестящие прогностические возможности и широкая образованность В. В. Жириновского позволили ему еще в 1995 г. оригинально поставить вопрос о традиционных ценностях нашего народа и тем самым предвидеть ту идеологическую позицию, в которой через десятилетия оказалась бывшая правящая партия «Демократический выбор России», ставшая «Наш дом Россия», затем «Межрегиональное движение Единство» и партией «Единая Россия». Уже в 1995 г. буржуазная партия ЛДПР просматривала перспективу неизбежности эволюции радикальных буржуазных демократов и важность их опоры на духовно-нравственное возрождение нашего народа: «Вместе с тем, ЛДПР понимает, что ни экономическое процветание России, ни создание в ней устойчивого правопорядка невозможны без духовно-нравственного возрождения нашего народа. Поэтому она выдвигает идею национального возрождения русского народа, как народа на протяжении веков несшего на себе основную тяжесть созидания и защиты Российского государства. Она за восстановление его традиционных ценностей, атакуемых агрессивными сторонниками космополитической масс-культуры. Она считает, что лишь тот народ, который любит и ценит свое собственное историческое наследие, способен с уважением относиться к другим народам и культурам. Залогом духовного единения и сплоченности народов России должно стать осознание общности их судьбы, идеи великой российской государственности, являющейся гарантом их культурной самобытности» [8, с. 23–24]. Однако мы понимаем, исходя из опыта исторического развития передовых обществ и традиционных цивилизаций, что духовно-нравственное возрождение нашего народа является благом пожеланием при капитализме, и значит оно невозможно при этом разрушительном общественном строе жизни, а также софистикой в теории, которая предполагает вслед за П.-Ж. Прудоном, что в обществе надо брать положительную сторону и затушевывать отрицательную.

В западной цивилизации на первый план выходят не ценности, но интересы и именно они определяют изменение общественного мнения. На Совещании с постоянными членами Совета Безопасности в июле 2023 г. президент России В. В. Путин отметил: «У людей на Украине всё чаще возникает вопрос, законный вопрос: ради чего, ради чьих корыстных интересов гибнут их родные и близкие? Постепенно, медленно, но приходит отрезвление.

Мы видим, что и в Европе общественное мнение меняется. И европейцы да и представители европейских элит видят, что так называемая поддержка Украины – это, по сути дела, тупик, пустая бесконечная трата денег и сил, а по факту – обслуживание чужих, далеко не европейских интересов: интересов заокеанского глобального гегемона, которому выгодно ослабление Европы. Выгодно ему и бесконечное затягивание украинского конфликта.

Судя по тому, что происходит в реальной жизни, сегодняшние правящие элиты США именно так и делают. Во всяком случае, в этой логике они действуют. Соответствует ли такая политика истинным, коренным интересам американского народа – это большой вопрос, вопрос, конечно, риторический, пусть они сами решают» [9].

При обсуждении доклада руководителя Службы внешней разведки С. Е. Нарышкина было сказано, что сегодня место ценностей у наших геополитических противников заняли интересы: «Сегодня мы видим, что режим в Киеве готов пойти на всё, чтобы спасти свою продажную шкуру и продлить своё существование. Им наплевать на народ Украины, на её суверенитет и национальные интересы.

Они будут торговать всем: и людьми, и землёй. Так же, кстати, как и их идейные предшественники – петлюровцы, которые в 1920 году заключили с Польшей так называемые секретные конвенции, по которым в обмен на военную поддержку отдавали Польше земли Галиции и Западной Волыни. Такие предатели и сегодня готовы открыть ворота для зарубежных хозяев и в очередной раз продать Украину.

Что касается польских лидеров, то, вероятно, они рассчитывают под натовским зонтиком сформировать некую коалицию и напрямую вмешаться в конфликт на Украине, чтобы затем оторвать себе кусок пожирнее, вернуть себе, как они считают, свои исторические территории – сегодняшнюю Западную Украину. Хорошо известно, что мечтают они и о белорусских землях.

Что касается политики украинского режима, то это его дело. Хотят, как это водится у предателей, что-то сдать, продать, чем-то расплатиться с хозяевами – это, повторю, в конце концов их дело. Мы в это вмешиваться не будем» [9]. Итак, Россия остается на позициях ценностей – традиционных ценностей и не переходит на преследование своих интересов. Наши интересы совпадают с нашими ценностями и предполагают освобождение народов планеты и обеспечение свободного развития российского народа.

Поворот новой демократической России 24 февраля 2022 г. был идеологически фундирован. Основания крутого поворота были два десятилетия назад выстроены в неоевразийской идеологии, разработанной в общественно-политическом движении «Евразия», и затем в политической партии «Евразия». Это наше утверждение основано на личном опыте участия в движении, в работе партии, участия в съездах и встречах с А. Г. Дугиным. Однако эта первая партия, зарегистрированная Минюстом в 2003 г., прекратила свою работу.

В мае 2012 г. партия была реанимирована, но уже без основателя. «Интерфакс» тогда сообщил: «В России реанимируется партия „Евразия“, вдохновленная словами Путина о Евразийском союзе» [10]. Газета «Завтра» тогда сообщила: «У нас было десять лет, чтобы подробно ознакомиться с программой» – заявил председательствовавший на съезде руководитель оргкомитета по созданию партии Валерий Коровин [11]. «Аргументы недели» ссылаясь на «Интерфакс», сообщили: «Руководитель исполнительного комитета политической партии „Евразия“ Валерий Коровин заявил в пятницу, что партия собирается возобновить свою деятельность. Валерий Коровин сказал: „Политическая партия „Евразия“, зарегистрированная Минюстом в 2003 году, возобновляет свою деятельность“. По его словам, на это решение повлияло высказывание Владимира Путина о необходимости создания Евразийского союза, передает Интерфакс» [12].

Если вернуться к основаниям и теории партии, то лучше всего о них свидетельствуют ни программа или устав партии «Евразия», принятый на учредительном съезде и обновленный через десять лет, но выступление А. Г. Дугина на учредительном Съезде политической Партии «Евразия» в 2002 г. Обратимся к тексту документов съезда.

В докладе А. Г. Дугина в 2002 г. вначале речь идет о двух пророчествах классических евразийцев: «Первое политическое пророчество евразийцев – Вопреки доминирующему среди белой иммиграции мнению, что „большевикам недолго осталось пребывать у власти“, евразийцы утверждали, что коммунисты пришли к власти всерьез и надолго, и что следует ожидать постепенной эволюции этой экстравагантной и заимствованной с Запада идеологической концепции в национальном ключе. Это предсказание оправдалось: в течение 70 лет мы наблюдали, как большевики укрепляли Государство, переняв в государственной политике, во внешнеполитическом курсе

многие собственно евразийские тенденции, идущие из дореволюционных эпох. С геополитической точки зрения, большевики являлись в XX веке преемниками именно Царской России.

Второе пророчество евразийцев заключалось в том, что Советский Союз обязательно рухнет, если он не откажется от материалистической, атеистической концепции, если не оживит свой социальный проект традиционными, духовными, национальными мотивами. И это не так быстро, как думали сами евразийцы, но, увы, произошло» [13, с. 6].

Далее логика рассуждений приводит докладчика к выводу о неустойчивости нынешней РФ и разговор приобретает острый характер: «Сегодня правительство (я не скажу Президент, он – политик прагматичный) поддерживает, в основном, курс на либерализацию, причем либерализацию тотальную и догматическую.

Мы полагаем, что этот курс ошибочен, что безоглядная культивация западных либеральных моделей ни к чему хорошему не приведет. Даже, если эффективно исполнить в этом направлении то, что сейчас делается плохо, результат все равно будет отрицательный. И спор относительно темпов роста, запечатленный в послании Президента к Федеральному Собранию, демонстрирует очень важный момент. – Развиваясь в либеральном ключе, российская экономика не может превзойти те темпы роста, которые указаны в правительственных прогнозах.

Сама постановка вопроса в нынешней полемике Президента с Правительством, если перевести ее на уровень более серьезных экономических обобщений, выглядит следующим образом. – Президент настаивает на необходимости экономического роста, поскольку от этого зависит стратегический статус России. На это либеральное правительство отвечает: «это противоречит законам рынка и, по имеющимся прогнозам, мы можем обеспечить рост ВВП всего лишь на 4 %» [13, с. 11–12].

В итоге делается вывод, носящий глобальный характер и резко отличающийся от позиций всех существовавших тогда оппозиционных партий: «Сегодня не определен сам статус нашего Российского Государства. Да, существуют законодательные акты, Конституция, границы... Но все это пока довольно приблизительно. Следует учитывать, что такой формы государства, как Российская Федерация, никогда в истории не существовало.

Что это? Остаток Советского государства? Национальное государство регионального масштаба? Искусственное эфемерное обра-

зование, на глазах распадающееся на части? Или ядро грядущего Евразийского блока?

Сегодня на эти вопросы никто не может дать окончательного ответа. РФ – это геополитическая конструкция, находящаяся в переходном состоянии. В любой момент чаша весов может сдвинуться в любом направлении. В случае продолжения вовлечения в процессы глобализации и движения на Запад нас ждет дальнейшее расчленение, т. к. в формате национального государства удержать без специальных силовых или идеологических методов сложную конфигурацию разрозненного российского федерального пространства невозможно» [13, с. 17].

Партия предлагала пять принципов, которые ныне через два десятилетия приняты на вооружение высшим политическим руководством России. Первая позиция – это «научный патриотизм»: «Евразийский „научный патриотизм“ основан на геополитике. Мне часто говорят, что геополитика – очень непростая дисциплина, и ее сложно объяснить народу. Наверно, это так. Но, большинство нашего населения окончило хотя бы среднюю школу. С точки зрения методологической, геополитика и евразийство гораздо проще, чем учебник 7-го класса по тригонометрии или „Анна Каренина“ Л. Н. Толстого. Мы это все читали, сдавали, мы это понимали и писали об этом сочинения. Не понять, что в мире существуют две цивилизационные модели – сухопутная и морская, континентальная и островная, – и между ними находится промежуточная береговая зона, могут только двоечники» [13, с. 27].

Вторая позиция: «социальная ориентация»: «Мы считаем, что необходимо строить социально ориентированное государство, общество, нацеленное в первую очередь не на индивидуальное, а на общественное благополучие. И в этом отношении этика либерализма чужда нашей национальной истории – как славянской, так и общеевразийской» [13, с. 28].

Третья позиция – тот самый искомый и превозносимый ныне традиционализм, но он имеет особую трактовку: «Мы утверждаем необходимость обращения к интегральному традиционализму, к основам традиционных конфессий – православия, ислама, буддизма, иудаизма. Неколебимые истины, основы нравственности и духовности – базу обновления и возрождения следует искать именно там и нигде более» [13, с. 30].

Четвертая позиция – «евразийский этнизм» и мы разъясним это высказываниями руководителя партии о третьем пути евразийства: «Мы – сторонники евразийского этнизма, т. е. предоставления этносам политического статуса и политического пространства на более достойной основе. Забота о каждом народе России, о каждом народе Евразии – это общая забота. Государство должно заботиться о всех народах, сохраняя их язык, не подвергая их русификации, не сваливая всех в нерасчлененную „общегражданскую“ массу.

Мы считаем, что высшей категорией истории, высшей ценностью является народ. Человек есть часть народа, он целиком и полностью им создан, воспитан, организован. Язык, культура, образ жизни, обычаи, верования, внешний вид человека – все это производная от его этнической принадлежности. Народы должны сохраняться, свободно развиваться. Евразийство предлагает народам путь совместного спасения. Этническая программа евразийства – третий путь между национализмом и космополитизмом. Это союз народов, солидарный евразийский фронт» [13, с. 31].

Наконец, вводится позиция, обозначенная как «Евразийский регионализм»: «Мы – сторонники реальной страны. Мы видим часто, как, приезжая из глубинки в Москву или другие крупные мегаполисы, люди быстро забывают свой родной край, его нужды, обычаи, превращаясь в некий федеральный, аморфный, бесцветный, некачественный, невыразительный планктон. Крупные центры, особенно мегаполисы, портят человека. Истинные этические, нравственные, духовные образцы мы должны искать в глубинке – в реальной стране» [13, с. 32]. Судя по изложенному, история и высшее политическое руководство России проводили отбор вариантов развития и их идейных оснований. Это развитие заняло два десятилетия после завершения либерального периода сдачи национальных интересов большой России.

Пророческим выглядит указание на опасность создания государства-нации России – пути, по которому далее пошла Украина. История показала, что это путь национал-социализма и в докладе А. Г. Дугина 2002 г. говорилось: «Ощущая серьезность угрозы распада, многие сегодня считают главной задачей укрепление России в качестве „национального государства“ в тех границах, которые у нее есть. Это позиция патриотического фланга российской власти. Однако, когда мы будем утверждать мобилизационную идеологию этого государства-

нации (без чего никакого укрепления быть не может), мы будем вынуждены провести *жесткую границу с нашими соседями*, бывшими союзными республиками, отгородиться от них „железным забором“ (в том числе и таможенным). Это сделает евразийскую интеграцию и консолидацию СНГ маловероятными. Следовательно, такой проект „державности“ не является евразийским. Кроме того, для создания законченной „патриотической“ идеи, ограниченной рамками РФ, потребуется серьезная консолидация общества. На каком основании такая консолидация могла бы происходить? На основании тех буржуазных представлений о мире, которые лежат в основе исторических государств-наций? Причем именно эти представления и привели сегодня большинство европейских (да и азиатских) государств на грань распада... Сложно придумать более неудачное время для построения государства-нации в России. Эта инициатива заведомо не может кончиться ничем хорошим» [13, с. 18].

Отсюда и научный прогноз будущего России: «Будущее России заключается в том, чтобы стать ядром и платформой нового континентального образования. Пусть в ближайшем будущем им станет Евразийский Союз, наподобие Европейского Союза, но это не предел. С помощью ряда геополитических альянсов и блоков мы должны выстроить совершенно новую уникальную, никогда не существовавшую доселе, и, тем не менее, вполне надежную континентальную конструкцию» [13, с. 19]. И далее речь идет о евразийском поддержке президента РФ: «В данной политической ситуации и в дальнейшей перспективе мы поддерживаем Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, который воплощает в себе сложный и переходный период нашего государства от неопределенности, в которой мы находились последние 10 лет, от инерции распада и развала к некому новому этапу.

Я хочу подчеркнуть, что сегодня (за три года пребывания Владимира Владимировича у власти) еще очень трудно сказать, куда мы вместе с ним пойдем. Этот вопрос не закрыт. Путин – это выражение того исторического состояния, в котором сегодня находится Россия. А это состояние неопределенности. Это состояние вопросов, а не ответов. Это состояние есть понимание необходимости укрепить наше государство и дать ему новый импульс исторического бытия. Но мы еще не решили, быть может, пока сами не знаем – как. И нам

представляется, что и он еще не совсем твердо знает как. В принципе и нельзя требовать от одного человека, чтобы он и мыслил, и решал, и делал за весь народ. Но вместе, сообщая, сплотившись вокруг нашего Президента, делегировав ему евразийские модели, планы Евразийского Проекта, которые являются спасительными в нашей исторической ситуации, я полагаю, мы найдем такой выход.

Мы поддерживаем Президента Путина за его запрос на выработку национальной идеи. На самом деле, это уже есть признание евразийства» [13, с. 19–20]. Главным в реверсивном ходе истории за эти два десятилетия является то, что ни либерализм, ни узкий национализм уже не могут выступать в качестве национальной идеи! Наш опыт работы в политических движениях и партиях, в том числе работа в качестве доверенного лица и помощника В. В. Жириновского показали, что поиски в направлении третьего пути оказались исторически оправданными.

На поиски третьего пути уходят силы, но в конечном счете при модификации всех подбираемых названий формируется первый или второй путь. Как пишет С. Белкин в публицистическом эссе о сталинизме «Сталинизм и будущее России»: «Противостояние России и Запада – факт. Ему ищут какое-то новое измерение и обоснование. Кому-то очень не хочется ассоциировать Россию в международном контексте – с СССР, а формирующуюся новую структуру мира – с „двумя системами“: социализма и капитализма. Не хочется – не ассоциируйте, но избежать необходимости создания именно системы, причём системы альтернативной западной, – не удастся. Придумать содержательную альтернативу западному капитализму, но не называть его социализмом – пытаются. Ищут „немарксистские“ отличительные признаки: цивилизации, макрорегионы и пр. Предлагают эвфемизмы типа „незападный путь развития“. Процесс поиска „правильных имён“ идёт, и лучше пока так, чем неоправданные надежды на „вхождение в мировое сообщество“. Лучше иметь не слишком удачное название, но хорошую, здоровую суть, чем не иметь ни того ни другого. А здоровая суть состоит в том числе в обретении субъектности на основе собственной силы – военной, политической, идеологической и культурной. Этими качествами обладал и „сталинизм“. У него, однако, не было очень важного свойства – иммунитета, способности побеждать собственные болезни, сохраняя жизнь и движение к развитию.

Это нам предстоит обрести – „иначе нас сметут“» [14]. Повторим эти бессмертные слова И. В. Сталина: «иначе нас сметут»!

Список использованной литературы

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ, 1967. т. 2. – 677 с.
2. Крупская Н. К. Педагогические сочинения в десяти томах. М.: Изд. Академии пед. наук, 1958. т. 2. – 748 с.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: ИПЛ, 1967. т. 4. – 565 с.
4. XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г.: Стеногр. отчет. М.: Политиздат, 1991. т. 1. – 639 с.
5. Редин А. А. Причины реставрации капитализма в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://prorivists.org/reason_of_counterrevolution/
6. Отчетный доклад Центрального Комитета ВКП(б) XIX съезду партии [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://istmat.org/files/uploads/52189/19_sezd_.pdf
7. Баранов С. Социалистическая цивилизация в России и Восточной Европе – главная заслуга Сталина [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://zavtra.ru/blogs/sotcialisticheskaya_tcivilizatciya_v_rossii_i_vostochnoj_evrope_glavnaya_zasluga_stalina
8. Жириновский В. В. Идеологические основы либерально-демократической партии России. М.: ЛДПР, 1995. – 24 с.
9. Совещание с постоянными членами Совета Безопасности– [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71714>
10. В России реанимируется партия «Евразия», вдохновленная словами Путина о Евразийском союзе [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://eurasia.com.ru/evrazia2012.html>
11. «Евразии» быть! В России учреждена партия Александра Дугина [Электронный ресурс]. – Режим доступа zavtra.ru/blogs/evrazii-byit?ysclid=ll7oxvc3el863663560
12. Партия «Евразия» собирается возобновить свою деятельность [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://argumenti.ru/politics/2023/08/849616>
13. Материалы учредительного съезда политической партии «Евразия» 30 мая 2002 г., Екатеринбург: Свердловское региональное отделение движения «Евразия», изд. УрГУ. – 195 с.
14. Белкин С. Сталинизм и будущее России. многое из того, что надо сейчас делать в силу «логики обстоятельств», может и должно найти опору в советском периоде истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://zavtra.ru/blogs/voprosi_stalinizma_12

Научное издание

НЕКРАСОВ СТАНИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Монография

Текст дается в авторской редакции
Дизайнер-верстальщик А. Ю. Тюменцева

На обложке использовано изображение из открытых источников

Подписано в печать 28.10.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Alegreya, Alegreya Sans, Fira Sans.
Усл. печ. л. 13,72. Тираж 500 экз. Заказ 28/10

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный аграрный университет». 620075, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42

Отпечатано в Издательском доме «Ажур»
620075, Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел.: +7 (343) 350-78-28, +7 (343) 350-78-49. Эл. почта: azhur.ek@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении
высшего образования «Уральский государственный аграрный университет».
620075, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42